

№ 4, 2025
Volume 4, 2025

ИНТЕЛЛЕКТ ИННОВАЦИИ ИНВЕСТИЦИИ

INTELLECT.INNOVATIONS.INVESTMENTS

ГОСТЬ НОМЕРА

А. Е. Радеев
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ЭСТЕТИКА И ТРИ ЕЕ КОНТИНЕНТА

GUEST OF VOLUME

A. E. Radeev
Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
AESTHETICS AND ITS THREE CONTINENTS

ISSN 2077-7175
doi 10.25198/2077-7175

ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ

Журнал основан в 2008 году

Учредитель:
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-63471 от 30.10.2015 г.

Периодичность издания: 6 номеров в год.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научным специальностям:

- 2.9.5. Эксплуатация автомобильного транспорта (технические науки);
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
- 5.2.4. Финансы (экономические науки);
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки);
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.7.3. Эстетика (философские науки);
- 5.7.4. Этика (философские науки);
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

В Перечне ВАК РФ журнал имеет категорию K2.

Журнал входит в список рецензируемых научных изданий, рекомендуемых Ученым советом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора экономических наук.

Журнал архивируется в РГБ, eLIBRARY.RU, НЭБ «КиберЛенинка», ЭБС «Лань» и Znanium, НЦР «Рукопт», на Национальной платформе периодических научных изданий РЦНИ, индексируется в РИНЦ, Crossref, DOAJ, Google Scholar, ВИНТИ РАН, в системе «Российские научные журналы» на портале РИЭПП.

При перепечатке ссылка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» обязательна.

Все поступившие в редакцию материалы подлежат двойному анонимному рецензированию.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция в своей деятельности руководствуется разработками Комитета по публикационной этике (Committee on Publication Ethics (COPE)), Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) «Этические принципы научных публикаций».

Условия публикации статей размещены на сайте журнала: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

INTELLECT. INNOVATIONS. INVESTMENTS

Journal appeared in 2008

**Established by:
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education
«Orenburg State University»**

Journal «Intellect. Innvations. Investments» is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunications, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-63471, 30.10.2015.

Publication frequency: 6 issues per year.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science in the science field of:

Previously unpublished original scientific articles and scientific reviews in the following journal headings are accepted for publication:

Economic Sciences

The results of fundamental and applied scientific research in the field of regional and sectoral economics, finance, management are published.

Philosophical Sciences

The subject of the articles are topical issues in the field of ontology and theory of knowledge, history of philosophy, aesthetics and ethics, philosophy of science and technology, social and political philosophy, philosophical anthropology and philosophy of culture, philosophy of religion and religious studies.

Transport

Original articles are published presenting the results of solving scientific and practical problems in the field of operation of road transport are considered.

In the List of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation, the journal has a category K2.

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Academic Council of the Lomonosov Moscow State University for publication of the main scientific results of theses for the degree of Candidate and Doctor of Economic Sciences.

The journal is archived in the Russian State Library, eLIBRARY.RU, NEB «Cyberleninka», EBS «LAN» and Znanium, NCR «Rucont», RCSI Journals Platform, indexed in Science Index, Crossref, DOAJ, Google Scholar, VINITI RAS, in the Russian Scientific Journals system on the RIEPL portal.

When reprinting a link to the journal «Intellect. Innovation. Investments» is required.

All materials submitted to the editors are subject to double anonymous review.

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors.

In its activities, the editorial board is guided by the developments of the Committee on Publication Ethics (COPE), the Declaration of the Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP) «Ethical Principles of Scientific Publications».

The terms of publication of articles are posted on the journal website: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

С.А. Мирошников, чл.-кор. РАН, д-р биол. наук, профессор РАН, ректор,
Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Ответственный секретарь

Т.П. Петухова, канд. физ.-мат. наук, доцент,
Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Редакционный совет

Экономические науки

Алина Г.Б., канд. экон. наук, ассоциированный профессор, декан факультета бизнеса и управления, Esil University, Астана, Республика Казахстан

Архипова М.Ю., д-р экон. наук, профессор, профессор департамента статистики и анализа данных факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Вегера С.Г., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры учета и аудита, логистики и менеджмента, Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Республика Беларусь

Елисеева И.И., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Есенгельдин Б.С., д-р экон. наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям, Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Республика Казахстан

Корзёб Збигнев, д-р экон. наук, заместитель декана факультета экономики и управления по научной работе, профессор, заместитель заведующего кафедрой учета и финансов, Белостокский технологический университет, Белосток, Польша

Носов В.В., д-р экон. наук, доцент, профессор базовой кафедры торговой политики, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Нурланова Н.К., д-р экон. наук, профессор, заместитель директора, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

Осипов В.С., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Панков Д.А., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита в отраслях народного хозяйства, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь

Попова Е.М., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Христаускас Чесловас, профессор, Каунасский университет прикладных наук, Каунас, Литва

Цветков В.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Шеломенцев А.Г., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления, Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия

Широв А.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, заведующий лабораторией анализа и прогнозирования производственного потенциала и межотраслевых взаимодействий, Москва, Россия

Сель Николая, Ph.D., Школа Бизнеса, Манчестерский Столичный Университет, Манчестер, Великобритания

Философские науки

Бажанов В.А., д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

Олимов Караматулло, акад. АН Республики Таджикистан, акад. Международной Академии высших школ, д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан

Смирнов А.В., акад. РАН, д-р филос. наук, ВРИО Первого заместителя директора по научной работе Института философии Российской академии наук, руководитель секции философии, политологии, психологии, социологии и права Отделения общественных наук Российской академии наук, Москва, Россия

Тульчинский Г.Л., д-р филос. наук, профессор, профессор департамента государственного администрирования, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Транспорт

Володькин П.П., д-р техн. наук, профессор, и.о. декана транспортно-энергетического факультета, заведующий кафедрой эксплуатации автомобильного транспорта, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Захаров Н.С., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой сервиса автомобилей и технологических машин, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Кузьмин Н.А., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

Кулаков А.Т., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры автомобилей, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия

Псарианос Василь, д-р техн. наук, профессор, Национальный технический университет Афин, Афины, Греция

Пашкевич Антон, д-р техн. наук, доцент, профессор департамента транспортных систем, Краковский политехнический университет имени Тадеуша Костюшко, Краков, Польша

Редакционная коллегия

Экономические науки

Балтина А.М., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой финансов, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Боброва В.В., д-р экон. наук, доцент, директор Института менеджмента, экономики и предпринимательства, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Борисюк Н.К., д-р экон. наук, профессор, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института развития экономики и новых компетенций университета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Ермакова Ж.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет, директор Оренбургского филиала Института экономики УрО РАН, Оренбург, Россия

Корабейников И.Н., д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, директор Научно-исследовательского института развития экономики и новых компетенций университета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Леонтьева Л.С., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры регионального и муниципального управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Мусина А.А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры финансов, Esil University, Астана, Республика Казахстан

Панкова С. В., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Сабитова Н.М., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры финансовых рынков и финансовых институтов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Суглобов А.Е., д-р экон. наук, профессор, руководитель Всероссийского научно-исследовательского института организации производства, труда и управления в сельском хозяйстве – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», Москва, Россия

Черненко В.А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики, организации и управления производством, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия

Юматов А.С., канд. экон. наук, доцент, заместитель директора филиала, заведующий кафедрой цифровой экономики и логистики, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оренбург, Россия

Философские науки

Анкин Д. В., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Аполлонов И.А., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

Беляев И.А., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Коломиец Г. Г., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Косиченко А. Г., д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

Лойко А. И., д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой «Философские учения», Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь

Максимов А.М., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры общественных наук и молодежной политики, Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия

Федяев Д.М., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Транспорт

Аземша С. А., канд. техн. наук, доцент, заведующий кафедрой «Управление автомобильными перевозками и дорожным движением», Белорусский государственный университет транспорта, Гомель, Республика Беларусь

Ларин О.Н., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры «Цифровые технологии управления транспортными процессами», Российский университет транспорта, Москва, Россия

Рассоха В.И., д-р техн. наук, доцент, декан транспортного факультета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Родионов Ю.В., д-р техн. наук, профессор, декан автомобильно-дорожного института, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

Султанов Н.З., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры информационных технологий и систем, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Трофименко Ю.В., заслуженный деятель науки РФ, д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой инженерно-экологических инноваций и комплексной безопасности, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия

Якунин Н.Н., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

EDITORIAL TEAM

Chief Editor

S.A. Miroshnikov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences,
Doctor of Biological Sciences, Professor of Russian Academy of Sciences,
Rector, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Executive Secretary

T.P. Petukhova, Ph.D., Associate Professor,
Orenburg State University, Orenburg, Russia

Editorial Council

Economic Sciences

Alina G.B., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Business and Management, Esil University, Astana, Republic of Kazakhstan

Arkhipova M.Yu., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Statistics and Data Analysis, Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vegera S.G., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Accounting and Auditing, Logistics and Management, Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk, Republic of Belarus

Eliseeva I.I., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Statistics and Econometrics, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Esengeldin B.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice-Rector for Research and International Relations, Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Korzeb Zbigniew, Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Management, Economy and Finance, Bialystok University of Technology, Bialystok, Poland

Nosov V.V., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Basic Department of Trade Policy, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Nurlanova N.K., Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Director, Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Osipov V.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of World Economy and Management of Foreign Economic Activity, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Pankov D.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit in the Sectors of the National Economy, Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus

Popova E.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Banks, Financial Markets and Insurance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Christauskas Ceslovas, Professor, Kaunas University of Applied Sciences, Kaunas, Lithuania

Tsvetkov V.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Shelomentsev A.G., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics and Management, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

Shirov A.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute for National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Head of the Laboratory for Analysis and Forecasting of Production Potential and Intersectoral Interactions, Moscow, Russia

Scelles Nicols, PhD, Business School, Manchester Metropolitan University, Manchester, United Kingdom
Philosophical Sciences

Bazhanov V.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Olimov Karamatullo, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Academician of the International Academy of Higher Schools, Ph.D., Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Smirnov A.V., Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Acting First Deputy Director for Scientific Work at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Head of the Section of Philosophy, Political Science, Psychology, Sociology and Law of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tulchinsky G.L., Ph.D., Professor, Professor of the Department of public administration, St. Petersburg branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

Transport

Volodkin P.P., Doctor of Technical Sciences, Professor, Acting Dean of the Faculty of Transport and Energy, Head of the Department of Road Transport Operation, Pacific State University, Khabarovsk, Russia

Zakharov N.S., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Service and Technological Machines, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia

Kuzmin N.A., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia

Kulakov A.T., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Automobiles, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

Basil Psarianos, Dr. – Ing., Professor, National Technical University of Athens, Athens, Greece

Pashkevich Anton, Ph. D., Assistant Professor, Professor of the Department of Transportation Systems, Politechnika Krakowska, Krakow, Poland

Editorial team

Economic Sciences

Baltina A.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Finance, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Bobrova V.V., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Management, Economics and Entrepreneurship, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Borisyyuk N.K., Doctor of Economic Sciences, Professor, Senior Researcher at the Scientific Research Institute for the Development of Economics and New Competencies of the University, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Ermakova J.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Banking and Insurance, Orenburg State University, Director of the Orenburg Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia

Korabeynikov I.N., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management, Director of the Research Institute for Economic Development and New Competences of the University, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Leontieva L.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Regional and Municipal Management, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Musina A.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Finance, Esil University, Astana, Republic of Kazakhstan

Pankova S. V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Sabitova N.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Financial Markets and Financial Institutions, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Suglobov A.E., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the All-Russian Scientific Institute for Organization of Production, Labor and Management in Agriculture- the branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories-All-Russian Research Institute of Agriculture», Moscow, Russia

Chernenko V.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics, Organization and Production Management, Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov, St. Petersburg, Russia

Yumatov A.S., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Director of the branch, Head of the Department of Digital Economy and Logistics, Orenburg Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orenburg, Russia

Philosophical Sciences

Ankin D. V., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Apollonov I.A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Belyaev I.A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of philosophy, culture and sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Kolomiets G. G., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Kosichenko A. G., Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Loiko A. I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department «Philosophical Studies», Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus

Maksimov A.M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social Sciences and Youth Policy, Orenburg State Medical University, Orenburg, Russia

Fedyaev D.M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

Transport

Azemsha S. A., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Road Transport and Traffic Management, Belarusian State University of Transport, Gomel, Republic of Belarus

Larin O.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department «Digital Technologies of Transport Process Management», Russian University of Transport, Moscow, Russia

Rassoha V.I., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Rodionov Yu.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean of the Automobile and Road Institute, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia

Sultanov N.Z., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Information Technologies and Systems, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Trofimenko Yu.V., Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Engineering and Environmental Innovations and Integrated Safety, Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Moscow, Russia

Yakunin N.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСТЬ НОМЕРА

А. Е. Радеев

Эстетика и три ее континента11

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е. В. Гохштадт

Направления совершенствования системы долгосрочного прогнозирования социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа24

Е. М. Евстафьева, К. В. Гурьев

Проблемы интеграции отчетности в области устойчивого развития в систему учетно-аналитического обеспечения управления компаниями37

Л. В. Лapidус, Б. Д. Понкратов-Вайсман

Эволюция экосистемного подхода и риски его применения в управлении материально-техническим обеспечением при государственной ориентации на технологическое лидерство49

А. И. Лесников, Е. А. Поподько, А. А. Поподько

Методика оценки организационной системы менеджмента качества сервиса67

Е. И. Москвитина

Оценка потенциала развития «умных территорий» в Российской Федерации80

Е. М. Попова, С. А. Руденко

Валютные облигации на российском рынке ценных бумаг90

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

А. А. Denikin

Philosophical aspects of posthuman communications in video games: gamers, techno-bio-objects and the movement of affects102

А. В. Дрозденко, Н. В. Зайцева, В. О. Шелекета

Политика и субъективность в творчестве М. Фуко и Ж. Делёза: серии трансгрессии и резонанса110

А. В. Иващенко, Н. В. Чертыковцева,

А. Ю. Нестеров

Термодинамическая интерпретация семиозиса122

CONTENTS

GUEST OF THE VOLUME

A. E. Radeev

Aesthetics and its three continents11

ECONOMICAL SCIENCES

E. V. Gokhshtand

Directions for improving the system of long-term forecasting of socio-economic development of the Far Eastern Federal District subjects24

E. M. Evstafieva, K. V. Guryev

Problems of integrating sustainability reporting into the accounting and analytical support system for company management37

L. V. Lapidus, B. D. Ponkratov-Vaysman

Evolution of the ecosystem approach and risks of its application in logistics management with a state orientation to technological leadership49

A. I. Lesnikov, E. A. Popodko, A. A. Popodko

Methodology for assessing the organizational system of service quality management67

E. I. Moskvitina

Assessment of the development potential of «smart territories» in the Russian Federation80

E. M. Popova, S. A. Rudenko

Foreign currency bonds on the Russian securities market90

PHILOSOPHICAL SCIENCES

A. A. Denikin

Philosophical aspects of posthuman communications in video games: gamers, techno-bio-objects and the movement of affects102

A. V. Drozdenko, N. V. Zaitseva, V. O. Sheleketa

Politics and subjectivity in the works of M. Foucault and G. Deleuze: series of transgression and resonance110

A. V. Ivaschenko, N. V. Chertykovtseva, A. Yu. Nesterov

Thermodynamic interpretation of semiosis122

ГОСТЬ НОМЕРА

Научная статья
УДК 18

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-11>

ЭСТЕТИКА И ТРИ ЕЕ КОНТИНЕНТА

А. Е. Радеев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: a.radeev@spbu.ru

Аннотация. В статье на основании понятия эстетического поля дается анализ трех основных континентов этого поля – «эстетический опыт», «эстетический объект» и «эстетика третьего». Рассматривается исторический и теоретический срез каждого из описанных континентов, показывается их специфика с точки зрения формирования и современного состояния. При анализе феномена эстетического опыта подчеркивается, что следует избегать упрощенного его понимания в виде редукции к «эстетической оценке», «незаинтересованности» или «эстетическому отношению». При анализе эстетического объекта показывается, что понимание его как искусства открыло новые перспективы для эстетики, но также привело к редукции эстетики к философии искусства. При анализе феномена «эстетики третьего» подчеркивается, что на данный момент этот континент понимается как эстетика повседневности или как эстетика атмосферы,

отличительными особенностями которых является преодоление представления об эстетическом субъекте и эстетическом объекте. Также в статье показываются возможности анализа трех описанных континентов эстетического поля с точки зрения идей Ч. С. Пирса о единичности, двоичности и троичности. В статье намечаются перспективы дальнейшего изучения трех континентов в эстетике и делается вывод о расширении возможностей методологии эстетического анализа.

Ключевые слова: эстетика, эстетический опыт, эстетический объект, эстетика повседневности, эстетика атмосферы, Ч. С. Пирс.

Для цитирования: Радеев А. Е. Эстетика и три ее континента // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 4. – С. 11–23. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-11>.

Original article

AESTHETICS AND ITS THREE CONTINENTS

A. E. Radeev

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

e-mail: a.radeev@spbu.ru

Abstract. Based on the concept of the aesthetic field, the article analyzes the three main continents of this field: «aesthetic experience», «aesthetic object», and «aesthetics of the third». It provides a historical and theoretical overview of each of these continents, underlying their specific features in terms of their formation and current state. In case of analysis of aesthetic experience, it is important to avoid simplifying it by reducing it to «aesthetic evaluation», «disinter

estedness», or «aesthetic attitude». The analysis of the aesthetic object shows that understanding it as art has opened up new perspectives for aesthetics, but it has also led to the reduction of aesthetics to the philosophy of art. The analysis of the «aesthetics of the third» phenomenon emphasizes that this continent is currently understood as the everyday aesthetics or the aesthetics of atmosphere, which are characterized by overcoming the concept of the aesthetic subject and the aesthetic object. The article also shows the possibilities of analyzing the three described continents of the aesthetic field from the perspective of Ch. S. Peirce's ideas about firstness, secondness, and thirdness. The article outlines the prospects for further study of the three continents in aesthetics and concludes by expanding the possibilities of aesthetic analysis methodology.

Key words: *aesthetics, aesthetic experience, aesthetic object, aesthetics of everyday life, aesthetics of the atmosphere, C. S. Pierce.*

Cite as: Radeev, A. E. (2025) [Aesthetics and its three continents]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 11–23. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-11>.

Эстетика как проблема

Существует отрасль философии, которая за последние 40–50 лет произвела тихую революцию, однако многие – как адепты этой отрасли, так и противники – не заметили. Одни эту отрасль все еще воспринимают по старинке, словно никаких изменений в ней не произошло. Другие предпочитают тихо следовать за ее революционными изменениями. Третьи все еще находятся в недоумении, как же оценивать то, что в этой отрасли происходит. Имя этой отрасли – эстетика.

Изменения в эстетике произошли столь стремительно, что в этой быстроте теряется возможность замедлиться и оглянуться – что было сделано, что было открыто. Это неизбежно привело к состоянию всеобщей смешанности: фундаментальные проблемы смешаны с прикладными (и последние зачастую выдают себя за фундаментальные), внутренние проблемы смешаны с внешними, дисциплинарность – с междисциплинарностью, классические вопросы – с современными.

На допущение, что можно разобраться в этой смешанности, вряд ли стоит надеяться. Но возможно обрисовать, пусть и контурно, то проблемное эстетическое поле, которое сформировалось на данный момент.

В 1970 г. американский философ А. Берлеант ввел понятие эстетического поля, так обрисовав его черты: «Искусство можно определить, только обратившись к общей ситуации, в которой возникают объекты, различные деятельности и переживания искусства, только обратившись к обстановке, включающей в себя все эти денотаты и многое другое. Я буду называть это *эстетическим полем*, контекстом, в котором объекты искусства активно и творчески переживаются как нечто ценное. Именно эту всеобъемлющую обстановку мы должны изучить во всей его полноте, прежде чем сможем дать точное объяснение того, что такое искусство, и ответить на вопросы, которые продолжают мучить эстетическую теорию» [11, с. 50]. Как видно, Берлеант использует понятие эстетического поля, чтобы показать, как формируется ценность искусства

и особенности его эстетического переживания. Эстетическое поле в этом смысле – контекст, позволяющий состояться эстетическому переживанию именно в отношении искусства. Изучению этого контекста и посвящена одноименная книга Берлеанта и другие его работы.

Однако, как это часто бывает, у удачного концепта могут образовываться и другие, независимые от его истока, смыслы. И под понятием эстетического поля можно понимать весь комплекс эстетической проблематики, который очерчиваем на данный момент, а не только тот, который связан с искусством и его ценностью. Эстетическое поле – это территория, которая была открыта в определенный момент истории, изучение же этого поля и составление его картографии продолжается и по сей день. Конечно, карта – это не территория, но она позволит выделить те наиболее устойчивые изгибы территории, которые можно увидеть на данный момент. А если принимать во внимание не только теоретический, но и исторический срез, то карта позволяет увидеть, как формировались изгибы и как одни перекрывали собою другие.

Ситуация с эстетикой схожа с классической историей открытий континентов. Эстетика – это та смысловая территория, высадившись на которую один исследователь проводит описание того, как она выглядит (и описывает он исходя из тех средств, которыми располагает для своего времени). Затем, ознакомившись с этим описанием, другой исследователь совершает свое путешествие по этой территории, где-то подтверждая, где-то уточняя, а где-то переименовывая описание первопроходца. Последующие исследователи этой территории продвигаются еще дальше.

Та картина эстетического поля, которая складывается на сегодня, выглядит следующим образом: на этом поле отчетливо выделяются три континента, связанные между собою, но все несводимые друг к другу.

Прежде чем назвать эти три континента, описать их контуры и показать изгибы их территории, следует отметить еще один аспект, связанный с самим обнов-

лением знания. Любая отрасль знания периодически проводит переоценку своего состояния. Когда-то это свершается как бы само собой, когда-то – под воздействием внешних причин. В отношении эстетики сложилось несколько превратное понимание круга ее проблем – либо эстетику возводят к тем ее контурам, которые были заметны более 50-60 лет назад (эстетика как философия красоты и искусства), либо расширяют поле эстетики до полной неопределенности, говоря о ней как о синониме поэтики, теории искусства или теории чувственности. То и другое представляется чем-то поспешным. И если принять тезис о важности замедления в исследованиях и о необходимости не делать поспешных выводов, то, возможно, пришло время произвести, если не расчистить авгиевы конюшни, то хотя бы составить новую картографию общего контура эстетической проблематики, составить картографию ее континентов и произвести их анализ исходя из доступных современных средств.

Итак, эстетическое поле в том виде, в котором оно исследовано на сегодня, являет собой три смысловых континента.

Первый условно можно обозначить как «эстетический опыт». Этот континент изучен неплохо (хотя карт этого континента существует несколько), наименование этого континента более-менее устоялось в эстетике.

Второй континент условно можно обозначить как «эстетический объект», под которым чаще всего понимается искусство. Этот континент также изучен неплохо, хотя споры о том, каковы его границы, как он связан (прямо или косвенно, безусловно или условно) с первым континентом – все еще является предметом изучения. Более того, нет определенности того, по необходимости ли всякий элемент этого континента является искусством или же любой эстетический объект – безотносительно к тому, связан он с искусством или нет – следует рассматривать как элемент этого континента.

Относительно же третьего континента эстетического поля картина выглядит значительно сложнее. Не все исследователи эстетического поля на данный момент уверены, правомерно ли выделять этот континент. Более того, среди тех, кто готов рассматривать его как нечто самостоятельное, нет согласия в наименовании – кто-то говорит об «эстетике повседневности» как о чем-то третьем по ту сторону смыслового поля эстетического опыта и эстетического объекта, кто-то предпочитает называть этот континент «эстетикой окружающей среды» или же «эстетикой атмосферы». Предварительно обозначим этот третий гипотетический континент как «эстетика третьего», позже предложив более удачный его словесный аналог.

Рассмотрим контуры этих континентов, уделяя внимание как историческим вехам открытия этих континентов, так и современной их картографии.

Эстетический опыт: открытие проблемного поля и современный статус

Когда в конце XIX в. З. Фрейд в ряде своих работ заявил об открытии феномена бессознательного, то речь не шла о том, что именно Фрейд нашел удачный термин (он был известен как минимум несколько столетий до него) и не шла речь о том, что никто до Фрейда не размышлял о том, что именно по ту сторону сознания в психике человека определяет его действия. Речь шла, в первую очередь, об открытии самостоятельной области, которую прежде редуцировали к известным на то время моделям. Оказалось, что прежние формы картирования территории бессознательного либо сильно упрощают саму эту территорию, либо упускают что-то принципиальное из виду. После серии работ Фрейда и близких к нему исследователей бессознательного последнее закрепилось как самостоятельная территория [10].

Нечто похожее можно наблюдать и в случае с открытием первого континента в эстетике – эстетического опыта. Собственно, с этого и начинается эстетика – с открытия феномена эстетического опыта. Первые открыватели именовали этот феномен по-разному, но к середине XX в. закрепилось представление об эстетическом опыте как самостоятельной смысловой территории.

Вкус. Все началось с открытия *вкуса* (в метафорическом смысле слова) как самостоятельной инстанции человека. В XVII–XVIII вв. в самых разных странах и иногда независимо друг от друга различные философы стали провозглашать наличие у человека особой способности судить о том, что нравится в произведении искусства или же, что может доставлять особое удовольствие в мире природы. Во Франции Ж. Л. Д’Аламбер, Ж. Ж. Руссо, Вольтер, в Англии и Шотландии Д. Юм, Г. Хоум, А. Э. К. Шефтсбери, Ф. Хатчесон, Э. Бёрк, в Германии А. Баумгартен, И. И. Винкельман, И. Г. Зульцер, в России Н. М. Карамзин, Г. Р. Державин – вот далеко не полный список тех, кто в XVII–XVIII вв. пишут о вкусе как особой способности судить о прекрасном в природе и искусстве. Представление о открытии и существовании вкуса было столь повсеместным, что это позволило Дж. Дики назвать XVIII в. «столетием вкуса», а Дж. Агамбен заявил о появлении невиданной ранее фигуры – «человека вкуса». Если же искать первого, кто провозгласил вкус как самостоятельную инстанцию судить об изяществе в искусстве и красоте природы, то по данным современной истории

эстетики это был испанский философ Б. Грасиан, который в своем «Карманном оракуле» (1647) в форме эссе описал, в чем преимущества хорошего вкуса («преимущество хорошего вкуса – способность наслаждаться вещами только в их завершенном виде» [6, с. 69]; «хороший вкус украшает человеку всю жизнь» [6, с. 330], как воспитывать хороший вкус («наслаждение предметом великим как целым, хоть и затрудняет суждение о частях, само по себе возвышает вкус» [6, с. 262] и т.д. Грасиан в «Карманном оракуле» предлагает своеобразный учебник по культуре вкуса, и это обстоятельство дает основание утверждать, что книга Грасиана *de facto* является первым трактатом по эстетике.

Сюжет, связанный с открытием вкуса, хорошо изучен (подробный разбор теорий вкуса этого периода можно найти в работах В. В. Бычкова [4] и К. Корсмайер [17] и потому имеет смысл зафиксировать несколько принципиальных итогов.

Первое. Картина выглядит так, словно у человека обнаружилась какая-то особая способность, позволяющая ему взаимодействовать с искусством и природой, особый орган, самостоятельно действующий и развивающийся. Способы обоснования автономности вкуса в последующие годы (главным образом, у Канта) стали предметом отдельного изучения.

Второе. Эта способность позволяла вводить представление о воспитании, развитии вкуса, основанного на переходе от вкуса менее развитого к более развитому. Иначе говоря, с открытием вкуса связана способность производить различия, иерархии в эстетическом поле. Принятие вкуса было необходимо для обоснования самостоятельности автономности эстетических суждений (в том числе об искусстве). Это, в свою очередь, неизбежно приводило к представлению о вкусе как средстве введения иерархий в области искусства, обоснованию высокого и низкого, развитого и неразвитого вкуса. Также вкус в рамках его принятия выполнял функцию опознавательного сигнала «свой-чужой». Последним реликтом тенденции по принятию вкуса явилось обоснование различия массового и элитарного искусства в культуре XX в.

История осмысления феномена вкуса продолжилась как минимум в трех направлениях. Одни (традиционалисты) продолжали полагать вкус автономным основанием для производства эстетических суждений (и, шире – эстетического опыта). К этому лагерю относятся последователи Канта, сторонники классической теории эстетического воспитания, В. В. Бычков и многие другие.

Другие (критики) отвергали саму возможность вкуса как основания для эстетического опыта. Круг представителей этого лагеря широк – от Гегеля, попре-

кавшего теоретиков вкуса в том, что они неспособны «как уловить внутреннюю истинную сущность искусства, так и обострить восприятие этой сущности» [5, с. 23] и социологов вкуса (Т. Веблен, П. Бурдьё) до Н. Кэрролла («вкус никогда не был адекватной моделью для критической оценки искусства... Философы искусства должны забыть о категории вкуса» [13, с. 2]) и Дж. Агамбена («если человек вкуса на секунду задумается о себе самом, он будет вынужден признать не только то, что он стал безразличным к искусству, но и то, что чем тоньше становится его вкус, тем больше его душа спонтанно влечется ко всему, что хороший вкус может лишь отвергать, – как будто в глубине хорошего вкуса есть стремление к извращению в собственную противоположность» [1, с. 31]).

Третьи предлагают пересмотреть концепцию вкуса – будь то в свете нового, безоценочного представления о китче (М. Риинанен), будь то с позиции сомаэстетической практики, в которой вкус трактуется как форма сомаэстетического стиля (Р. Шустерман), будь то с точки зрения расширения классического понятия вкуса представлением об эстетической опытности и рассмотрении в этой связи двух его элементов – предвкушения и послевкусия (автор этих строк).

Теоретики вкуса были первопроходцами, именно с их именами мы связываем возникновение эстетики как самостоятельной дисциплины. Но история открытия первого континента на теории вкуса не завершилась.

Эстетическое суждение, эстетическое удовольствие, эстетическое отношение. Если дать краткую экспликацию последующих открытий на территории первого континента, то связана она будет с представлениями об эстетическом суждении, эстетическом удовольствии, эстетическом отношении, а также связанными с ними феноменами.

Значительный шаг на этом континенте сделал И. Кант. Как известно, первоначальное название третьей «Критики» планировалось как «Критика вкуса», однако позже Кант изменил его на «Критику способности суждения» в том числе и потому, что вкус (как «способность судить о прекрасном») оказался слишком узким феноменом по сравнению с чем-то большим. За вкусом Кант обнаруживает более общий феномен – эстетическое суждение, который, в свою очередь, связан с другим феноменом – удовольствием. Последнее может быть как чистым, «незаинтересованным», так и связанным с интересом. Несмотря на то, что незаинтересованность является лишь одной из характеристик суждений вкуса, открытие именно феномена незаинтересованности оказало наибольшее влияние на последующее изучение эстетического поля.

Уже к концу XIX в. понятие незаинтересованности рядом исследователей стало восприниматься как определяющее для эстетического поля (и многие придерживаются этой позиции и в наши дни). С этой целью потребовалось введение более общего понятия, чем вкус, эстетическое суждение и эстетическое удовольствие, и им становится понятие эстетического отношения (или эстетической установки), которое его исследователями неизменно трактуется в связи с представлением о незаинтересованности. Сам термин «эстетическое отношение» (или «эстетическое созерцание») использовался с середины XIX в. (например, у А. Шопенгауэра), наиболее же открытым адептом понятия «эстетическое отношение» как самого общего, характеризующего эстетическое поле, был Дж. Стольниц. Он определял эстетическое отношение как «незаинтересованное, симпатическое и созерцательное отношение ко всякому объекту, выполненное ради него самого» [21, с. 34–35]. Во многом именно такое понимание эстетического отношения по сию пору используется как его адептами, так и его критиками (которые не принимали сам феномен незаинтересованности, на основании чего провозглашали «миф об эстетическом отношении», см. [15]). Как бы то ни было, «незаинтересованность» и «эстетическое отношение» многими используются как синонимы. И до определенного момента именно «эстетическое отношение» можно было считать самой верной картой для эстетического поля первого континента.

Важнейшим достижением этого этапа изучения первого континента стало допущение о том, что эстетическое отношение не обязательно сводится к вкусу, и что оно значительно шире, чем эстетическое удовольствие, а потому и различные формы эстетического неудовольствия также могут включаться в область эстетического отношения.

Эстетический опыт – история и современность. Тем не менее, с определенного момента можно слышать голоса, что существует более глубокое понимание первого континента эстетики, и связано оно с представлением об эстетическом опыте.

Сам термин «эстетический опыт» встречается с конца XIX в. Более же осмысленное его использование – это первая половина XX в., а настойчивое введение в эстетический лексикон происходит примерно с 1930–1940-х гг. И именно представление об эстетическом опыте видится сегодня наиболее общим и адекватным для эстетического поля. Связано это во многом с тем, что само понятие опыта как «зонтичное» понятие позволяет включать в него «эстетическое отношение», «вкус» или «эстетическое удовольствие» и другие формы «эстетического», дает возможность рассматривать сам опыт как

наиболее универсальную характеристику для всего многообразия переживаний, при этом сами понятия «эстетический опыт» и «эстетическое переживание» за счет своей универсальности стали почти синонимичными (хотя в разных языках, в том числе и в русском, можно найти смысловые оттенки, позволяющие различать «опыт» и «переживание»). Понятие эстетического опыта подразумевает и «вкус» (как форму эстетической оценки), и саму «эстетическую оценку» (хотя все же неверно сводить эстетический опыт к эстетической оценке), и «эстетическое суждение», и «эстетическое удовольствие», и «эстетическое отношение». Более того, представление об эстетическом опыте вовсе не обязательно сводимо к «незаинтересованности» (ибо и заинтересованность, т.е. «вовлеченность» также может быть формой эстетического переживания). Также внимание к «эстетическому опыту» позволило рассматривать его как самостоятельное явление, несводимое к своему предмету. Стало очевидным, что эстетический опыт – это не опыт искусства или любого другого предмета, это процесс со своими особенностями складывания и протекания, что внимание к этому процессу складывания эстетического опыта позволяет понять его глубже, нежели в том случае, когда допускается предметная ориентация этого опыта.

Также немаловажную роль в открытии и обосновании эстетического опыта как наиболее адекватного и универсального понятия для эстетического поля сыграло и становление т.н. эстетики вторичных чувств (эстетика осязания, обоняния и вкуса), которая во многом ориентировалась не на традиционное представление о незаинтересованности, а на представление о многообразии эстетических переживаний.

В то же время сама аналитика эстетического опыта еще далека от завершенности: все еще ведутся споры о том, что же есть «эстетического» в «опыте», при каких условиях опыт становится эстетическим, какие иные типы опытов, кроме эстетического, существуют, насколько велика опасность сведения эстетического опыта к чувственному и т.д. Кроме того, остается открытым вопрос, возможно ли выделить определенные моменты строения эстетического опыта, насколько разнообразны эстетические переживания. Поднимается и вопрос о том, насколько эстетический опыт «пристегнут» к конкретному человеческому индивиду этого опыта, возможен ли коллективный эстетический опыт, а также возможен ли эстетический опыт по ту сторону человеческого (будь то в мире животных или в мире ИИ). Проблемным для теории эстетического опыта является и само обоснование его существования: этот тип опыта не удостоверяем, т.е. невозможно привести аргументы

в пользу наличия переживания именно этого опыта (аналогично неустойчивой функцией обладает и религиозный опыт – нет никаких аргументов в обосновании его наличия), что, с одной стороны, вызывает очевидные проблемы в аналитике эстетического опыта, с другой же – побуждает к дальнейшему его изучению.

Интересным в свете аналитики эстетического опыта является и представление об опытности как одном из условий складывания этого опыта, а также вопрос о его исторических формах. Также нельзя не принимать во внимание и критику «эстетического опыта» не только как наиболее универсального, но также и как наиболее адекватного понятия эстетическому полю с позиции современной эстетики (см.: [18, 31–36]). Существует и критика представления об эстетическом опыте со стороны современных когнитивных наук (представление о том, что в основе эстетического опыта лежат определенные нейронные процессы и потому, утверждают критики, нейроэстетика должна претендовать на статус более общей эстетической дисциплины).

Как бы то ни было, на данный момент «эстетический опыт» является наиболее адекватной картой для территории одного из континентов эстетического поля. Эта карта, с одной стороны, позволяет не упрощать эту территорию до каких-то отдельных ее элементов (классические формы упрощения – понимание этого континента как «эстетической оценки», «незаинтересованности» или «эстетического отношения»), с другой – позволяет изучать «соседние» типы опытов (ближайшие из которых – познавательный и религиозный), находить параллели и точки взаимодействия между ними.

Если вернуться к аналогии с открытием бессознательного, можно констатировать: во второй половине XX в. в эстетике произошло важнейшее открытие, определившее развитие и ее современное состояние. Многие предшествующие теории лишь издалека подбигались к этому открытию, ранние исследователи скорее указывали на сам континент, чем изучали его подробно. Во второй же половине XX в. на этот континент высадились эстетический десант, задачей которого было изучение территории с разных сторон. И изучение этого континента продолжается.

Итак, в минимальном смысле слова эстетика – это дисциплина, изучающая все многообразие эстетического опыта, все его формы, будь то сам процесс складывания этого опыта или же его оценка, будь то эстетический эффект в виде эстетического удовольствия или неудовольствия или же эстетическое отношение в виде незаинтересованности или ангажированности. При этом эстетический опыт не редуцируется к опы-

ту художественному и не рассматривается в его связи с предметом этого опыта.

Но в то же время «эстетический опыт» – это не просто общее, абстрактное и пустое понятие, аналог «эстетического». Этот термин – такое зонтичное понятие, которое обладает своей строгостью, т.е. позволяет производить более строгий методологический анализ эстетического поля. Так, если вводится понятие «эстетическое знание», то неизбежным является вопрос: как соотносится эстетическое знание и эстетический опыт? Какой момент эстетического опыта связан с эстетическим знанием? Что раскрывает в представлении об эстетическом опыте понятие эстетического знания? Если на эти вопросы нет разумительного ответа, то и само понятие эстетического знания оказывается нерелевантным эстетическому полю. Точно такие же вопросы можно задать и таким понятиям, как «эстетическое восприятие», «эстетическое сознание», «эстетическая рефлексия» и многим другим. Это не значит, что эти понятия пустые, это значит лишь то, что для наполнения их объемом необходимо соизмерение с «зонтичным» понятием эстетического опыта.

Эстетический объект: открытие проблемного поля и современный статус

Хорошо известны история открытия и основные контуры второго континента, что связано с традиционным пониманием эстетики как философии искусства. Таким образом, имеет смысл уделить внимание принципиальным моментам открытия этого континента и его status quo.

Первый важный момент для понимания особенностей этого континента – в том, что открытие его происходило параллельно с открытием феномена эстетического опыта (понятого как вкус).

Как вкус как эстетическая инстанция была открыта в XVII–XVIII вв., так и открытие того, что существует особый эстетический объект, ориентированный на вкус как форму эстетического взаимодействия с ним, также свершается в это же время. И представление об этом объекте нашло свое выражение в понятии «изящное искусство».

Сам этот термин появляется уже в XVI в. в Италии в ряде трактатов, на основании чего вводится понятие о произведении искусства как некоем объекте, не имеющем очевидной практической пользы, имеющем право на существование только благодаря своей красоте и являющемся роскошью» [3, с. 51]. Первую же подробную аналитику «изящного искусства» дает Ш. Батте в трактате «Изящные искусства, сведенные к единому принципу» (1746). Французскому теоретику «изящного искусства» важно было обосновать,

что наравне с теми искусствами, которые ориентированы на пользу («технические искусства»), существуют и те, которые никакого отношения к полезному не имеют, они связаны с особым удовольствием и только при наличии вкуса возможно взаимодействовать с ними («изящные искусства»). Впрочем, различие между техническими и изящными искусствами не является чистым – Батте подчеркивал, что возможны и те искусства, которые стремятся сочетать в себе пользу и эстетическое удовольствие (например, риторика или архитектура) [2, с. 378].

Существуют разные варианты объяснения становления представления об изящном искусстве (см.: [7; 20]), но все их объединяет мысль, что ко второй половине XVIII в. окончательно формируется представление об особом эстетическом объекте, ориентированном исключительно на эстетическое взаимодействие с ним. В этом смысле, продолжая мысль Дж. Дики, можно назвать XVIII век не только столетием вкуса, но и золотым веком «изящных искусств», следствием которого стало обоснование разнообразия изящных искусств.

Второй важный момент для объяснения того, как складывалась картография второго континента – это формирование двух линий понимания эстетического объекта, кантовской и шеллингианско-гегелевской. Водораздел между этими линиями пролегает через вопрос: что выше по своему эстетическому эффекту – красота в природе или красота в искусстве? Как известно, Кант и его последователи отдавал предпочтение первому, обосновывая, что трансцендентальным принципом рефлектирующей способности суждения является формальная целесообразность природы, и в этом смысле красота в природе выше красоты в искусстве. Согласно второй линии, напротив, «художественно прекрасное выше природы. Ибо красота искусства является красотой, рожденной и возрожденной на почве духа, и насколько дух и произведения его выше природы и ее явлений, настолько же прекрасное в искусстве выше естественной красоты. Более того: формально говоря, какая-нибудь жалкая выдумка, пришедшая в голову человеку, выше любого создания природы, ибо во всякой фантазии присутствует все же нечто духовное, присутствует свобода» [5, с. 8]. De facto в эстетике на протяжении XVIII–XIX вв. мы имеем дело с противостоянием этих двух линий с сильными аргументами за одну и другую позицию. Но к концу XIX в. победу одерживает именно вторая линия, и представление о том, что эстетика – это философия искусства, закрепляется еще сильнее.

Третий немаловажный фактор – это переоценка «изящного искусства» с начала XX в., исследования о «смерти искусства», «конца искусства» и конца де-

маркации между искусством и не-искусством. Один из наиболее ярких вариантов объяснения «конца искусства» дал А. Данто, связывая «конец искусства» с саморефлексией искусства, с превращением его в чистую теорию. «В конце концов, – пишет Данто, – остаётся только теория, искусство окончательно испаряется в ослепительном сиянии чистой мысли о самом себе и остается, так сказать, исключительно объектом собственного теоретического сознания» [14, с. 31]. Данто связывает «конец искусства» с наступлением пост-исторического состояния, при котором исключается прогресс. Идея конца искусства была поддержана и в институциональной теории Дж. Дики, ставшей в силу разных причин господствующей в современных спорах о сущности искусства.

Однако параллельно с этим расширяются возможности философской аналитики искусства с учетом проблем философии XX в., формируется представление о трех вершинах «художественного треугольника» («автор – произведение искусства – реципиент»), развивается изучение форм смыслопорождения в искусстве. При этом не упускается из виду и своеобразная связь этого континента с первым: все также уделяется внимание роли эстетического переживания в отношении искусства, все также ставится вопрос о том, как связан эстетический опыт и особенности самого художественного объекта. Связь эстетического опыта и эстетического объекта ярко показал У. Эко на примере знаменитого структуралистского анализа «Кошек» Бодлера со стороны Р. Якобсона и К. Леви-Стросса: даже если допускать существование автономного эстетического объекта, «такие категории, как отправитель, адресат (получатель) и контекст, необходимы для понимания любого акта коммуникации, в том числе и коммуникации эстетической» [9, с. 14]. Иначе говоря, если основным контуром представления об эстетическом опыте является допущение о возможности складывания эстетического опыта независимо от особенностей предмета этого опыта, то принципиальной чертой представления об эстетическом объекте (понятом как искусство) является двойственность: особенности эстетического (или же художественного) опыта неизбежно соразмерны особенностям самого эстетического объекта.

Споры о «конце искусства» во многом определили современный контур второго континента эстетического поля, но также и сформировали основу для поиска иных континентов.

В поисках эстетического «третьего»

С точки зрения истории эстетики интересно наблюдать, как с 1980-х гг. возникают различные идеи двигаться «по ту сторону искусства», «по ту сторо-

ну эстетики» (см.: [19]). Само это движение еще не получило окончательного выражения, поэтому было бы поспешным делать выводы о том, насколько этот поход по поиску третьего континента удался. Но уже сейчас в качестве примера можно привести два важнейших тренда в современной эстетике, которые с разной степенью убедительности двигаются в направлении по ту сторону эстетического опыта и эстетического объекта.

Первый такой тренд – это эстетика повседневности. Во многом этот тренд ориентируется на идеи Дж. Дьюи, изложенные в его «Искусство как опыт». Дьюи настаивает на том, что «эстетическое» – это особенность не объекта, а всякого опыта, если последнему свойственны завершенность, если он связан со средой, из которой он вышел, а также если в нем есть гармония. Эту идею о повсеместности эстетики развивают Т. Ледди, К. Мандоки, Ю. Сайто, Л. Мутума и другие. Несмотря на все различия, общий подход строится на том, что повседневность является тем местом, в котором различия между субъектом и объектом стираются, сами оппозиции между обычным и необычным, рутинным и изысканным в пространстве повседневности оказываются в сложных отношениях, а потому и эстетические эффекты являются если не большим, то, по крайней мере, иным, нежели эффекты эстетического опыта или эстетического объекта. Повседневность с эстетической точки зрения – это то самое третье, в котором нет противоположности между искусством и жизнью, между высоким и низким. Также большинство исследователей этого поля подчеркивают, что повседневность – это не просто еще один эстетический объект, а это нечто большее, в котором созерцание и действие, незаинтересованность и ангажированность становятся чем-то единым.

Также в рамках этого тренда развивается и эстетика окружающей среды. Здесь можно наблюдать сразу несколько направлений, для которых характерен поиск «третьего»: это и анализ устойчивого развития окружающей среды и роли в ней эстетических компонентов, претендующих быть чем-то иным, чем просто эстетическими объектами, это и внимание к полноте чувственных компонентов (а не только аудиальных и визуальных) с точки зрения производства ими эстетических эффектов (в частности, густаторная эстетика и ее место для эстетики окружающей среды), это и своеобразный синтез теории и практики эстетики в феномене окружающей среды, это и развитие эстетики городской среды с ее вниманием к созданию особых эстетически организованных пространств (см.: [16]).

И задача эстетики повседневности во всех этих вариантах – выявлять эти «третичные» эстетические элементы, предлагать специфические для этого «тре-

тьего» способы анализа без редукции его к формам эстетического переживания или же к строению эстетического объекта.

Второй тренд в современной эстетике, ориентированный на движение по ту сторону эстетического опыта и эстетического объекта – это набирающая популярность эстетика атмосферы. С 1990-х гг. понятие атмосферы в эстетическом контексте вводит Г. Беме, затем это понятие подхватывают многие другие.

Понятие атмосферы оказалось очень удачным для описания направления новых поисков в эстетическом поле. В этом понятии, с одной стороны, сохранялся взгляд на классические проблемы эстетики как аналитики эстетического опыта и эстетического объекта. Беме подчеркивает, что эстетика атмосферы опирается на идеи Баумгартена, что «эстетика атмосфер... восстанавливает первоначальную отправную точку А. Г. Баумгартена, то есть эстетику как «айстетику», как общую теорию восприятия. Эстетика атмосферы доказала свою силу откровения с помощью серии конкретных исследований – атмосфера города, свет как атмосфера, атмосфера сумерек, атмосфера церковных помещений, музыка как атмосфера и, наконец, изучение атмосфер, связанных с межличностным общением» [12, с. 15]. С другой же стороны, Беме настаивает на том, что атмосферу как эстетический феномен возможно уловить, только если будет произведено решительное отмежевание от «эстетики субъекта» и «эстетики объекта» и если будут произведены две последовательные трансформации: вместо классического субъекта атмосфера подразумевает представление о субъекте во всей полноте его проживания, во всем многообразии его «здесь и сейчас», а вместо классического объекта атмосфера подразумевает представление об «экстазах вещей», т.е. о качествах, данных в их уникальности и мимолетности. Схожий подход развивает и Т. Грифферо в его «атмосферологии». Задача эстетической аналитики атмосферы – выявлять элементы, которые создают атмосферу, улавливать как в теоретическом анализе, так и на практике различные «атмосферные» компоненты, которые, словно «третий смысл», сопротивляются их опредмечиванию, но в то же время без них невозможно представить существование и анализ атмосферы.

Надо признать, что поиск третьего континента эстетического поля пока не продвинулся далеко. И это неудивительно, если мы учтем, что теория атмосферы и эстетика повседневности существуют лишь несколько десятилетий, в то время как изучение двух других континентов длится уже как минимум три столетия. Однако это не мешает оценить положительно сами устремления по обнаружению нового проблемного поля.

Взгляд на три континента с нового ракурса

Прежде чем подвести ближайшие итоги рассмотрения трех континентов, можно обратить внимание на одну деталь, позволяющую уточнить определенные моменты картографии этих континентов.

Во второй половине XIX в. философ и семиотик Ч.С.Пирс сделал открытие, что существует одна триада, с помощью которой можно многое объяснить в мире человека (прежде всего – в знаках, но также и в значительно более широком круге феноменов). Эту триаду он обозначил как «единичность», «двоичность» и «троичность». (В скобках отметим, что в оригинале эти понятия – *firstness*, *secondness*, *thirdness*. В русскоязычной литературе так и не закрепился один перевод этой триады – помимо «единичности», «двоичности» и «троичности» можно встретить «первичность», «вторичность», «третичность», а также «первость», «вторость» и «третьесть»). Единичность – «это способ бытия того, что есть таково, каково оно есть, положительно и вне какого-либо отношения к чему-либо другому» [8, с. 163]. Единичность выражает себя в простом способе своего существования, для единичности нет необходимости в чем-либо внешнем для него. Единичность – это полнота существования без какого-либо дополнительного, скрытого, добавочного смысла: «Неанализируемое цельное впечатление, произведенное любым множеством, которое понимается не как действительный факт, но как простое качество, как простая положительная возможность некоего явления, это идея первичности. Обратите внимание на *païveté* Первичности» [8, с. 164]. Ближайшим аналогом единичности, по Пирсу, является чувство во всем его многообразии.

В свою очередь, двоичность – «это способ бытия того, что есть таково, каково оно есть, в отношении ко второму, но безотносительно какого-либо третьего» [8, с. 163]. Двоичность – это сосуществование двух элементов, их взаимодействие (например, одно отсылает к другому). В самом широком смысле слова двоичность – это взаимодействие, «вообще говоря, подлинная вторичность состоит в том, что одна вещь действует на другую» [8, с. 165]. Ближайший аналог двоичности Пирс видел в действии – оно предполагает два элемента (действие и воздействие).

Наконец, троичность – «это способ бытия того, что есть таково, каково оно есть, соотнося друг с другом второе и третье» [8, с. 163]. В случае с троичностью имеет место не просто одно, действующее с другим, но имеет место такое действие, которое отсылает к отношению между другими действиями. Иначе говоря, если двоичность – это ситуация, при которой одно действует с другим, то при троичности одно действует с отношениями между другими. Ближайшим ана-

логом троичности, по Пирсу, является мысль: если она состоялась (в форме рассуждения или умозаключения), то смысл ее действия – не просто создание воздействия, а создание определенных отношений между воздействующими элементами (мы обычно это называем рефлексией).

Пирс считал, что найденная триада является настолько универсальной, что она сама по себе не допускает никаких других «способов бытия»: либо нечто берется безотносительно к другому, либо нечто берется в отношении к другому, либо нечто берется в отношении к отношениям с другими. Поэтому «любое отношение, будь оно тетрадическим, пентадическим или состоящим из большего числа коррелятов, есть не что иное, как соединение триадических отношений. Неудивительно поэтому, что, кроме трех элементов первичности, вторичности, и третичности, в феномене больше никаких элементов обнаружить нельзя» [8, с. 158]. Пирс понимал, что в предложенной им триаде как универсальном принципе легко находятся элементы гегелевской триады. Но Пирс специально подчеркивал, что, с одной стороны, следы его триады можно найти и у Канта, и у более ранних философов, а с другой стороны, предлагаемая им триада носит более тонкий вид. Дело в том, что Пирс не просто констатирует наличие этих элементов триады и не просто показывает возможности ее применения (самое известное – это семиотическая триада «икона – индекс – символ»), но и предлагает более тонкий анализ элементов внутри этой триады. Пирс подчеркивает, что в двоичности имеет место два элемента, один из которых выполняет функцию единичности (полнота внеаходимости), второй же элемент и создает саму ситуацию двоичности как взаимодействия. Точно так же и в случае с троичностью: в ней есть своя единичность (один из элементов выступает в своей полноте внеаходимости), своя двоичность (один из элементов основан на воздействии и отсылке одного к другому) и своя троичность (один из элементов воздействует на отношения между множеством других элементов). Такое более тонкое понимание триады с уточнением функций каждого из элементов триады в свое время восхитило Ж. Делеза, и в основу своей знаменитой «системы образов и знаков» в кино он положил именно представление об отношениях элементов в единичности, двоичности и троичности, что показало большие эвристические возможности анализа кино.

Если вернуться к описанным выше континентам, то удивительным образом можно заметить, что пирсовская идея триады также находит свое выражение в эстетическом поле.

В самом деле, «эстетический опыт» и есть та самая единичность, о которой писал Пирс. Основной смысл

представления об эстетическом опыте – в том, что он рассматривается вне его отношения к какому-либо объекту. Он – полнота эстетического переживания во всем его многообразии. Он не сводится к эстетической оценке (в которой есть элементы двоичности), он процессуален и «всеяден» ко всему многообразию форм чувственности.

В свою очередь, «эстетический объект» – это двоичность в том виде, в каком ее описал Пирс. Для второго континента важно именно отношение эстетического (художественного) опыта к особенностям самого эстетического объекта, для эстетического объекта принципиальным является воздействие на переживающего этот объект. И если верно замечание Пирса, что в двоичности имеет место как единичность, так и сама двоичность, то ровно это можно найти в представлении об эстетическом объекте: на территории второго континента важно удерживать эстетический опыт в его напряженности с эстетическим объектом, они, субъект и объект, словно играют, обгоняя, завлекая, обманывая друг друга.

С третьим континентом картина обстоит сложнее, что связано с относительно недавним его открытием. Тем не менее, на примере эстетики повседневности или эстетики атмосферы нетрудно заметить, что то и другое строится на постулировании особого пространства отношений, в котором важнее не отношение между элементами, а погружение в сам мир отношения к этим отношениям. Атмосфера, как и повседневность – это есть нечто не сводимое ни к полноте эстетического переживания, ни к формам эстетических объектов, это именно третье, едва улавливаемое, в виде множества отношений. Но в атмосфере, как и в повседневности, взятых в эстетическом ракурсе, конечно же, есть место эстетическому опыту (единичность), а также есть место эстетическому объекту с его взаимодействием с эстетическим опытом (двоичность), но также и есть место самой троичности – тонким, еле улавливаемым отношениям, которые складываются в мире повседневности или в мире атмосферы. Пирсовская триада позволяет более тонко разобраться в особенностях трех континентов: на втором континенте по необходимости имеются элементы первого, равно как и третий континент невозможно представить без элементов первого и второго. И это позволяет сделать два важных радикальных вывода в отношении эстетического поля как такового.

Первый связан со статусом самих трех континентов. Если верна пирсовская гипотеза, что существует лишь три рода феноменов, то и континентов внутри эстетического поля мы можем найти только три. Это означает, что само эстетическое поле очерчено верно, дальнейшая же задача состоит в уточнении и разви-

тии понимания специфики каждого из континентов.

Второй вывод касается повторяющегося элемента. Общим между всеми тремя континентами является именно эстетический опыт. В таком случае возможно уточнить саму специфику эстетической проблематики как таковой: она связана со всем многообразием эстетического опыта, будь то взятого самого по себе, будь то рассмотренного в его отношении с эстетическим объектом, будь то понятого внутри сложных отношений с эстетическим объектом и «третьим» в эстетике (пока понимаемым как повседневность или атмосфера).

Заключение: к методологии эстетического анализа

Дальнейшее изучения эстетического поля в изложенном выше свете позволяет указать на два важнейших направления.

Первое касается особенностей самого этого поля. Нельзя сказать, что все три континента этого поля изучены достаточно хорошо: в отношении всех трех континентов есть неизученные области, есть не до конца раскрытые изгибы этой территории. Больше же всего открытий стоит ожидать от изучения третьего континента, поскольку мир «третьего» с эстетической точки зрения еще не изучен полностью – еще не сформулированы особенности строения этого эстетического «третьего», еще далеко не изучен язык, на котором следует говорить и анализировать его.

Второе касается методологии эстетического анализа. О том, что эстетика может обладать своей особой методологией, своим способом эстетического анализа предмета, говорят давно. Однако зачастую эта методология представляла собою сведение анализа к выявлению форм незаинтересованности, к описанию эстетических эффектов, к соизмерению предмета анализа с художественной формой. С точки зрения представленной выше картографии эстетического поля возможно разработать более детальную методологию эстетического анализа. Эта методология может состоять из трех последовательных действий. Первое – это выявление особенностей эстетического переживания анализируемого предмета и в рассмотрении способа складывания эстетического опыта. Второе – это определение специфических для анализируемого объекта эстетических качеств, соизмерение этих качеств с художественными, определение форм взаимодействия этих качеств с эстетическим опытом. Третье – это внимание к «атмосферным» элементам анализируемого предмета, внимание к «троичным» элементам, имеющим место в анализируемом предмете, выявление роли эстетического переживания и эстетического объекта в «атмосфере» анализируемого предмета.

Апробация такой методологии – предмет отдельного исследования, однако даже без практической апробации эта методология представляется значительно бо-

лее богатой и перспективной с точки зрения развития эстетики, чем предлагаемые ранее методы эстетического анализа.

Литература

1. Агамбен Д. Человек без содержания / пер. с итал. С. Ермакова. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 160 с.
2. Баттё Ш. Изысканные искусства, сведённые к единому принципу // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. Т. 2. Эстетические учения XVII–XVIII веков. М.: Искусство, 1964. С. 378–390.
3. Блант Э. Теории искусства в Италии: 1450–1600 / пер. с англ. А. Ю. Колгашкина. – М.: Кучково поле, 2016. – 160 с.
4. Бычков В.В. Вкус // Философская антропология. 2018. – Т. 4, № 1. – С. 122–139. – <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-1-122-139>. – EDN: XVVRJR.
5. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В 4-х томах. Том 1. М.: Искусство, 1968. – 313 с.
6. Грасиан Б. Карманный оракул. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 334 с.
7. Каган М. С. Эстетика как философская наука : Унив. курс лекций. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 544 с.
8. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – 411 с.
9. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016. – 640 с.
10. Элленбергер Г. Ф. Открытие бессознательного – 1. История и эволюция динамической психиатрии. От первобытных времен до психологического анализа. – М.: Академический проект, 2018. – 550 с.
11. Berleant A. (2000) The Aesthetic Field. A Phenomenology of Aesthetic Experience. Cybereditions, 196 p. (In Eng.).
12. Böhme G. (2000) Acoustic Atmospheres: A Contribution to the Study of Ecological Aesthetics . Soundscape: The Journal of Acoustic Ecology. No. 1. P. 14–18. (In Eng.).
13. Carroll N. (2022) Forget Taste. The Journal of Aesthetic Education, Vol. 56, No. 1, P. 1–27. (In Eng.).
14. Danto A. (1984) The End of Art // The Death of Art. New York: Haven Publications, P. 5–38. (In Eng.).
15. Dickie G. (1964) The Myth of the Aesthetic Attitude. American Philosophical Quarterly. Vol. 1. No. 1. P. 56–65. (In Eng.).
16. Everydayness: Contemporary Aesthetic Approaches, eds. Adrian Kvakacka & Lisa Giombini. Roma Tre Press & University of Prešov, Faculty of Arts, 2021. 291 p.
17. Korsmeyer C. (2001) Taste // The Routledge Companion To Aesthetics. Ed. by Berys Gaut and Dominic McIver Lopes. Routledge, P. 193–202. (In Eng.).
18. Mandoki K. (2016) Everyday aesthetics: prosaics, the play of culture, and social identities. Routledge, 346 p. (In Eng.).
19. Paths from the Philosophy of Art to Everyday Aesthetics. Edited by Oiva Kuisma, Sanna Lehtinen and Harri Mäcklin. Published by the Finnish Society for Aesthetics. Helsinki, 2019. 232 p. (In Eng.).
20. Shiner L. (2001) The Invention of Art: A Cultural History. University of Chicago Press, 362 p. (In Eng.).
21. Stolnitz J. (1960) Aesthetics and Philosophy of Art Criticism. Boston, MA: Houghton Mifflin, 510 p. (In Eng.).

References

1. Agamben, D. (2018) *Chelovek bez soderzhaniya* [The Man without Content]. Moscow: New Literary Review, 160 p. (In Russ., transl. from Ital.).
2. Batteux, Sh. (1964) [Fine Arts Reduced to a Single Principle]. *Istoriya estetiki. Pamyatniki mirovoy esteticheskoy mysli: v 5 t.* [History of Aesthetics. Monuments of World Aesthetic Thought: in 5 volumes]. Vol. 2. Aesthetic Teachings of the 17th–18th Centuries. Moscow: Art, pp. 378–390. (In Russ.).
3. Blunt, E. (2016) *Teorii iskusstva v Italii: 1450–1600* [Theories of Art in Italy: 1450–1600]. Moscow: Kuchkovo Field, 160 p. (in Russ., transl. from Eng.).
4. Bychkov, V. V. (2018) [Taste]. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology]. Vol. 4. No. 1, pp. 122–139. – <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-1-122-139>. (In Russ.).
5. Hegel, G. V. F. (1968) *Estetika. V 4-kh tomakh* [Aesthetics. In 4 volumes]. Volume 1. Moscow: Art, 313 p.
6. Gracian, B. (2020) *Karmannyi orakul* [Pocket Oracle]. Moscow: RИPOL classic, 334 p.

7. Kagan, M. S. (1997) *Estetika kak filosofskaya nauka: Univ. kurs lektsiy* [Aesthetics as a philosophical science: University course of lectures]. SPb: TOO TK «Petropolis», 544 p.
8. Pierce, C. S. (2000) *Izbrannyye filosofskiyе proizvedeniya* [Selected philosophical works]. M.: Logos, 411 p.
9. Eco, W. (2016) *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader. Studies in the semiotics of the text]. M.: Publishing house AST: CORPUS, 640 p.
10. Ellenberger, G. F. (2018) *Otkrytiye bessoznatel'nogo – 1. Istoriya i evolyutsiya dinamicheskoy psikhiiatrii. Ot pervobytnykh vremen do psikhologicheskogo analiza* [Discovery of the unconscious – 1. History and evolution of dynamic psychiatry. From primitive times to psychological analysis]. M.: Academic project, 550 p.
11. Berleant, A. (2000) The Aesthetic Field. A Phenomenology of Aesthetic Experience. *Cybereditions*, 196 p. (In Eng.).
12. Böhme, G. (2000) Acoustic Atmospheres: A Contribution to the Study of Ecological Aesthetics. *Soundscape: The Journal of Acoustic Ecology*. No. 1, pp. 14–18. (In Eng.).
13. Carroll, N. (2022) Forget Taste. *The Journal of Aesthetic Education*. Vol. 56, No. 1, pp. 1–27. (In Eng.).
14. Danto, A. (1984) The End of Art. The Death of Art. *New York: Haven Publications*, pp. 5–38. (In Eng.).
15. Dickie, G. (1964) The Myth of the Aesthetic Attitude. *American Philosophical Quarterly*. Vol. 1. No. 1, pp. 56–65. (In Eng.).
16. Everydayness: Contemporary Aesthetic Approaches, eds. Adrian Kvakacka & Lisa Giombini. (2021) *Roma Tre Press & University of Prešov, Faculty of Arts*, 291 p. (In Eng.).
17. Korsmeyer, C. (2001) Taste. The Routledge Companion To Aesthetics. Ed. by Berys Gaut and Dominic McIver Lopes. *Routledge*, pp. 193–202. (In Eng.).
18. Mandoki, K. (2016) Everyday aesthetics: prosaics, the play of culture, and social identities. *Routledge*, 346 p. (In Eng.).
19. Paths from the Philosophy of Art to Everyday Aesthetics (2019) Edited by Oiva Kuisma, Sanna Lehtinen and Harri Mäcklin. *Published by the Finnish Society for Aesthetics*. Helsinki, 232 p. (In Eng.).
20. Shiner, L. (2001) The Invention of Art: A Cultural History. *University of Chicago Press*, 362 p. (In Eng.).
21. Stolnitz, J. (1960) Aesthetics and Philosophy of Art Criticism. *Boston, MA: Houghton Mifflin*, 510 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Артем Евгеньевич Радеев, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID iD: 0000-0002-1105-5512

e-mail: a.radeev@spbu.ru

Артем Евгеньевич в 1998 г. окончил философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). В 2002 г. завершил обучение в аспирантуре философского факультета СПбГУ по кафедре этики и эстетики. В этом же году Радеев А. Е. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Эстетика жизни в философии Ницше» (специальность 09.00.04 Эстетика), а в 2017 г. – докторскую диссертацию «Философская аналитика эстетического опыта: исторические и теоретические аспекты» (специальность 09.00.04 Эстетика). Артем Евгеньевич с 2013 года и по настоящее время работает в СПбГУ, пройдя профессиональный путь от ассистента до доцента и главного научного сотрудника.

Радеев А. Е. является руководителем Российского эстетического общества (РЭО), членом исполнительного комитета Международной эстетической ассоциации (IAA).

Артем Евгеньевич – учредитель журнала «Terra Aestheticae»; член редколлегии журналов «Terra Aestheticae», «Espes», «Studia Culturae».

Радеев А. Е. – автор более 120 научных и учебно-методических работ, в том числе индексируемых в РИНЦ и международных базах Scopus и Web of Science.

Сфера его научных интересов: история и теория эстетики; философия искусства; философская аналитика чувственности; философия XX в.; философия Ф. Ницше, Ж. Делеза; аналитика современных арт-практик; философия кино.

Артем Евгеньевич принимал участие в реализации научных проектов:

- «Петербург как социокультурная целостность» (грант администрации Санкт-Петербурга, 2004 г.);
- «Статус чувственности в современной эстетической теории» в рамках Мероприятия 7 Конкурса СПбГУ за 2011 год;

- «Философско-эстетический анализ феномена Санкт-Петербурга» (РГНФ № 08-03-95403 а/п, 2009) и др.

Он являлся руководителем проектов «Жиль Делез и Россия» (РГНФ № 12-03-12014); «Проект организации Первого российского эстетического конгресса (РФФИ №18-011-20086, Санкт-Петербург, 17-19.10.2018 г.)», «Принципы и стратегия развития практической эстетики» (РНФ № 25-28-00685) и др.

А. Е. Радеев был организатором открытых семинаров по философии кино «Смотреть Делеза» (2005–2015 гг.); проекта «Эстетические среды» (2007–2014 гг.).

Он принимал участие в комплексных экспертизах по материалам гражданских дел в качестве специалиста-эксперта.

Статья поступила в редакцию: 18.07.2025; принята в печать: 01.08.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Artem Evgenievich Radeev, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Chief Researcher, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID iD: 0000-0002-1105-5512

e-mail: a.radeev@spbu.ru

Artem Evgenievich graduated from the Philosophy Department of Saint Petersburg State University (SPbU) in 1998. In 2002, he completed his postgraduate studies at the Philosophy Department of SPbU in the Department of Ethics and Aesthetics. In the same year, Radeev A.E. defended his candidate dissertation on the subject «Aesthetics of Life in Nietzsche's Philosophy» (specialty 09.00.04 Aesthetics), and in 2017 – his doctoral dissertation «Philosophical Analytics of Aesthetic Experience: Historical and Theoretical Aspects» (specialty 09.00.04 Aesthetics). Artem Evgenievich has been working at St. Petersburg State University since 2013, having worked his way up from assistant professor to associate professor and chief researcher.

Radeev A. E. is the head of the Russian Aesthetic Society (REA), member of the executive committee of the International Aesthetic Association (IAA).

Artem Evgenievich is the founder of the journal «Terra Aestheticae»; member of the editorial board of the journals «Terra Aestheticae», «Espes», «Studia Culturae».

Radeev A. E. is the author of more than 120 scientific and educational works, including those indexed in the Russian Science Citation Index and international databases Scopus and Web of Science.

The scope of his scientific interests are history and theory of aesthetics; philosophy of art; philosophical analytics of sensuality; philosophy of the 20th century; philosophy of F. Nietzsche, J. Deleuze; analytics of contemporary art practices; philosophy of cinema.

Artem Evgenievich took part in the implementation of scientific projects:

- «St. Petersburg as a socio-cultural integrity» (grant of the St. Petersburg administration, 2004);
- «The status of sensuality in modern aesthetic theory» within the framework of the Event of the 7th St. Petersburg State University Competition for 2011;
- «Philosophical and aesthetic analysis of the phenomenon of St. Petersburg» (Russian Humanitarian Science Foundation No. 08-03-95403 а/п, 2009), etc.

Artem Evgenievich was the head of the projects «Gilles Deleuze and Russia» (Russian Humanitarian Science Foundation No. 12-03-12014); «Project for organizing the First Russian Aesthetic Congress (RFBR No. 18-011-20086, St. Petersburg, 17-19.10.2018)», «Principles and strategy for the development of practical aesthetics» (Russian Science Foundation No. 25-28-00685) and others.

A. E. Radeev was the organizer of open seminars on the philosophy of cinema «Watch Deleuze» (2005–2015); the project «Aesthetic Environments» (2007–2014).

Radeev A. E. participated in complex examinations of civil case materials as a specialist expert.

The paper was submitted: 18.07.2025.

Accepted for publication: 01.08.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 33

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-24>

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ДОЛГОСРОЧНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Е. В. Гохштанд

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
e-mail: gokhshtande@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена реализацией в Российской Федерации ряда макро-региональных и региональных стратегий, национальных и региональных программ, нацеленных на развитие Дальневосточного федерального округа, эффективность и результативность которых во многом зависят от координации субъектов, согласованности, практической обоснованности, адаптивности системы прогнозирования и стратегического планирования социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО). Цель статьи – определить направления совершенствования системы долгосрочного прогнозирования социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа. При проведении исследования использованы общенаучные методы: сравнение, аналогия, методы обобщения, конкретизации, классификации и формализации, причинно-следственный анализ и синтез научных источников и литературы. Информационную базу исследования составили нормативные правовые акты федерального и регионального уровней в области прогнозирования и планирования социально-экономического развития (федеральные и региональные законы; Постановления и Распоряжения Правительства Российской Федерации и Правительств субъектов Российской Федерации, Приказы исполнительных органов власти и др.); методические рекомендации по среднесрочному и долгосрочному прогнозам; стратегия и долгосрочный прогноз социально-экономического развития Российской Федерации, стратегии и долгосрочные прогнозы социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа, стратегии социально-экономического развития макрорегионов и отдельных территорий Дальневосточного федерального округа. Научная новизна исследования заключается в выделении общих (для Дальневосточного федерального округа, в целом) и специфических (для отдельных субъектов) особенностей системы долгосрочного прогнозирования социально-экономического развития регионов Дальневосточного федерального округа; классификации рассматриваемых субъектов по социально-экономическому профилю; определении направлений совершенствования системы долгосрочного прогнозирования социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа. На основании результатов проведенного исследования предложены следующие направления совершенствования системы долгосрочного прогнозирования социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа: создание межведомственных рабочих групп с целью координации субъектов прогнозирования, контроля согласованности всех документов долгосрочного прогнозирования и синхронизации процессов их обновления; включение в стратегии блоков «Управление рисками», «Антикризисное управление», «Обсуждение и корректировка». Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку конкретных рекомендаций в части реализации процессов прогнозирования социально-экономического развития для каждой группы субъектов Дальневосточного федерального округа, классифицированных по социально-экономическому профилю.

Ключевые слова: Дальневосточный федеральный округ, субъекты прогнозирования социально-экономического развития, стратегия социально-экономического развития, долгосрочный прогноз социально-экономического развития, прогнозирование социально-экономического развития региона.

Для цитирования: Гохштанд Е. В. Направления совершенствования системы долгосрочного прогнозирования социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 4. – С. 24–36. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-24>.

Original article

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE SYSTEM OF LONG-TERM FORECASTING OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT SUBJECTS

E. V. Gokhshtand

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

e-mail: gokhshtande@gmail.com

Abstract. The relevance of the study is conditioned by the implementation in the Russian Federation of a number of macro-regional and regional strategies, national and regional programs aimed at the development of the Far Eastern Federal District, the effectiveness and efficiency of which largely depend on the coordination of subjects, consistency, practical validity, adaptability of the system of socio-economic development forecasting and strategic planning of the Far Eastern Federal District subjects. The purpose of the article is to determine the directions of improvement of the system of socio-economic development long-term forecasting the research was conducted using general scientific methods: comparison, analogy, methods of generalization, concretization, classification and formalization, causal analysis and synthesis of scientific sources and literature. The information base of the study consisted of federal and regional normative legal acts in the field of socio-economic development forecasting and planning (federal and regional laws etc.); methodological recommendations for medium and long-term forecasting; socio-economic development strategies and long-term forecasting of the Russian Federation and of the Far Eastern Federal District subjects. The scientific novelty of the study lies in the identification of general (for the Far Eastern Federal District as a whole) and specific (for individual subjects) features of long-term socio-economic development forecasting system of the Far Eastern Federal District; classification of regional strategies; identification of directions for improvement of the long-term socio-economic development forecasting system of the Far Eastern Federal District subjects. Based on the results of the study the following directions for improvement of the long-term socio-economic development forecasting of the Far Eastern Federal District subjects are suggested: creation of interdepartmental working groups to coordinate the subjects of forecasting, control the consistency of all long-term forecasting documents and synchronize the processes of their updating; inclusion of «risk management», «crisis management», «discussion and adjustment» blocks in the strategies. Further research can be aimed at developing specific recommendations for the implementation of socio-economic development forecasting processes for each group of the Far Eastern Federal District subjects, classified by socio-economic profile.

Key words: Far Eastern Federal District, issues of socio-economic development forecasting, socio-economic development strategy, long-term forecasting of socio-economic development, socio-economic development forecasting of the region.

Cite as: Gokhshtand, E. V. (2025) [Directions for improving the system of long-term forecasting of socio-economic development of the Far Eastern Federal District subjects]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 24–36. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-24>.

Введение

В Российской Федерации действует ряд макрорегиональных и региональных стратегий, национальных и региональных программ (в общей сложности, более двухсот), нацеленных на развитие Дальневосточного федерального округа [11], включая приграничные территории и Арктические зоны Дальнего Востока [2; 5]. Эффективность и результативность стратегий и программ во многом зависит от структуры и координации элементов системы прогнозирования и стратегического планирования [8], что обуславливает актуальность исследований, направленных на совершенствование системы долгосрочного прогнозирования социально-экономического развития

субъектов Дальневосточного федерального округа. Стратегически значимое геополитическое положение округа также обуславливают актуальность вопросов прогнозирования и стратегического планирования социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа, в целом, и отдельных его субъектов, в частности [9].

В состав Дальневосточного федерального округа включены 11 субъектов Российской Федерации: Забайкальский, Камчатский, Приморский, Хабаровский край, Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ. В связи с геополитическим положением –

ДФО граничит с Китаем, Монголией, Японией, США и КНДР – округ является ключевым для реализации экспортной политики, особенно в отношении стран Азиатско-Тихоокеанского региона [14; 15].

Географическое положение региона определяет специфическую организацию транспортной инфраструктуры – часть населенных пунктов не связана традиционными транспортными маршрутами, что обусловлено огромными расстояниями и труднодоступностью некоторых районов, особенно в Арктической зоне [4]. Недостаточное развитие транспортной инфраструктуры, в свою очередь, сказывается не только на экономических, но и на социальных условиях – уровень и качество оказания образовательных, медицинских и иных социальных услуг жителям некоторых районов значительно ниже среднероссийских показателей.

Дальневосточный федеральный округ, являясь крупнейшим по площади федеральным округом, характеризуется низкой плотностью населения, и согласно данным Росстата¹, на протяжении последних нескольких лет в округе наблюдается отрицательный миграционный поток. Здесь проживает множество этнических групп, включая коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока (нанайцы, удэгейцы, коряки, эвенки), для поддержания условий жизни которых предусмотрены программы и мероприятия с целью развития традиционных народных промыслов (оленьеводство и морской зверобойный промысел) и сохранения культурного наследия коренного населения.

В структуре экономики региона преобладают добывающая и перерабатывающая промышленности, что обусловлено наличием природных ресурсов: запасов полезных ископаемых (уголь, золото, серебро, нефть, алмазы и др.), лесных и водных ресурсов. Природа округа включает уникальные экосистемы (приморская тайга, островные биосистемы), что, с одной стороны, создает потенциал развития туризма, а с другой – повышает значимость разработки мер по управлению экологическими рисками (изменение климата, увеличение частоты природных катастроф и пр.).

В связи с вышеуказанными особенностями и проблемами, основные социально-экономические показатели субъектов Дальневосточного федерального округа (за исключением, Приморского и Хабаровского краев) ниже среднероссийских, что указано в таблице 1. Хотя округ богат полезными ископаемыми – на Дальневосточный федеральный округ приходится более 80% добычи в Российской Федерации алмазов и урана, более 60% золота и серебра и 100% вольфрама и олова² – субъекты округа не являются лидерами по объему Валового регионального продукта (ВРП). Согласно данным Росстата, по объему ВРП в 2022 году лучший показатель в Дальневосточном федеральном округе у Республики Саха (17 место по России), а замыкает рейтинг Еврейская автономная область, объем ВРП которой наименьший среди регионов Дальневосточного федерального округа и субъектов Российской Федерации.

Таблица 1. Рейтинг субъектов ДФО по объему ВРП и основным социально-экономическим показателям

Федеральный округ	Субъект РФ	ВРП 2022 (Росстат) ³			Основные соц.-экон. показатели ⁴	
		млрд руб.	место по РФ	место по ФО	место по РФ	место по ФО
Дальневосточный федеральный округ (11)	Республика Бурятия	447	61	7	52	5
	Республика Саха (Якутия)	2 025	17	1	50	3
	Забайкальский край	547	56	6	51	4
	Камчатский край	357	66	8	79	8
	Приморский край	1 539	23	2	27	1
	Хабаровский край	1 068	31	4	35	2
	Амурская область	604	51	5	61	6

¹ Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/document/document_publication_plan/2024-10/08/Public_1pg-2024.htm (дата обращения: 17.03.2025).

² Дальний Восток: социально-экономический профиль. С. 4. – URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/1-profil_dfo.pdf (дата обращения: 17.03.2025).

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. – М., 2024. – 1081 с. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 17.03.2025).

⁴ Там же. С. 32–37.

Продолжение таблицы 1.

Федеральный округ	Субъект РФ	ВРП 2022 (Росстат) ³			Основные соц.-экон. показатели ⁴	
		млрд руб.	место по РФ	место по ФО	место по РФ	место по ФО
Дальневосточный федеральный округ (11)	Магаданская область	316	70	9	83	10
	Сахалинская область	1 530	24	3	77	7
	Еврейская автономная область	81	85	11	82	9
	Чукотский автономный округ	141	79	10	84	11
		– субъекты ДФО, основные социально-экономические показатели которых выше среднероссийских;				
		– субъекты ДФО, основные социально-экономические показатели которых значительно ниже среднероссийских.				

Источник: составлено автором на основе работы Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. – М., 2024. – 1081 с. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 17.03.2025)

Общие и специфические особенности системы долгосрочного прогнозирования социально-экономического развития субъектов ДФО

Общие положения по формированию прогноза социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период установлены Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁵. Согласно терминологии закона: «прогнозирование – деятельность участников стратегического планирования по разработке научно обоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности Российской Федерации, о направлениях, результатах и показателях социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»⁶.

Долгосрочное прогнозирование социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа и его субъектов осуществляется рядом участников, среди которых органы государственной власти федерального, регионального и муниципального уровней, а также федеральные институты развития (в том числе, АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики»); региональные институты развития; научно-исследовательские и образовательные учреждения; неправительственные организации, бизнес-структуры и ассоциации, формат и рамки участия в региональном долгосрочном прогнозировании социально-экономического развития которых определя-

ются государственными органами, ответственными за разработку конкретных прогнозных документов, рассмотренных в таблице 2.

Дальневосточный регион России является уникальным по масштабам применения государством программно-целевых методов планирования и разнообразию действующих документов стратегического планирования [11; 8;]. Прогнозирование социально-экономического развития ДФО – комплексный многофакторный процесс, реализация которого зависит от субъектов федерального, регионального и местного уровней.

Для субъектов ДФО характерно наличие нескольких стратегий, содержащих параметры долгосрочного прогноза региона, в целом и/или отдельных его территорий. Так, например, Чукотский автономный округ и Республика Саха (Якутия) являются объектами, помимо Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона и собственных региональных стратегий, Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности.

Тем не менее, количество стратегий не повышает качество прогноза. Во-первых, интересы субъектов-аутсайдеров в стратегиях и программах федерального уровня (макрорегионов, отдельных зон и пр.) представлены значительно менее подробно и детально, чем более развитых регионов. Например, Чукотский автономный округ и Еврейская автономная область в Стратегии Дальнего Востока и Байкальского реги-

⁵ Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 09.03.2025).

⁶ Там же.

Таблица 2. Основные субъекты и документы стратегического планирования социально-экономического развития субъектов ДФО

Федеральный уровень	Региональный уровень	Муниципальный уровень
Основные субъекты		
– Президент РФ – Правительство РФ – Министерство экономического развития РФ – Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики РФ – ФАНУ «Востокосплан»	– Высшее должностное лицо субъекта РФ – Законодательный орган субъекта РФ – Министерства и комитеты по экономике субъектов ДФО	– Органы муниципальной власти
Документы стратегического планирования социально-экономического развития субъектов ДФО		
<i>в рамках целеполагания</i> – Ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ – Стратегия СЭР РФ – Стратегия СЭР Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года⁷ – Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года⁸ <i>в рамках прогнозирования</i> – Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года (пространственная составляющая, ДФО)⁹ – Прогноз СЭР РФ на период до 2036 (пространственная составляющая, ДФО)¹⁰ – Концепция развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав ДФО¹¹ <i>в рамках планирования и программирования</i> – Национальная программа СЭР Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.¹² – Государственные программы Российской Федерации	<i>в рамках целеполагания</i> – Стратегия социально-экономического развития субъекта <i>в рамках прогнозирования</i> – Долгосрочный Прогноз социально-экономического развития субъекта <i>в рамках планирования и программирования</i> – План мероприятий по реализации стратегии субъекта Российской Федерации – План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации – Государственные программы субъекта Российской Федерации (в т.ч., региональные программы развития приграничных территорий)	– Стратегия социально-экономического развития муниципального образования – Стратегические мастер-планы развития городов Дальнего Востока – План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования – Прогноз социально-экономического развития муниципального образования на среднесрочный или долгосрочный период – Муниципальные программы

Источник: составлено автором на основе Федерального закона от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // *КонсультантПлюс*. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 09.03.2025)

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» // *КонсультантПлюс*. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96571/ (дата обращения: 17.03.2025).

⁸ Указ Президента РФ №645 от 26.10.2020 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // *КонсультантПлюс*. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366065/ (дата обращения: 18.03.2025).

⁹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года // *КонсультантПлюс*. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения: 18.03.2025).

¹⁰ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года // *КонсультантПлюс*. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozu_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_grossiyskoy_federacii_na_period_do_2036_goda.html (дата обращения: 18.03.2025).

¹¹ Концепция развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа. – URL: <https://www.eao.ru/upload/medialibrary/c5c/c5c1762b0f1454c707f6945d8578d7d.pdf> (дата обращения: 18.03.2025).

¹² Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 N 2464-р (ред. от 29.11.2023) «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года» // *КонсультантПлюс*. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363186/d1571283ea3c22e7a964beace9c4964d1a884649/ (дата обращения: 17.03.2025).

она на период до 2025 года¹³, а также в Социально-экономическом профиле ДФО, разработанном ФАНУ «Востокгоспланом»¹⁴, представлены в большинстве случаев в формате перечисления (часто включены в обобщенную группу «Прочие»¹⁵) и отметок областей на картах/ инфографиках, то есть не рассматриваются в качестве приоритетных для развития.

Кроме того, согласно ряду исследований, результаты оценки эффективности стратегий и программ федерального уровня не одинаковы для субъектов-участников. Так, исследование влияния государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» на экономический рост в регионах, произведенное с использованием метода синтетического контроля (от англ. Synthetic Control Method, SCM), показало, что государственная программа эффективна для более экономически развитых субъектов Российской Федерации. В регионах, отстающих по показателю валового регионального продукта (ВРП) на душу населения, реализация программы менее эффективна [6]. Подобные диспропорции частично нивелируются посредством реализации индивидуальных программ территорий с низким уровнем социально-экономического развития (ИПР)¹⁶, однако ни для одного региона ДФО подобная программа не была разработана.

Во-вторых, данные различных прогнозных документов, показанных на рисунке 1, (особенно разработанных на разных уровнях) могут быть не согласованы. Для большинства субъектов ДФО характерно несоответствие значений показателей Стратегии Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года и действующей стратегии социально-экономического развития субъекта.

Целевое видение каждого отдельного документа в части «образа будущего» субъекта различается. Фактически, отсутствует целостное целевое видение субъекта Дальневосточного федерального округа с учётом всех его специфических особенностей, набор и характеристики которых для каждого субъекта уникальны, что связано, в том числе, с отсутствием в системе долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального

округа межведомственных групп, которые бы консолидировали статистические данные отдельных программ, проектов и исследований, интегрировали их в стратегии социально-экономического развития конкретного субъекта, а также обеспечивали координацию всех участников процесса прогнозирования социально-экономического развития региона.

Учитывая, что одной из ключевых целей прогнозирования как этапа стратегического планирования является снижение неопределенности для принятия управленческих решений и формирования адекватных целей, задач, планов и мероприятий [1;3], несогласованность прогнозных документов означает, что стратегии и долгосрочные прогнозы не выполняют свои функции в должной мере.

Подходы к формированию долгосрочных прогнозов субъектов Дальневосточного федерального округа

В сложившейся в РФ практике стратегического планирования основными комплексными документами являются стратегии. Стратегии социально-экономического развития субъекта – базовые документы, определяющие – в тесной связке с другими механизмами и инструментами управления социально-экономическим развитием – перспективы долгосрочного развития регионов и, соответственно, отражающие планируемый «образ будущего» субъекта РФ [10].

Все субъекты ДФО сформировали и разместили в открытом доступе на официальных сайтах Стратегии социально-экономического развития. Горизонт действующих стратегий – 2030–2035 годы (в Стратегии Республики Саха (Якутии) предусмотрено также целевое видение до 2050 года).

Во всех субъектах, кроме Республик, Стратегии имеют статус Постановления или Распоряжения Правительства субъекта. В Республике Саха (Якутии) и в Республике Бурятия Стратегии социально-экономического развития являются региональными Законами. Часть регионов в 2019–2023 годах утвердили новые Стратегии с горизонтом до 2035 года, другие – внесли изменения в Стратегии, принятые в 2014–2018 годах, сохранив горизонт прогнозирования и планирования на 2030-ом году.

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96571/ (дата обращения: 17.03.2025).

¹⁴ Дальний Восток: социально-экономический профиль. – URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/1-profil_dfo.pdf (дата обращения: 17.03.2025).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Манукян Е. Правительство и Госдума завершают работу над предложенными регионами новыми индивидуальными программами развития // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2024/10/27/reg-pfo/kakie-predlozheniia-vnesli-regiony-dlia-programm-svoego-razvitiia.html> (дата обращения: 18.03.2025).

Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (Магаданская область)

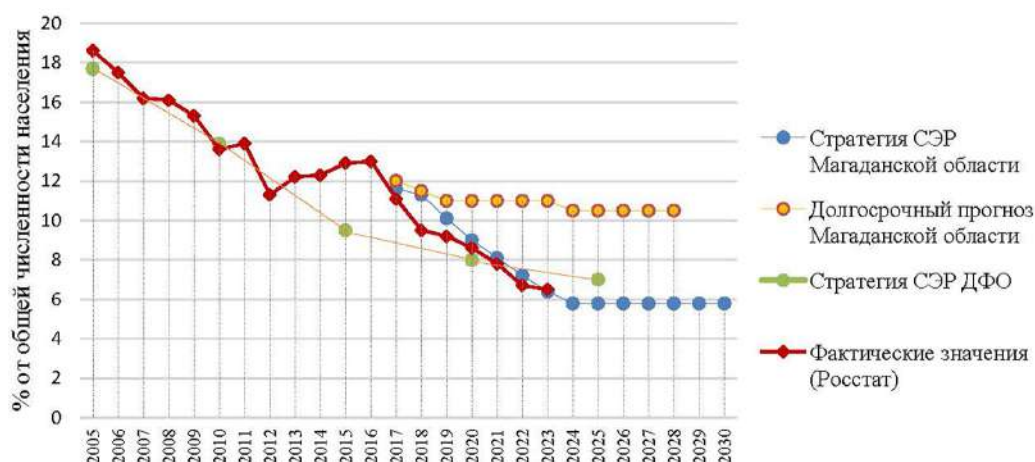

Рисунок 1. Сравнительная характеристика прогнозного результата параметра «Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума» в Магаданской области

Источник: составлено автором по данным Постановления Правительства Магаданской области от 05.03.2020 № 146-пп «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Магаданской области на период до 2030 года»; Постановления Правительства Магаданской области от 28.02.2017 № 120-пп «Об утверждении прогноза социально-экономического развития Магаданской области на период до 2028 года»; Распоряжения Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб.¹⁷

Согласно 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», одним из основных документов стратегического планирования, разрабатываемом в рамках прогнозирования на региональном уровне, является Долгосрочный прогноз социально-экономического развития субъекта РФ¹⁸. Долгосрочный прогноз – документ прогнозирования, на основании которого формируется Стратегия социально-экономического развития субъекта, из чего следует, что стратегия должна формироваться с опорой на результаты долгосрочного прогноза. На практике подходы к соотношению и взаимосвязи «стратегия-прогноз» у регионов различ-

ны. Среди 11 субъектов Дальневосточного федерального округа долгосрочные прогнозы на официальных сайтах органов региональной власти размещены у 9 субъектов, однако документ прогноза социально-экономического развития на долгосрочный период Амурской области нечитабелен¹⁹. Горизонты Долгосрочных прогнозов – 2028–2042 годы. Согласно п. 1 Статьи 32 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»²⁰, период на который разработана Стратегия социально-экономического развития субъекта РФ не должен превышать период разработки долгосрочного

¹⁷ Постановление Правительства Магаданской области от 05.03.2020 № 146-пп «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Магаданской области на период до 2030 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/561763699> (дата обращения: 17.03.2025).

Постановление Правительства Магаданской области от 28.02.2017 № 120-пп «Об утверждении прогноза социально-экономического развития Магаданской области на период до 2028 года». – URL: <https://magadan-gov.ru/cat/3/page130> (дата обращения: 17.03.2025).

Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96571/ (дата обращения: 17.03.2025).

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. – М., 2024. – 1081 с. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 17.03.2025).

¹⁸ Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 09.03.2025).

¹⁹ Прогнозы социально-экономического развития области // Портал Правительства Амурской области. – URL: <https://www.amurobl.ru/pages/ekonomika/strategicheskoe-planirovanie-i-prognostirovanie-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-oblasti/> (дата обращения: 18.03.2025).

²⁰ Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 09.03.2025).

прогноза социально-экономического развития субъекта. Среди субъектов Дальневосточного федерального округа указанная норма не соблюдается в отношении Магаданской области (горизонт Стратегии – 2030, горизонт долгосрочного прогноза – 2028), что связано, вероятно, с отсутствием синхронизации периодов обновления стратегии и долгосрочного прогноза.

Большинство субъектов разрабатывают прогнозы долгосрочного социально-экономического развития в двух вариантах (за исключением ряда субъектов, например, Сахалинская область – один вариант, Еврейская автономная область – три варианта): консервативном и базовом, соответствующих вариантам прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. Одновременно с этим, Стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации формируются в соответствии с Методическими рекомендациями²¹, в которых указан Примерный перечень показателей, рекомендуемых для включения в разделы стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации,

а также сформулированы рекомендации к описанию «целевого сценария», без указаний на рекомендуемое количество рассматриваемых сценариев. В актуальных стратегиях субъектов Дальневосточного федерального округа количество сценариев варьируется от одного до четырех (например, в стратегии Хабаровского края – один, «целевой» сценарий; в стратегии Амурской области – два сценария; в стратегии Еврейской автономной области – три сценария, в стратегии Сахалинской области – четыре сценария). При этом в некоторых субъектах прогнозные показатели приводятся исключительно в одном варианте, соответствующем целевому стратегическому видению (например, в стратегии Сахалинской области).

В результате, для большинства субъектов Дальневосточного федерального округа характерно отсутствие синхронизации между вариантами долгосрочного прогноза и сценариев стратегий социально-экономического развития. Кроме того, в некоторых субъектах (например, Хабаровский край), рассмотренных на рисунке 2,

Численность населения (среднегодовая) Хабаровского края

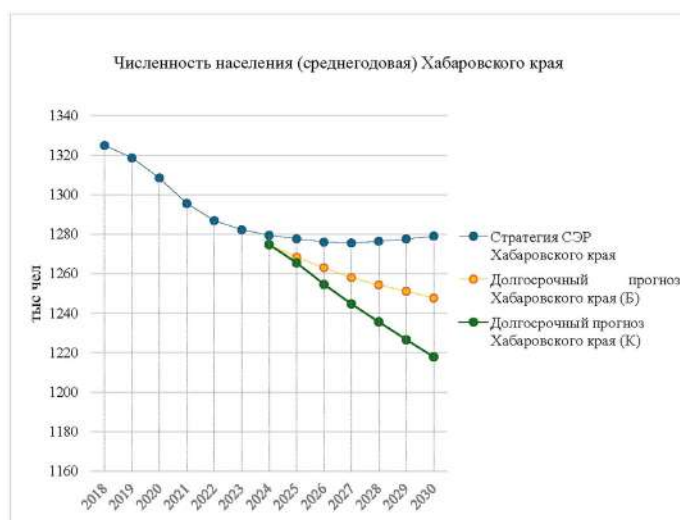

Рисунок 2. Сравнительная характеристика прогнозного результата параметра «Численность населения (среднегодовая)» в стратегических документах Хабаровского края

Источник: составлено автором по данным Постановления Хабаровского края от 13.06.2018 № 215-пр «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года»; Распоряжения Правительства Хабаровского края от 23 декабря 2022 г. № 1581-пр «Об утверждении прогноза социально-экономического развития Хабаровского края на долгосрочный период до 2036 года»²²

²¹ Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации (с изменениями на 28 июня 2024 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/456054578/titles/6500IL> (дата обращения: 09.03.2025).

²² Постановление Хабаровского края от 13.06.2018 №215-пр «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/465353006> (дата обращения: 18.03.2025).

Распоряжение Правительства Хабаровского края от 23 декабря 2022 г. № 1581-пр «Об утверждении прогноза социально-экономического развития Хабаровского края на долгосрочный период до 2036 года». –URL: <https://khabarovsk-gov.ru/cat/5/page1> (дата обращения: 18.03.2025).

значения основных социально-экономических показателей целевого сценария действующей версии стратегии социально-экономического развития не соответствуют значениям аналогичных показателей ни одного из вариантов, представленных в действующей версии долгосрочного прогноза социально-экономического развития.

Соответственно, в сложившейся практике долгосрочного прогнозирования субъектов Дальневосточного федерального округа на региональном уровне логика взаимозависимости «прогноз-стратегия» не прослеживается в должной мере, что не является нарушением закона или неверной трактовкой методических рекомендаций, но затрудняет комплексный анализ процесса и качества долгосрочного прогнозирования и негативно сказывается на формировании целостного целевого видения региона в горизонте стратегического планирования.

Для приведения в соответствие стратегических документов представляется необходимым совершенствование методических рекомендаций по разработке стратегий и долгосрочных прогнозов социально-экономического развития субъектов России. Актуальные методические рекомендации сформулированы в формате, предусматривающем широкую трактовку и необязательный характер. В связи с чем, по содержанию стратегий и долгосрочных прогнозов субъектов Дальневосточного федерального округа не в полной мере понятно, какими именно подходами и методами рассчитаны показатели и ключевые индикаторы, что не позволяет провести комплексную оценку указанных документов.

Для совершенствования методических рекомендаций по формированию стратегий и долгосрочных

прогнозов социально-экономического прогнозирования, сохраняя при этом гибкость и адаптивность подходов, предлагается сегментация субъектов на основании специфики их социально-экономического профиля, стратегических целей и приоритетов развития. Шеломенцев А. Г. и др. в своем исследовании [10] выделили, на основе отличительных признаков подходов к формированию Стратегий-2030 (особенности формулировок целей и задач; специфика отражения аспектов пространственного развития; подход к оценке результатов и др.), три основные группы стратегий субъектов Российской Федерации:

- стратегии национальных регионов: республик и автономных округов;
- стратегии удаленных от центра сырьевых регионов;
- стратегии экономически развитых регионов [10].

Результаты анализа стратегий субъектов Дальневосточного федерального округа, проведенного в рамках текущего исследования, позволяют заключить, что при формировании стратегий социально-экономического развития каждый регион уделяет соотносимое внимание экономическим и социальным аспектам (в частности, в стратегиях всех рассмотренных регионов цели и задачи стратегического планирования сформулированы с учетом и социальной, и экономической проблематики, а прогнозные показатели и ключевые индикаторы разбиты по приоритетам обозначенных целей), представляется логичным классифицировать подходы к стратегии субъектов по каждому профилю, приведенные в таблице 3.

Таблица 3. Классификация субъектов ДФО по социально-экономическому профилю

		Социальный профиль		
		национально-этнический	догоняющее развитие	опережающее развитие
Экономический профиль	Высокая диверсификация, ориентация на российский рынок	Республика Саха (Якутия)		
	Высокая диверсификация, ориентация на зарубежные рынки		Приморский край	Хабаровский край Амурская область
	Низкая диверсификация, ориентация на российский рынок	Чукотский автономный округ Республика Бурятия	Магаданская область Еврейская автономная область	
	Низкая диверсификация, ориентация на зарубежные рынки		Забайкальский край Камчатский край	Сахалинская область
	Инновационное развитие			

Источник: составлено автором

Для каждой группы субъектов, определенных по вышеуказанной классификации, в рамках методических рекомендаций могут быть предложены особые рекомендации в отношении:

- разработки сценарных условий;
- определении оптимальных целевых индикаторов;
- методов прогнозирования значений целевых индикаторов;
- подходов к идентификации рисков и разработки мер управления рисками;
- подходов к антикризисному управлению;
- специфике межведомственного взаимодействия и т.п.

Дополнение методических рекомендаций позволит, с одной стороны, повысить качество региональных стратегий в части обоснованности методологии, сценарных условий, параметров и индикаторов долгосрочного прогнозирования, а с другой – сохранить гибкость и адаптивность в части учета социальных и экономических приоритетов регионов.

Направления совершенствования подходов к формированию стратегий социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа в части прогнозирования

На основании анализа содержания стратегий социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа, представляется важным рассмотреть направления совершенствования системы долгосрочного прогнозирования в части:

- координации субъектов прогнозирования, контроля согласованности всех документов долгосрочного прогнозирования и синхронизации процессов их обновления. Один из способов достижения координации между субъектами прогнозирования – создание межведомственных рабочих групп, целью которых является обозначение формирования целостного прогнозного видения социально-экономического развития субъекта в долгосрочной перспективе с учетом федеральных, региональных и местных интересов, а также консолидацию параметров и показателей всех прогнозных, стратегических и программных документов, имеющих отношение к субъекту;
- указания детальной информации об источниках данных, методах их сбора и обработки, в том числе, комментариев относительно методологии построения сценариев; выбора и расчета значений прогнозных показателей и др. для формирования возможности оценки научной обоснованности прогнозов, достаточности, достоверности, полноты и актуальности статистической информации и выделения индикаторов социально-экономического развития;

- включения в стратегии блока «Управление рисками». В действующих стратегиях социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа управление рисками сводится к идентификации рисков, притом, часто исключительно в процессе SWOT-анализа, без использования специализированных методов оценки рисков. Кроме того, в стратегиях некоторых субъектов SWOT-анализ в части «Угрозы» краткий и неинформативный (Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область). Единственный из рассматриваемых субъектов, в стратегии которого подробно рассмотрены внешние и внутренние риски – Забайкальский край;

- включения в стратегии блока «Антикризисного управления». Кризисы косвенно упоминаются в ряде стратегий (Камчатский край), однако ни в одной из проанализированных стратегий социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа не представлен комплекс мероприятия реагирования. Учитывая, что в течение последнего десятилетия произошло несколько социально-экономических кризисов, существенно повлиявших на ключевые факторы экономики ряда регионов (особенно ориентированных на зарубежные рынки) [7; 12; 13], блок «Антикризисное управление» представляется необходимым элементом стратегий социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа;

- включения в стратегии блока, связанного с «Обсуждением и корректировкой». Ни в одной из рассмотренных стратегий не обозначена и не описана подробно (с указанием всех привлекаемых субъектов, формата обсуждения и др.) степень вовлеченности заинтересованных сторон в процесс разработки стратегии и прогнозирования значений социально-экономических параметров. В большинстве стратегий отсутствует информация о процессе обсуждения прогнозных сценариев и показателей с представителями научно-исследовательских и общественных организаций, а также с бизнес-структурами и ассоциациями. В ряде регионов на официальных сайтах размещена форма обращений по вопросам предложений относительно стратегии социально-экономического развития, однако информация о ходе и итогах обсуждения стратегии с заинтересованными сторонами не опубликована.

Заключение

Среди общих факторов, влияющих на формирование системы долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа, можно выделить: геополитическое положение, благоприятное для развития экспорта, особенно

в страны Азиатско-Тихоокеанского региона; богатство природных ресурсов; преобладание добывающей и перерабатывающей отраслей промышленности; низкую плотность населения с высокой степенью урбанизации; высокий уровень миграционного оттока; недостаток квалифицированной рабочей силы.

Система долгосрочного прогнозирования социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа отличается значительным количеством прогнозных и стратегических документов, разрабатываемых различными субъектами на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Для долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа характерны: существенные различия в подходах к созданию стратегий социально-экономического развития регионов; несогласованность документов стратегического прогнозирования и планирования; низкая степень координации действий субъектов прогнозирования федерального, макрорегионального и регионального уровней.

На основании анализа действующих документов долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования социально-экономического развития, объектами которых являются субъекты Дальневосточного федерального округа, определены актуальные направления совершенствования системы долгосрочного прогнозирования социально-экономического развития рассмотренных субъектов: формирование межведомственных рабочих групп с целью координации

деятельности субъектов прогнозирования федерального и регионального уровней; обеспечение согласованности показателей и их значений в документах стратегического прогнозирования, разрабатываемых на разных уровнях (федеральном и региональном); обеспечение взаимосвязи стратегии и долгосрочного прогноза субъекта (а также синхронизации периодов их обновления и изменения), разрабатываемых на уровне субъекта; совершенствование методических рекомендаций по долгосрочному прогнозированию; включение в разрабатываемые стратегии субъектов блоков «Управление рисками» и «Антикризисное управление».

Научная значимость полученных результатов заключается в выявлении системных проблем в существующей системе долгосрочного прогнозирования социально-экономического развития субъектов Дальневосточного федерального округа, предложении конкретных направлений ее совершенствования и обосновании необходимости дифференцированного подхода к разработке стратегий социально-экономического развития. Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на разработку конкретных рекомендаций для каждой группы субъектов Дальневосточного федерального округа, классифицированных по социально-экономическому профилю, а также оценке возможностей экстраполяции полученных результатов в части определения направлений совершенствования подходов к формированию стратегий социально-экономического развития на другие федеральные округа Российской Федерации.

Литература

1. Аганбегян А. Г. Анализ и прогнозирование социально-экономического развития регионов (методические заметки) // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14, № 4. – С. 15–28. – <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-4-15-28>. – EDN: SNXYWA.
2. Аганбегян А. Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15, № 3. – С. 165–181. – <https://doi.org/10.14530/se.2019.3.165-181>. – EDN: HLQFDQ.
3. Аузан А. А. Стратегия долгосрочного развития России: новизна подхода // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2015. – Т. 196, № 7. – С. 229–241. – EDN: WDFMJX.
4. Бакланов П. Я., Романов М. Т. Направления долгосрочного развития Дальневосточного региона России // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2019. – № 4 (206). – С. 6–18. – <https://doi.org/10.25808/08697698.2019.206.4.001>. – EDN: KCJXCY.
5. Гулидов Р. В. К вопросу об оценке государственной политики по развитию Дальнего Востока России // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 143–167. – <https://doi.org/10.14530/se.2021.4.143-167>. – EDN: NCDUQF.
6. Дорошенко С. В., Васильева Р. И., Литвинец В. П. Государственная программа развития Дальнего Востока и ее эффективность для регионов // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 2 (203). – С. 113–124. – <https://doi.org/10.47711/0868-6351-203-113-124>. – EDN: BRGRQD.
7. Земцов С. П., Бабурин В. Л. Коронавирус в регионах России: особенности и последствия распространения // Государственная служба. – 2020. – Т. 22, № 2 (124). – С. 48–55. – <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2020-22-2-48-55>. – EDN: AHNRLJL.

8. Минакир П. А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // *Пространственная экономика*. – 2019. – Т. 15, – № 1. – С. 7–17. – <https://doi.org/10.14530/se.2019.1.007-017>. – EDN: YZQXDF.
9. Михеева Н. Н. Факторы роста российских регионов: адаптация к новым условиям // *Регион: Экономика и Социология*. – 2017. – № 4 (969). – С. 151–176. – <https://doi.org/10.15372/REG20170407>. – EDN: YMSFDA.
10. Стратегии-2030: Подходы к разработке в регионах России / А. Г. Шеломенцев [и др.] // *Ars administrandi* (Искусство управления). – 2017. – Т. 9, № 4. – С. 570–592. – <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-4-570-592>. – EDN: ZWYPSP.
11. Топилин А. В., Ростанец В. Г., Кабалинский А. И. Региональное и межрегиональное планирование социально-экономического развития в Дальневосточном макрорегионе: организационно-методические проблемы и пути решения // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 285–296. – <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.3.1>. – EDN: CEBSMU.
12. Khurshid A., Khan Kh. (2020) How COVID-19 shock will drive the economy and climate? A data-driven approach to model and forecast. *Environmental Science and Pollution Research*. Vol. 28. No. 3, pp. 2948–2958. (In Eng.).
13. Kotov A. V. (2021) Options for the Spatial Development of Russia in the Context of Interregional Interactions. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 32. No. 3, pp. 318–324. – <https://doi.org/10.1134/S1075700721030072>. (In Eng.).
14. Park J., et al. (2020) Development of the Russian Far East in 20 Years of the Putin Era: Seeking New Directions for Deepening Cooperation between Korea and Russia. *World Economy Brief, Korea Institute for International Economic Policy*. No 10-35, pp.1–4. (In Eng.).
15. Song N. (2017) Centralising the «Far East»: Historical Dynamic of Northeast Eurasia. *The Political Economy of Pacific Russia*. No. 1, pp. 53–75. – https://doi.org/10.1007/978-3-319-40120-1_3. (In Eng.).

References

1. Aganbegyan, A. G. (2019) [Analysis and forecasting of socio-economic development of regions (methodical notes)]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. Vol. 14, No. 4, pp. 15–28. – <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-4-15-28>. (In Russ.).
2. Aganbegyan, A. G. (2019) [Development of the Far East: a national program in the context of national projects]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics]. Vol. 15. No. 3, pp. 165–181. – <https://doi.org/10.14530/se.2019.3.165-181>. (In Russ.).
3. Auzan, A. A. (2015) [Strategy for long-term development of Russia: novelty of approach]. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific works of the Free Economic Society of Russia]. Vol. 196, No. 7, pp. 229–241. (In Russ.).
4. Baklanov, P. Ya., Romanov, M. T. (2019) [Directions of long-term development of the Russian Far Eastern region]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*. [Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 4 (206), pp. 6–18. – <https://doi.org/10.25808/08697698.2019.206.4.001>. (In Russ.).
5. Gulidov, R. V. (2021) [On the matter of appraisal of public policy towards the development of the Russian Far East]. *Prostranstvennaya ekonomika*. [Spatial economics]. Vol. 17. No. 4, pp. 143–167. – <https://doi.org/10.14530/se.2021.4.143-167>. (In Russ.).
6. Doroshenko, S. V., Vasileva, R. I., Litvinets, V. P. (2024) [The Far Eastern Development Program and Effectiveness for Regions: Case-Study Assessment]. *Studies on Russian Economic Development*. [Forecasting problems]. Vol. 35. No. 2, pp. 237–245. – <https://doi.org/10.47711/0868-6351-203-113-124>. (In Russ.).
7. Zemtsov, S. P., Baburin, V. L. (2020) [Coronavirus in the regions of Russia: features and consequences of the spread]. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Civil service]. Vol. 22, № 2 (124), pp. 48–55. – <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2020-22-2-48-55>. (In Russ.).
8. Minakir, P. A. (2019) [Far Eastern Institutional Novations: Imitation of a New Stage]. *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics]. Vol. 15. No. 1, pp. 7–17. – <https://doi.org/10.14530/se.2019.1.007-017>. (In Russ.).
9. Mikheeva, N. N. (2017) [Growth factors of Russian regions: adaptation to new conditions]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya* [Economics and Sociology]. Vol. 4 (96), pp. 151–176. – <https://doi.org/10.15372/REG20170407>. (In Russ.).
10. Shelomentsev, A. G., et al. (2017) [Strategy-2030: Approaches to Development in Russian Regions]. *Iskusstvo upravleniya*. [Ars Administrandi]. Vol. 9. No. 4, pp. 570–592. – <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-4-570-592>. (In Russ.).

11. Topilin, A. V., Rostanets, V. G., Kabalinskii, A. I. (2022) [Regional and interregional planning of socio-economic development in the Far Eastern macroregion: organizational and methodological problems and solutions]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. Vol. 18. No. 3, pp. 285–296. – <https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.3.1>. (In Russ.).
12. Khurshid, A., Khan, Kh. (2021) How COVID-19 shock will drive the economy and climate? A data-driven approach to model and forecast. *Environmental Science and Pollution Research*. Vol. 28, No. 3, pp. 2948–2958. (In Eng.).
13. Kotov, A. V. (2021) Options for the Spatial Development of Russia in the Context of Interregional Interactions. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 32. No 3, pp. 318–324. – <https://doi.org/10.1134/S1075700721030072>. (In Eng.).
14. Park, J., et al. (2020) Development of the Russian Far East in 20 Years of the Putin Era: Seeking New Directions for Deepening Cooperation between Korea and Russia. *World Economy Brief, Korea Institute for International Economic Policy*. No 10-35, pp. 1–4. (In Eng.).
15. Song, N. (2017) Centralising the «Far East»: Historical Dynamic of Northeast Eurasia. *The Political Economy of Pacific Russia*. Vol. 1, pp. 53–75. – https://doi.org/10.1007/978-3-319-40120-1_3. (In Eng.).

Информация об авторе:

Екатерина Витальевна Гохштанд, аспирант, научная специальность 5.2.7. Государственное и муниципальное управление, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID iD: 0009-0005-3929-8523

e-mail: gokhshtande@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 29.04.2025; принята в печать: 01.07.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Ekaterina Vitalevna Gokhshtand, postgraduate student, scientific specialty 5.2.7. State and municipal administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID iD: 0009-0005-3929-8523

e-mail: gokhshtande@gmail.com

The paper was submitted: 29.04.2025.

Accepted for publication: 01.07.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ОТЧЕТНОСТИ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В СИСТЕМУ УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ КОМПАНИЯМИ

Е. М. Евстафьева¹, К. В. Гурьев²

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

¹ e-mail: 2982232@mail.ru

² e-mail: gurev.kirill.v@gmail.com

Аннотация. В условиях нарастающих глобальных вызовов, стоящих перед бизнесом, особое значение приобретает формирование интегрированной системы управления, способной учитывать как финансовые, так и нефинансовые аспекты деятельности компании. Интеграция показателей отчетности в области устойчивого развития (ОУР) в систему учетно-аналитического обеспечения управления компаниями позволит расширить информационную базу для принятия управленческих решений, обеспечить учет нефинансовых аспектов деятельности при планировании, бюджетировании и контроле, улучшить оценку рисков и возможностей, связанных с устойчивым развитием, повысить эффективность управления ресурсами. Данная интеграция будет способствовать формированию комплексной системы оценки эффективности деятельности компании, учитывающей как экономические, так и экологические и социальные параметры, что является необходимым условием для достижения устойчивого развития. Однако, несмотря на растущую актуальность данной темы, методологические подходы к включению ОУР в учетные и аналитические процессы остаются разрозненными, а нормативное регулирование – фрагментарным. Это затрудняет использование отчетности устойчивого развития как инструмента стратегического управления и оценки эффективности деятельности компаний.

Цель работы заключается в проведении комплексного исследования процесса интеграции отчетности в области устойчивого развития в систему учетно-аналитического обеспечения (УАО) управления компаниями, выявление существующих проблем и направлений их решения.

В рамках исследования практики формирования и интеграции отчетности в области устойчивого развития в учетно-аналитические системы организаций использованы различные научные методы: исторический метод, индукция и дедукция, сравнительный анализ, группировка данных и системный подход. Их применение обеспечило объективность анализа, обоснованность выводов и достоверность предложенных рекомендаций.

Объектом исследования являются коммерческие организации различных организационно-правовых форм, формирующие отчетность в области устойчивого развития. Информационной базой исследования выступают отчеты компаний по устойчивому развитию, нормативно-правовые акты Правительства РФ, а также рекомендации Банка России и Министерства экономического развития РФ.

Научная новизна исследования состоит в проведении комплексного исследования процесса интеграции отчетности в области устойчивого развития (ОУР) в систему учетно-аналитического обеспечения (УАО) управления компаниями. Исследование позволяет представить полный обзор проблематики и выявить основные трудности, возникающие при включении показателей ОУР в существующие учетные и аналитические процессы, и определить пути их решения. Результаты исследования могут применяться в практической деятельности компаний для совершенствования систем учета и отчетности, улучшения стратегического управления и повышения привлекательности компании в глазах инвесторов и других заинтересованных сторон.

Ключевые слова: отчетность в области устойчивого развития, нефинансовая отчетность, система учетно-аналитического обеспечения управления, корпоративное управление.

Для цитирования: Евстафьева Е. М., Гурьев К. В. Проблемы интеграции отчетности в области устойчивого развития в систему учетно-аналитического обеспечения управления компаниями // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 4. – С. 37–48. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-37>.

PROBLEMS OF INTEGRATING SUSTAINABILITY REPORTING INTO THE ACCOUNTING AND ANALYTICAL SUPPORT SYSTEM FOR COMPANY MANAGEMENT

E. M. Evstafieva¹, K. V. Guryev²

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

¹ e-mail: 2982232@mail.ru

² e-mail: gurev.kirill.v@gmail.com

Abstract. *In the context of growing, global challenges facing businesses, the formation of an integrated management system capable of taking into account both financial and non-financial aspects of the company's activities is of particular importance. The integration of sustainability reporting (SDR) indicators into the accounting and analytical support system for company management will expand the information base for making management decisions, ensure that non-financial aspects of activities are taken into account in planning, budgeting and control, improve the assessment of risks and opportunities associated with sustainable development, and increase the efficiency of resource management. This integration will contribute to the formation of a comprehensive system for assessing the effectiveness of a company's activities, taking into account both economic and environmental and social parameters, which is a prerequisite for achieving sustainable development. However, despite the growing relevance of this topic, methodological approaches to the inclusion of SDR in accounting and analytical processes remain disparate, and regulatory frameworks remain fragmented. This complicates the use of sustainability reporting as a tool for strategic management and assessing the effectiveness of companies. The purpose of the work is to conduct a comprehensive study of the process of integrating sustainability reporting into the accounting and analytical support system (AAS) of company management, identify existing problems and directions for their solution.*

As part of the study of the practice of forming and integrating sustainability reporting into the accounting and analytical systems of organizations, various scientific methods were used: historical method, induction and deduction, comparative analysis, data grouping and systems approach. Their application ensured the objectivity of the analysis, the validity of the conclusions and the reliability of the proposed recommendations.

The object of the study is commercial organizations of various organizational and legal forms that form sustainability reporting. The information base of the study is company reports on sustainable development, regulatory legal acts of the Government of the Russian Federation, as well as recommendations of the Bank of Russia and the Ministry of Economic Development of the Russian Federation.

The scientific novelty of the study consists in conducting a comprehensive study of the process of integrating sustainability reporting (SDR) into the accounting and analytical support system (AAS) of company management. The study provides a comprehensive overview of the issues and identifies the main difficulties that arise when including ESD indicators in existing accounting and analytical processes, and determines ways to solve them. The results of the study can be applied in the practical activities of companies to improve accounting and reporting systems, improve strategic management and increase the attractiveness of the company in the eyes of investors and other stakeholders.

Key words: *sustainability reporting, non-financial reporting, accounting and analytical support system for management, corporate governance.*

Cite as: Evstafieva, E. M., Guryev, K. V. (2025) [Problems of integrating sustainability reporting into the accounting and analytical support system for company management]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 37–48. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-37>.

Введение

Актуальность. Традиционно главным источником сведений о деятельности компании выступает корпоративная отчетность, центральным компонентом которой является бухгалтерская (финансовая) отчетность, которая раскрывает подробную информацию о главной цели любой коммерческой органи-

зации – достижении прибыли и сохранении стабильного финансового положения на определенную дату. Однако бухгалтерская отчетность не была предназначена для раскрытия информации об оценке эффективности деятельности компании по экологическим, социальным и управленческим аспектам вопросов (ESG-факторам). Нефинансовая отчетность, раскры-

вая качественные аспекты деятельности компании, такие как экологическая нагрузка, социальная ответственность, соблюдение трудового законодательства и корпоративное управление, по сути дополняет традиционную финансовую отчетность. Сегодня это неизбежно, потому что интересы инвесторов, общества и регуляторов смещаются в сторону более глубокого понимания истинной стоимости компании, выходящей далеко за рамки чистой прибыли. Современные компании вынуждены публично раскрывать информацию о своем воздействии на окружающую среду, социальную обстановку и перспективы устойчивого развития, иначе теряют доверие инвесторов, ухудшают свою репутацию и утрачивают конкурентные преимущества.

Основными формами нефинансовой отчетности являются: экологическая отчетность, социальная отчетность, отчетность в области устойчивого развития, интегрированная отчетность. Однако в условиях растущего интереса со стороны инвесторов и рейтинговых агентств возрастает популярность краткосрочных обзоров и специальных тематических отчетов, например, «ESG-databook» («База данных ESG», «Справочник по нефинансовым показателям» и т. д.).

В условиях усиления внимания к вопросам устойчивого развития со стороны инвесторов, регулирующих органов и общества, возрастает потребность в качественной и достоверной нефинансовой информации. Именно по этой причине, отчетность в области устойчивого развития (ОУР) в последние десятилетия приобрела особую значимость в контексте комплексного управления хозяйствующими субъектами.

На протяжении ряда лет в научных исследованиях и периодической печати параллельно использовались два понятия: отчетность устойчивого развития и ESG-отчетность. Некоторые авторы даже трактовали их как синонимы. По нашему мнению, ESG-отчетность и отчетность устойчивого развития – это очень схожие понятия, но не совсем идентичные, т.к. отчетность устойчивого развития может характеризовать не только ESG-показатели, но и более детальные аспекты, такие как устойчивое управление ресурсами, оказываемое влияние на экосистемы, долгосрочные стратегические цели компании по уменьшению воздействия на окружающую среду и повышение социальной ответственности, цифровые технологии и информационная безопасность и др.

Важнейшей проблемой формирования показателей отчетности устойчивого развития является многообразие существующих международных стандартов, регламентов, рекомендаций, порой противоречащих друг другу и затрудняющих процесс подготовки ОУР.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования комплексной системы учета и анализа нефинансовой информации, которая бы обеспечивала качественное управление устойчивым развитием компаний. Включение данных ОУР в учетно-аналитическую систему организации будет способствовать принятию более обоснованных решений, повышению инвестиционной привлекательности бизнеса, а также укреплению его конкурентных позиций на рынке.

Изученность проблемы. Вопросам формирования и развития ОУР посвящено достаточно большое количество научных работ. Так, в исследовании «Научные исследования в области отчетности по устойчивому развитию: библиометрический обзор и программа для будущих исследований», опубликованном в 2023 году, был проведен обзор большой выборки (более 1 000) рецензируемых статей Scopus, связанных с отчетностью в области устойчивого развития, опубликованных в период с 2000 по 2022 год, авторами из 69 стран. Авторами работы был исследован: «контент-анализ для выявления основных направлений исследований в отчетности по устойчивому развитию с использованием специализированного программного обеспечения» [9]. Результаты показывают, что публикации, посвященные различным аспектам отчетности об устойчивом развитии, продемонстрировали экспоненциальный рост. Авторы статей рассматривали отчетность об устойчивом развитии с разных точек зрения, включая ее теоретические основы, предпосылки, последствия, качество, гарантии и легитимности, институциональных и ресурсных ограничений [9].

Примерно эти же выводы были сделаны и в исследовании «Интеллектуальная структура учета устойчивого развития в корпоративной среде: обзор литературы», посвященному анализу 679 публикаций в области отчетности устойчивого развития, выпущенных в период с 2003 по 2022 год, размещенных в базе данных Web of Science cor collection [16].

Авторами статьи были также проанализированы ключевые базы научных изданий (Scopus, Web of Science, Elibrary) и исследования ведущих исследовательских институтов и научных центров (Московского государственного института международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО)), а также публикации в базе статей РИНЦ (размещенных на сайте <https://www.elibrary.ru/>) в области устойчивого развития. В результате проведенного исследования были получены аналогичные результаты, в частности, если в 2020 г. и 2021 г. было опубликовано по 21 статье, то в 2023 г. – уже 51 статья, в 2024 году была опубликована 41 статья, в 2025 – 3 статьи. Что подтверждает вышеуказанные выводы

о росте публикаций по данной тематике и позволяет прогнозировать сохранение данной тенденции в связи с появлением новых актуальных вопросов и проблем, связанных с ожидаемым принятием стандарта отчетности об ОУР, проект которого был подготовлен Минэкономразвития в 2024 году.

Среди изученных работ особый интерес вызвали работы таких авторов, как Алексеева И. В. [1], Богатая И. Н. [2], Ефимова О. В. [3], Киркач Ю. Н. [4], Лабынцев Н. Т., Черский Б. Н. [5], Лавров Д. А. [6], Макаренко Е. Н., Усенко Л. Н., Гузей В. А. [7], исследующих вопросы, связанные с развитием и эволюцией форм нефинансовой отчетности, включая отчетность об устойчивом развитии, ее верификации и анализа.

Проведенный нами анализ более 100 научных статей, рассматривающих ОУР, выявил четыре основных направления исследований в области отчетности устойчивого развития:

1. Признание социальной ответственности бизнеса и раскрытие S-факторов в ОУР.
2. Применение концепции двойной существенности при формировании ОУР.
3. Характеристика систем контроля и управления ESG-рисками в ОУР.
4. Обзор направлений использования цифровых технологий в бизнесе компании, включая ИИ, большие данные и Интернет вещей, раскрываемых в ОУР.

Несмотря на значительное число публикаций, проблема включения отчетности в области устойчивого развития (ОУР) в учетно-аналитическую систему управления хозяйствующих субъектов остается малоизученной как с теоретической, так и с практической точки зрения. В частности, методологические подходы к ее интеграции в учетные и аналитические процессы компаний остаются несогласованными, а нормативная база – фрагментарной. Это существенно затрудняет использование данных ОУР в управленческой деятельности хозяйствующих субъектов.

Научная новизна исследования состоит в обосновании необходимости создания единой концепции интеграции ОУР в систему учетно-аналитического обеспечения компаний в целях формирования эффективной корпоративной отчетности.

Цель статьи заключается в проведении комплексного исследования процесса интеграции отчетности в области устойчивого развития в систему учетно-аналитического обеспечения (УАО) управления компаниями, выявление существующих проблем и направлений их решения. В соответствии с поставленной целью, необходимо решить следующие задачи:

- провести анализ существующих принципов подготовки ОУР и рассмотреть их особенности с точки зрения управления компанией;
- выявить спектр проблем, связанных с формированием коммерческими организациями отчетности в области устойчивого развития;
- определить направления интеграции отчетности в области устойчивого развития в систему учетно-аналитического обеспечения (УАО) управления компаниями.

Теоретической основой являются труды отечественных и зарубежных ученых в области отчетности об устойчивом развитии, международные стандарты отчетности (GRI, SASB, ESRS, TCFD, ISO, AA 1000, IFRS S1/ S2 и др.), нормативные документы РФ и данные ведущих компаний, публикующих отчетность устойчивого развития и размещающих ее в Библиотеке корпоративных нефинансовых отчетов на сайте РСПП или собственных сайтах компаний.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании направлений интеграции отчетности в области устойчивого развития в систему учетно-аналитического обеспечения (УАО) управления компаниями, реализация которых позволит компаниям повысить достоверность и надежность информации, что будет положительно влиять на ее репутацию и привлекательность для различных групп заинтересованных сторон.

Анализ существующих принципов подготовки отчетности в области устойчивого развития и определение направлений ее интеграции в систему учетно-аналитического обеспечения (УАО) управления компаниями

Концепция устойчивого развития стала неотъемлемой частью современной деловой практики, затрагивая различные аспекты корпоративной деятельности. Стремление к обеспечению прозрачности деятельности организаций и раскрытию их воздействия на экономическую, социальную и экологическую сферы предопределило возникновение и развитие отчетности устойчивого развития.

К настоящему времени в Национальном Регистре нефинансовых отчетов РФ размещено 695 отчетов в области устойчивого развития, представленных 295 компаниями, которые были выпущены в период, начинающийся с 2001 г.¹

По данным аналитического отчета «Атлас нефинансовой отчетности России 2024», подготовленного аудиторской фирмой Пачоли Консалтинг, в РФ коли-

¹ Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов. – URL: https://rspp.ru/sustainable_development/register/ (дата обращения: 11.03.2025).

чество отчетов об устойчивом развитии имеет явно выраженную тенденцию к увеличению².

Так как нефинансовая отчетность в РФ не является обязательной, то в основном ее формируют лишь крупные компании (лидеры своих рынков), которые оказывают значительные экологические воздействия на окружающую среду.

Следует отметить, что, большая часть российских компаний формирует отчетность в области устойчивого развития на основе зарубежных стандартов^{3, 4, 5}, что связано не только с уже отработанной методологией раскрытия информации, но и с возможностью представлять такой отчет зарубежным заинтересованным лицам.

Среди международных систем стандартов наибольшее распространение имеют стандарты GRI, но в последнее время особое внимание привлекают к себе международные стандарты финансовой отчетности, разработанные Советом по международным стандартам финансовой отчетности (IASB) для нефинансовой отчетности – IFRS Sustainability Disclosure Standards (IFRS S1/S2). IFRS S1 (General Requirements for Disclosures) устанавливает общие правила отчетности по устойчивому развитию, а IFRS S2 (Climate-related Disclosures) – специализированные требования конкретно по климатическим аспектам. Они вводятся с целью обеспечения прозрачности и сопоставимости данных о воздействии компаний на окружающую среду, общество и управление (ESG). Основным недостатком данных стандартов является их высокая сложность и необходимость значительных усилий для внедрения.

В настоящее время в РФ начался процесс формирования методологии подготовки и представления отчетности в области устойчивого развития. Так, распоряжением Правительства Российской Федерации от 05.05.2017 № 876-р была утверждена Концепция развития публичной нефинансовой отчетности, которая в том числе предусматривает разработку законодательных требований в этой области. Положением Банка России «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» определено требование о раскрытии информации о корпоративном управлении в годовом отчете акционерного общества. Министерством экономического развития Российской Федерации утверждены Методические рекомендации по подготовке отчетности об устойчивом развитии

Министерства экономического развития Российской Федерации (Приказ № 764 от 01.11.2023 г.), а также подготовлен проект стандарта отчетности об устойчивом развитии.

По нашему мнению, действующие методические рекомендации нуждаются в серьезной доработке, по следующим причинам:

- рекомендации частично заимствуют идеи из международных стандартов (таких как GRI, SASB, TCFD), но не обеспечивают полной преемственности и непротиворечивости. Некоторые показатели и категории отчетов сформулированы недостаточно точно, что вызывает разночтения и трудности при применении;

- в рекомендациях отсутствует конкретный перечень индикаторов и показателей для измерения нефинансовых аспектов деятельности компаний. Вместо этого даны довольно абстрактные указания, которые сложно интерпретировать и реализовать на практике;

- информация по ряду важнейших категорий, таких как изменения климата, потребление водных ресурсов, охрана труда и здоровья, представлены весьма поверхностно. Необходимо гораздо большее внимание уделять методологии измерений и учета данных показателей;

- рекомендации распространяются только на крупнейшие компании, упуская малые и средние предприятия, которые также влияют на состояние окружающей среды и общество.

Таким образом, очевидно, что в ближайшее время требуется привести их содержание в соответствие с лучшими международными практиками, добавить точные и проверяемые индикаторы, включить механизм независимой проверки отчетности и разработать стимулы для компаний. Только решив указанные проблемы, можно добиться реального продвижения российского бизнеса в направлении устойчивого развития

Проект стандарта отчетности об устойчивом развитии также имеет ряд серьезных недостатков, которые снижают его полезность и эффективность. В частности, в проекте содержится большое число абстрактных формулировок, что осложняет однозначное толкование положений и затрудняет практическое применение. Например, понятия вроде «соответствующих отраслевых и региональных особенностей», «важных социальных и экологических факторов» сформулиро-

² Атлас нефинансовой отчетности России 2024. – URL: <https://www.pacioliconsult.ru/press-tsenter/analitica/analitica-anfor/?ysclid=m9chk099uq515261261> (дата обращения: 11.03.2025).

³ Global standards of sustainable development. – URL: <https://www.globalreporting.org/standards/> (accessed: 11.03.2025).

⁴ Sustainability Accounting Standards Board (SASB). – URL: <https://sasb.ifrs.org/standards/> (accessed: 11.03.2025).

⁵ Recommendations on disclosure of financial information related to climate change by the CFD Working Group. – URL: <https://www.fsb-tcfid.org/> (accessed: 11.03.2025).

ваны настолько расплывчато, что не несут конкретного смысла и оставляют простор для произвольного трактования. Предлагаемые проектом показатели отчетности чрезмерно обобщены и лишены конкретных числовых индикаторов. Проект не в полной мере согласован с международными нормами и стандартами, такими как GRI, IFRS S1/ S2, ISO, AA 1000, SASB, TCFD, которые давно признаны на глобальном уровне. Российскому проекту недостаёт ясных ссылок на международные аналоги, что существенно ухудшает возможности сравнения и восприятия российской отчетности в мире. Нельзя не отметить и отсутствие в проекте мер по контролю и ответственности, т.к. в нем совершенно не предусмотрены санкции за несоблюдение или фальсификацию отчетности. Для исправления ситуации необходимо провести серьезную доработку проекта, усилить контроль за соблюдением требований, детально проработать методологию и создать стимулы для предприятий.

Таким образом, процесс формирования отчетности в области устойчивого развития (ОУР) – это процесс раскрытия информации о влиянии компании на экономику, общество и окружающую среду, а также о стратегии компании, на основе соответствующих международных и российских стандартов и руководств. Реализация данного процесса требует детального анализа имеющихся в экономической печати исследований в области интеграции ОУР в учетно-аналитическую систему управления компаний.

По нашему мнению, место отчетности в системе учетно-аналитического обеспечения зависит от ее способности интегрировать нефинансовые данные с традиционными финансовыми показателями.

Исходя из этого, для определения возможностей и направлений интеграции ОУР в систему учетно-аналитического управления, целесообразно рассмотреть следующие аспекты:

- влияние отчетности в области устойчивого развития на корпоративное управление;
- возможности использования ОУР для оценки рисков и возможностей компаний;
- взаимосвязь отчетности в области устойчивого развития с бухгалтерским, управленческим и налоговым учетами;
- методы интеграции нефинансовых показателей ОУР в систему учетно-аналитического обеспечения компаниями.

Многие компании, активно внедряющие принципы устойчивого развития и публикующие отчеты по ESG-факторам, демонстрируют более высокие показатели устойчивости и конкурентоспособности. По мнению авторов Dumay J., Guthrie J., Farneti F.: «Отчетность об устойчивом развитии фокусируется на

экологических, социальных и управленческих (ESG) факторах, предоставляя заинтересованным сторонам информацию о том, как организация управляет своими нефинансовыми рисками и возможностями в целом. Компании с высокими рейтингами устойчивости демонстрируют более высокую прибыльность и долговечность на рынке» [12].

С другой стороны, некоторые критики утверждают, что корпоративные стратегии устойчивого развития могут быть направлены скорее на маркетинговое продвижение и улучшение имиджа, чем на реальное снижение негативного воздействия (Biancone P. P., Secinaro S., Brescia V., & Calandra D.) [10]. В этом контексте важным является вопрос о том, насколько эффективно отчетность по устойчивому развитию отражает реальное поведение компаний и их влияние на общество и экологию.

Компании, ориентированные на долгосрочное развитие, рассматривают ОУР как стратегический инструмент, который позволяет:

- определять приоритетные направления развития с учетом экологических и социальных факторов;
- формировать устойчивые цепочки поставок, снижая зависимость от ресурсов с высоким углеродным следом;
- улучшать инвестиционную привлекательность, повышая кредитные рейтинги и доступ к «зеленому финансированию».

Таким образом, отчетность в области устойчивого развития выступает не только источником информации, но и инструментом стратегического управления. Она позволяет компаниям адаптироваться к глобальным вызовам, снижать риски и формировать долгосрочную устойчивость бизнеса.

По мнению ряда авторов Gil-Marín M., Vega-Muñoz A., Contreras-Barraza N., Salazar-Sepúlveda G., Vera-Ruiz S., & Losada A. V.: «Традиционные системы бухгалтерского учета ориентированы на подготовку финансовой отчетности, которая служит основой для оценки финансового состояния организации, анализа ее платежеспособности и ликвидности. Однако в последние годы наблюдается тенденция к интеграции нефинансовых показателей в систему отчетности» [14]. Eccles R. G., Ioannou I., & Serafeim G также полагают, что: «устойчивое развитие требует перераспределения внимания не только на краткосрочную прибыльность, но и на долгосрочные экологические и социальные результаты» [13].

В полной мере, разделяя их точку зрения, мы считаем, что современный бухгалтерский учет требует адаптации и расширения существующих стандартов для учета не только финансовых, но и нефинансовых показателей (ESG-показателей).

Возможность интеграции данных о воздействии на экологию, соблюдении прав человека или корпоративной этики в традиционный бухгалтерский учет представляют собой один из важнейших вызовов современной бухгалтерии. Abdo H., Owusu F. B., Mangena M, Ливси А. считают, что: «...бухгалтерский учет должен перейти от фиксации только финансовых результатов к более широкому учету влияния хозяйственной деятельности на общество и природу» [8]. В то же время критики этого подхода, такие как Biancone P., Gray R., Brescia V., Chmet F. and Lanzalonga F. подчеркивают, что полная интеграция нефинансовых данных в бухгалтерскую отчетность сталкивается с проблемами стандартизации и оценки нефинансовых активов [11; 15].

Важным аспектом является также налоговый учет, который на сегодняшний день в большинстве стран ограничен исключительно финансовыми показателями. Однако с развитием законодательства в области устойчивого развития (принципы трансфертного ценообразования и налогообложения экологически чистых технологий) появляются новые требования к раскрытию информации, связанной с воздействием организации на экологию и общество. Например, система налогообложения экологически чистых продуктов, внедренная в Европе, обязывает компании раскрывать информацию о своем углеродном следе и использовании ресурсов⁶. Таким образом, налоговый учет, как и бухгалтерский, постепенно включает в себя аспекты устойчивого развития, что предполагает необходимость внедрения новых механизмов и стандартов.

Многие исследователи указывают на важность перехода к интегрированным отчетам, которые связывают финансовые и нефинансовые данные. Важно отметить, что интеграция нефинансовых показателей в систему управленческого учета требует развития новых подходов и инструментов. Так, по мнению Manes-Rossi F., Nicolò G., & Argento D. [17], для эффективного применения отчетности по устойчивому развитию необходимо внедрение более высоких стандартов в области оценки корпоративной устойчивости, а также разработки соответствующих метрик и индикаторов.

В свою очередь, противники полной интеграции, такие как Szadziwska A., Kotowska B., Klovienė L. [18], отмечают, что внедрение нефинансовых показателей в систему управления приводит к увеличению

сложности учета и снижению достоверности отчетности. На их взгляд, существует опасность чрезмерной бюрократизации процесса отчетности, что может затруднить ее эффективное использование для оперативных решений.

Обзор существующих исследований свидетельствует о наличии ряда сложностей, возникающих при включении отчетности устойчивого развития в учетные и аналитические процессы организаций. Состав проблем, связанных с необходимостью интеграции ОУР в систему учетно-аналитического обеспечения управления коммерческих организаций, можно дополнить и проблемами, связанными с недостатком компетенций у сотрудников, особенно в условиях внедрения новых программных средств на базе искусственного интеллекта.

Анализ практики раскрытия информации об устойчивом развитии был проведен нами по данным 17 крупнейших топливно-энергетических компаний страны (Группа «Интер РАО ЕЭС», АО «Концерн Росэнергоатом», Группа РусГидро, ПАО «Газпром энергохолдинг», ПАО «Юнипро», ПАО «ЭЛ5-Энерго», ПАО «Фортум», ПАО «Квадра», АО «ЕвроСибЭнерго», ООО «Сибирская генерирующая компания», ПАО «Россети», АО «РЭС», ПАО «Т Плюс», ОАО «Сетевая компания», АО «БЭСК», ОАО «ИЭСК», ПАО «СУЭНКО»). При выборе именно этих компаний мы ориентировались на данные о крупнейших компаниях отрасли, приведенные Министерством энергетики на своем сайте⁷. Все эти компании готовят и размещают свою нефинансовую отчетность в библиотеке нефинансовых отчетов в РСПП.

Анализ данных позволил установить 4 подхода к раскрытию информации об устойчивом развитии⁸:

1. Компании формируют отчет об устойчивом развитии (АО «Концерн Росэнергоатом» – 40 страниц, ПАО «Россети» – 191 стр., ПАО «ЭЛ5-Энерго» – 144 стр., ПАО «Т Плюс» – 97 стр.) и размещают его в библиотеке нефинансовых отчетов РСПП.

2. Компании формируют интегрированный отчет, в рамках которого раскрывают отдельные аспекты устойчивого развития (Группа «Интер РАО ЕЭС» – 306 стр., РусГидро – 93 стр., АО «Сетевая компания» – 127 стр., ПАО «Юнипро» – 249 стр.) и размещают его в библиотеке нефинансовых отчетов РСПП.

Компании формируют годовой отчет, в рамках

⁶ Transfer pricing and sustainable development: Addressing the challenges of integrating ESG factors. OECD Guidelines for Multinational Enterprises. – URL: <https://www.oecd.org/daf/inv/mne/> (accessed: 11.03.2025).

⁷ Крупнейшие энергетические компании РФ по данным Министерства энергетики РФ. – URL: <https://minenergo.gov.ru/industries/power-industry/largest-electric-power-companies> (дата обращения: 11.03.2025).

⁸ Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов. – URL: https://rspp.ru/sustainable_development/registr/ (дата обращения: 11.03.2025).

которого раскрывают отдельные аспекты устойчивого развития, и размещают его на странице в сети Интернет ООО «Интерфакс-ЦРКИ» – информационного агентства, аккредитованного ЦБ РФ на раскрытие информации. Информация доступна на информационном портале www.e-disclosure.ru. (АО «СУЭНКО» – 57 стр., АО «РЭС» – 275 стр., АО «БЭСК» – 120 стр.).

Отдельные компании, например, ПАО «Газпром энергохолдинг», ранее размещавшие ОУР (с 2014 по 2020 гг.) в библиотеке РСПП, сейчас не раскрывают информацию об устойчивом развитии в виде отдельных отчетов, а лишь описывают отдельные события группы на своем сайте и содержат ссылки на сайты компаний, входящих в данную группу, в частности – ссылку на экологический отчет ПАО «Газпром».

Проведенный анализ данных отчетов вышеназванных компаний, а также информации, размещенной на их сайтах, в средствах массовой информации и данных рейтинговых и рэнкинговых агентств, позволил установить следующее: изученные отчеты серьезно отличаются друг от друга и по структуре и по содержанию, и по объему. Ряд компаний даже не указывает факт использования каких-либо стандартов,

в то время как другие компании – указывают их, но не раскрывают степень соответствия приведенных в отчетах данных требованиям данных стандартов. В одних отчетах приводится обзор внутрифирменных нормативных актов в области устойчивого развития, в других – они даже не указываются. В годовых отчетах компаний сразу приводится и финансовая отчетность, в то время как в ОУР – приводится лишь ряд показателей из финансовой отчетности. Имеет место и разная степень интерактивности формируемых отчетов, а также порядок и процедура их верификации. Отчеты различаются также и по формам представления информации, ее наглядности, удобству восприятия и цветовому дизайну.

По итогам исследования, рекомендовать какой-либо отчет по устойчивому развитию, в качестве образца, не представляется возможным. Каждый из них имеет и достоинства и недостатки, в связи с тем, что действующие рекомендации допускают достаточно высокую степень свободы компаний при составлении ОУР.

Выявленные группы проблем, связанных с эффективным внедрением в практику хозяйствующих субъектов, отчетности в области устойчивого развития, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Проблемы интеграции отчетности в области устойчивого развития в систему учетно-аналитического обеспечения управления коммерческой организации

№	Проблема	Описание
1	Отсутствие единого методологического подхода	Разные стандарты (GRI, SASB, ESRS, TCFD) предлагают различные методы раскрытия информации, что затрудняет сопоставимость данных
2	Разрыв между финансовыми и нефинансовыми показателями	ОУР и финансовая отчетность рассматриваются как отдельные элементы, что снижает аналитическую ценность данных
3	Недостаточная регламентация на национальном уровне	В большинстве стран требования по ОУР носят добровольный характер, что ведет к неоднородности в отчетности
4	Низкая степень цифровизации и автоматизации учета ESG-показателей	Учетные системы компаний не адаптированы для работы с нефинансовыми показателями, что усложняет их использование в управлении

Источник: разработано авторами

Наличие данных проблем рассматривается нами не как препятствие внедрению ОУР, а как свидетельство активного развития данного процесса, способствующее развитию теории и практики бухгалтерского учета и отчетности.

Основными перспективными направлениями решения данных проблем, по нашему мнению, являются:

- дальнейшее развитие регулирования вопросов формирования и представления ОУР на государственном и отраслевых уровнях, что обеспечит унифицированный подход к содержанию раскрываемых

ESG-данных;

- разработка корпоративных стандартов ОУР, что позволит предусмотреть наиболее эффективный способ интеграции данной отчетности в систему учетно-аналитического обеспечения управления компаний и обеспечит сопоставимость данных финансовой и нефинансовой отчетности по ключевым показателям;

- развитие корпоративных систем автоматизации управления, учета и анализа, на базе генеративного ИИ, способных не только формировать ESG-по-

казатели для их отражений в ОУР, но и обеспечить обратную связь, между достигнутыми показателями и стратегией развития компаний в области устойчивого развития в целях ее своевременной корректировки.

Проведенное исследование наглядно продемонстрировало высокую роль корпоративного уровня управления компаний в постановке и решении проблем устойчивого развития и формирования ОУР, т.к. формат, структура и содержание данной отчетности находятся в прямой зависимости от целого ряда объективных факторов, влияющих на ОУР. В частности, от выбранных компаний ЦУР ООН и национальных целей развития Российской Федерации, от целей определенных в ESG-стратегии и дорожной карте ESG и т.п., до наличия в структуре компании специализированных подразделений, например Управление (дирекция) устойчивого развития с учетом специфики организации внутреннего контроля. Именно эти вопросы уже сегодня нужно решать путем разработки внутрифирменных стандартов и регламентов, базирующихся на краеугольных положениях, содержащихся в проекте стандарта отчетности об устойчивом развитии в РФ с учетом положений системы международных стандартов, используемых компаниями.

Заключение

Таким образом, отчетность в области устойчивого развития является важным элементом системы учетно-аналитического обеспечения управления компаний, т.к. позволяет дополнить данные финансовой отчетности ESG-показателями ее деятельности, получившими в настоящее время особое внимание стейхолдеров. Однако процесс ее интеграции сталкивается с определенными трудностями, связанными с отсутствием стандартов, сложностью учета и необходимостью более глубокого теоретического осмысления. Несмотря на недостаточную проработку данного вопроса в научных исследованиях, он обладает высокой практической значимостью, что определяет необходимость дальнейшего изучения и разработки методологических основ для формирования эффективных подходов к учету и анализу данных ОУР. Интеграция отчетности в области устойчивого развития в систему учетно-аналитического обеспечения компании расширит возможности управления, предоставит дополнительные данные для оценки эффективности бизнеса и принятия стратегических решений, и в целом будет способствовать повышению эффективности управления и минимизации рисков, связанных с устойчивым развитием.

Литература

1. Алексеева И. В. Развитие содержания интегрированной отчетности в условиях устойчивого развития экономики // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Экономика. – 2015. – № 1. – С. 87–91. – EDN: UKIHRR.
2. Богатая И. Н., Евстафьева Е. М. Роль аудита и консалтинга в обеспечении устойчивого развития экономики России // Учет и статистика. – 2023. – Т. 20, № 3. – С. 76–84. – <https://doi.org/10.54220/7607.2023.94.16.009>. – EDN: WYEGQX.
3. Ефимова О. В. Отчет об устойчивом развитии как новая форма корпоративной отчетности компании // Аудиторские ведомости. – 2014. – № 8. – С. 36–47. – EDN: SJVRTF.
4. Киркач Ю. Н. Интегрированная отчетность в коммерческих организациях // Учет. Анализ. Аудит. – 2021. – Т. 8, № 6. – С. 42–57. – <https://doi.org/10.26794/2408-9303-2022-8-6-42-57>. – EDN: BSOOLT.
5. Лабынцев Н. Т., Черский Б. В. Аналитические возможности информационного наполнения нефинансовой отчетности экономических субъектов Российской Федерации // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). – 2023. – № 5. – С. 9–15. – https://doi.org/10.51760/2308-9407_2023_5_9. – EDN: QKUGFF.
6. Лавров Д. А. Развитие методологии и методики формирования интегрированной отчетности и ее аудита в нефтегазовом комплексе : монография / Д. А. Лавров [и др.]. – М.: ООО «Русайнс», 2023. – 286 с. – EDN: AOXAMD.
7. Усенко Л. Н., Макаренко Е. Н., Гузей В. А. Методика анализа дифференциации организаций в зависимости от показателей достигнутого уровня устойчивого развития // Учет и статистика. – 2023. – Т. 20, № 3. – С. 8–19. – <https://doi.org/10.54220/8887.2023.21.40.002>. – EDN: CBDWNP.
8. Abdo H., Owusu F. B., Mangena M. (2023) Accounting practices and regulations for extractive industries: a framework for harmonization. *Journal of Financial Reporting and Accounting*, Vol. 22, No. 4. – <https://doi.org/10.1108/JFRA-07-2023-0425>. (In Eng.).
9. Benameur K. B., et al. (2024) Sustainability reporting scholarly research: a bibliometric review and a future research agenda. *Management Review Quarterly*. Vol. 74. No. 2, pp. 823–866. (In Eng.).
10. Biancone P. P., et al. (2024) Which direction for stakeholder capitalism? Approaches and reporting towards POP accounting. *Sustainable Development*. Vol. 32. No. 6, pp. 6579–6594. – <https://doi.org/10.1002/sd.3052>. (In Eng.).

11. Biancone P., et al. (2024) The evolution of integrated popular financial reporting: toward a digital-driven collaborative approach using sentiment analysis tool. *EuroMed Journal of Business*. Vol. 20. No. 5, pp. 75–97. – <https://doi.org/10.1108/EMJB-11-2023-0298>. (In Eng.).
12. Dumay J., Guthrie J., Farneti F. (2010) Gri sustainability reporting guidelines for public and third sector organisations. *Public Management Review*. Vol. 12. No. 4, pp. 531–548. – <https://doi.org/10.1080/14719037.2010.49626>. (In Eng.).
13. Eccles R. G., Ioannou I., Serafeim G. (2014). The impact of a corporate culture of sustainability on corporate behavior and performance. *Harvard Business School Working Paper*. No. 14. – p. 103.
14. Gil-Marín M., et al. (2022) Sustainability accounting studies: A metasynthesis. *Sustainability*. Vol. 14. No. 15. – p. 9533. – <https://doi.org/10.3390/su14159533>. (In Eng.).
15. Gray R. (2010) Is accounting for sustainability actually accounting for sustainability... and how would we know? An exploration of narratives of organizations and the planet. *Accounting, Organizations and Society*. Vol. 35. No. 1, pp. 47–62. – <https://doi.org/10.1016/j.aos.2009.04.006>. (In Eng.).
16. Kalbouneh A., et al. (2023) The intellectual structure of sustainability accounting in the corporate environment: A literature review, *Cogent Business & Management*, Taylor & Francis Journals, Vol. 10. No. 2, p. 2211370-221 (In Eng.).
17. Manes-Rossi F., Nicolò G., Argento D. (2020). Non-financial reporting formats in public sector organizations: A structured literature review. *Journal of Public Budgeting, Accounting & Financial Management*. Vol. 32. No. 4, pp. 639–669. (In Eng.).
18. Szadziwska A., et al. (2020) Non-financial reporting by an international corporation in the light of new mandatory regulations. *Zeszyty Teoretyczne Rachunkowości*. Vol. 109. No. 165, pp. 105–137. – <https://doi.org/10.5604/01.3001.0014.4344>. (In Eng.).

References

1. Alekseeva, I. V. (2015) [Development of the content of integrated reporting in the context of sustainable economic development]. *Nauchnyy vestnik Volgogradskogo filiala RANKHIGS. Seriya: Ekonomika* [Scientific Bulletin of the Volgograd branch of RANEP. Series: Economy]. Vol. 1, pp. 87–91. (In Russ.).
2. Bogataya, I. N., Evstafieva, E. M. (2023) [The role of audit and consulting in ensuring sustainable development of the Russian economy]. *Uchet i statistika* [Accounting and statistics]. Vol. 20, No. 3, pp. 76–84. – <https://doi.org/10.54220/7607.2023.94.16.009>. (In Eng.).
3. Efimova, O. V. (2014) [Sustainable development report as a new form of corporate reporting of the company]. *Auditorskiye vedomosti* [Audit statements]. Vol. 8, pp. 36–47. (In Russ.).
4. Kirkach, Yu. N. (2021) [Integrated reporting in commercial organizations]. *Uchet. Analiz. Audit.* [Accounting. Analysis. Audit]. Vol. 8, No. 6, pp. 42–57. – <https://doi.org/10.26794/2408-9303-2022-8-6-42-57>. (In Russ.).
5. Labintsev, N. T., Chersky, B. V. (2023) [Analytical possibilities of information content of non-financial reporting of economic entities of the Russian Federation]. *Vestnik IPB (Vestnik professional'nykh bukhgalterov)* [Bulletin of the IPB (Bulletin of Professional Accountants)]. Vol. 5, pp. 9–15. – https://doi.org/10.51760/2308-9407_2023_5_9. (In Russ.).
6. Lavrov, D. A., et al. (2023) [Development of the methodology and techniques for the formation of integrated reporting and its audit in the oil and gas complex]. M.: ООО «Rusains», 286 p.
7. Usenko, L. N., Makarenko, E. N., Guzey, V. A. (2023) [Methodology for analyzing the differentiation of organizations depending on the indicators of the achieved level of sustainable development]. *Uchet i statistika* [Accounting and Statistics]. Vol. 20, No. 3, pp. 8–19. – <https://doi.org/10.54220/8887.2023.21.40.002>. (In Russ.).
8. Abdo, H., Owusu, F. B., Mangena, M. (2023) Accounting practices and regulations for extractive industries: a framework for harmonization. *Journal of Financial Reporting and Accounting*. Vol. 22, No. 4. – <https://doi.org/10.1108/JFRA-07-2023-0425>. (In Eng.).
9. Benameur, K. B., et al. (2024) Sustainability reporting scholarly research: a bibliometric review and a future research agenda. *Management Review Quarterly*. Vol. 74. No. 2, pp. 823–866. (In Eng.).
10. Biancone, P. P., et al. (2024) Which direction for stakeholder capitalism? Approaches and reporting towards POP accounting. *Sustainable Development*. Vol. 32. No. 6, pp. 6579–6594. – <https://doi.org/10.1002/sd.3052>. (In Eng.).
11. Biancone, P., et al. (2024) The evolution of integrated popular financial reporting: toward a digital-driven collaborative approach using sentiment analysis tool. *EuroMed Journal of Business*. Vol. 20. No. 5, pp. 75–97. – <https://doi.org/10.1108/EMJB-11-2023-0298>. (In Eng.).

12. Dumay, J., Guthrie, J., Farneti, F. (2010) GRI sustainability reporting guidelines for public and third sector organisations. *Public Management Review*. Vol. 12. No. 4, pp. 531–548. – <https://doi.org/10.1080/14719037.2010.49626>. (In Eng.).
13. Eccles, R. G., Ioannou, I., Serafeim, G. (2014). The impact of a corporate culture of sustainability on corporate behavior and performance. *Harvard Business School Working Paper*. Vol. 14, p. 103. (In Eng.).
14. Gil-Marín, M., et al. (2022) Sustainability accounting studies: A metasynthesis. *Sustainability*. Vol. 14. No. 15, pp. 9533. – <https://doi.org/10.3390/su14159533>. (In Eng.).
15. Gray, R. (2010) Is accounting for sustainability actually accounting for sustainability... and how would we know? An exploration of narratives of organizations and the planet. *Accounting, Organizations and Society*. Vol. 35. No. 1, pp. 47–62. – <https://doi.org/10.1016/j.aos.2009.04.006>. (In Eng.).
16. Kalbouneh, A., et al. (2023) The intellectual structure of sustainability accounting in the corporate environment: A literature review, *Cogent Business & Management*. *Taylor & Francis Journals*, Vol. 10. No. 2, p. 2211370-221. (In Eng.).
17. Manes-Rossi, F., Nicolò, G., Argento, D. (2020) Non-financial reporting formats in public sector organizations: A structured literature review. *Journal of Public Budgeting, Accounting & Financial Management*. Vol. 32. No. 4, pp. 639–669. (In Eng.).
18. Szadziwska, A., et al. (2020) Non-financial reporting by an international corporation in the light of new mandatory regulations. *Zeszyty Teoretyczne Rachunkowości*. Vol. 109. No. 165, pp. 105–137. – <https://doi.org/10.5604/01.3001.0014.4344>. (In Eng.).

Информация об авторах:

Елена Михайловна Евстафьева, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры бухгалтерского учета, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

ORCID iD: 0000-0001-7414-4080, **Scopus Author ID:** 58746069700

e-mail: 2982232@mail.ru

Кирилл Валерьевич Гурьев, аспирант, научная специальность 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

ORCID iD: 0000-0002-4588-7341

e-mail: gurev.kirill.v@gmail.com

Вклад соавторов:

Евстафьева Е. М. – методическое консультирование, анализ полученных данных, утверждение окончательного варианта, принятие ответственности за все аспекты работы.

Гурьев К. В. – проведение исследования, сбор, интерпретация и анализ полученных данных, оформление рукописи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 03.04.2025; принята в печать: 01.07.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Elena Mikhailovna Evstafieva, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Accounting, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

ORCID iD: 0000-0001-7414-4080, **Scopus Author ID:** 58746069700

e-mail: 2982232@mail.ru

Kirill Valerievich Guryev, postgraduate student, scientific specialty 5.2.3. Regional and sectoral economics, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

ORCID iD: 0000-0002-4588-7341

e-mail: gurev.kirill.v@gmail.com

Contribution of the authors:

Evstafieva E. M. – methodical consulting, analysis of the data obtained, approval of the final version, taking responsibility for all aspects of the work.

Guryev K. V. – conducting research, collecting, interpreting and analyzing the data obtained, preparing the manuscript.

The paper was submitted: 03.04.2025.

Accepted for publication: 01.07.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

Научная статья

УДК 65.011.56

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-49>

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА И РИСКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРИЕНТАЦИИ НА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО

Л. В. Лapidус¹, Б. Д. Понкратов-Вайсман²

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ e-mail: infodilemma@yandex.ru

² e-mail: jukeal@yandex.ru

Аннотация. Ориентация на технологическое лидерство является национальным приоритетом развития Российской Федерации. В условиях ускоряющейся цифровой трансформации и растущей сложности цепочек поставок особенно востребованы подходы, позволяющие обеспечить гибкость, прозрачность и синхронность в управлении закупками и снабжением (материально-техническим обеспечением, МТО). Концепция экосистемного подхода, изначально зародившись в биологии, стала активно применяться в экономике и управлении социально-экономическими системами с целью повышения эффективности взаимодействия участников и достижения синергетических эффектов.

Эволюция экосистемного подхода на современном этапе развития цифровой экономики и экономики данных сопровождается все большим его проникновением в бизнес-практику. Выявленные фундаментальные принципы построения бизнес-экосистем – принцип коэволюции участников экосистемы, когерентности, достижения сетевых эффектов, масштаба пользовательской базы, высокой частотности контакта с клиентами, гибкой архитектуры, имеют высокую практическую значимость – формируют универсальную основу для понимания природы и устойчивости бизнес-экосистем при стратегической ориентации крупных компаний на технологическое лидерство. Особое внимание в статье уделено выявлению зон применения экосистемного подхода к МТО в условиях активной цифровой трансформации бизнеса.

Цель исследования – проследить эволюцию экосистемного подхода, выявить и описать фундаментальные принципы экосистемного подхода, описать особенности его применения для МТО в крупных коммерческих компаниях и корпорациях с государственным участием.

В рамках исследования выполнен сравнительный анализ кейсов с учетом особенностей эволюционного развития экосистемного подхода, рассмотрены как положительные, так и отрицательные примеры построения экосистем. Уточнена хронология развития экосистем от закрытых коопераций до сквозных технологических решений, составляющих технологическое ядро экосистем. Рассмотрен вопрос применения экосистемного подхода в МТО, выявлены риски и предложены рекомендации по их митигации для крупных коммерческих компаний и корпораций с государственным участием.

В качестве методического аппарата использованы: системный подход, ретроспективный анализ, бенчмаркинг, сравнительный анализ отраслевых кейсов, контент-анализ консалтинговых отчетов, научных трудов отечественных и зарубежных ученых.

Ключевые слова: экосистема, экосистемный подход, цифровая экономика, экономика данных, материально-техническое обеспечение, технологическое лидерство, цифровая трансформация, риски экосистемного подхода.

Для цитирования: Лapidус Л. В., Понкратов-Вайсман Б. Д. Эволюция экосистемного подхода и риски его применения в управлении материально-техническим обеспечением при государственной ориентации на технологическое лидерство // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 4. – С. 49–66. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-49>.

Original article

EVOLUTION OF THE ECOSYSTEM APPROACH AND RISKS OF ITS APPLICATION IN LOGISTICS MANAGEMENT WITH A STATE ORIENTATION TO TECHNOLOGICAL LEADERSHIP

L. V. Lapidus¹, B. D. Ponkratov-Vaysman²

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ e-mail: infodilemma@yandex.ru

² e-mail: jukeal@yandex.ru

Abstract. *Technological leadership is a national development priority for the Russian Federation. Against the backdrop of accelerating digital transformation and increasing complexity of supply chains, methods that ensure flexibility, transparency, and synchronization in procurement and supply management (PSM) have become particularly crucial. Originally borrowed from biology, the ecosystem approach has been actively adopted in economics and socio-economic management to enhance participants' interactions and realize synergistic benefits.*

At the current stage of the digital and data-driven economy, the ecosystem approach is progressively permeating business practice. We identify several fundamental principles underlying effective business ecosystems: co-evolution of participants, systemic coherence, realization of network effects, extensive user-base scale, high customer-contact frequency, and flexible architecture. These principles provide a universal foundation for understanding both the nature and sustainability of business ecosystems in conditions of large enterprises focus on technological leadership strategies. Special attention is given to exploring how the ecosystem approach can be applied to PSM amid vigorous digitalization.

The study aims to trace the evolution of the ecosystem approach, delineate its core principles, and examine its application in PSM within large commercial enterprises and state-participated corporations. To this end, we conduct a comparative, case-based analysis that reflects the approach's evolutionary trajectory – from closed, bilateral collaborations to end-to-end technological platforms that form the ecosystem's core. Both successful and problematic ecosystem implementations are reviewed. We further identify key risks in deploying the ecosystem approach in PSM and propose mitigation strategies tailored to major private and state-affiliated organizations.

Our methodological toolkit comprises a systems approach, retrospective analysis, benchmarking, comparative industry case studies, and content analysis of consulting reports and scholarly publications by domestic and international researchers.

Key words: *ecosystem, ecosystem approach, digital economy, data economy, procurement and supply management, technological leadership, digital transformation, ecosystem approach risks.*

Cite as: Lapidus, L. V., Ponkratov-Vaysman, B. D. (2025) [Evolution of the ecosystem approach and risks of its application in logistics management with a state orientation to technological leadership]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 49–66. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-49>.

Введение

За последние годы ориентация на достижение технологического суверенитета и технологического лидерства стала приоритетной национальной задачей России, что отражено в ключевых документах нашей страны. Согласно стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145), вопросы обеспечения технологического суверенитета являются первостепенными и реализовываются на национальной технологической базе с целью обеспечения национального

развития¹. Следующим шагом стало принятие Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», где была обозначена цель достижения «технологического лидерства» и подкреплена конкретными показателями: к 2030 г. внутренние затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) должны вырасти не менее чем до 2 % ВВП, и вход в состав топ-10 стран мира по объему научных исследований².

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 – 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 30.04.2025).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 – 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 30.04.2025).

Если обратиться к научной категории «технологическое лидерство», то его следует рассматривать с двух сторон: с позиции государственных интересов и с позиции коммерческих целей бизнеса, который в условиях цифровой трансформации все больше ощущает необходимость в применении экосистемного подхода и построении экосистем как новой стратегически устойчивой бизнес-модели на основе данных [5]. Так, в рамках национальной концепции технологического развития на период до 2030 года, *технологическое лидерство* – это превосходство технологий и (или) продукции по основным параметрам (функциональным, техническим, стоимостным) над зарубежными аналогами³. По мнению Л. В. Лапидус, с позиции коммерческих целей бизнеса, *технологическое лидерство* заключается в наращивании развитых компетенций компаниями в области искусственного интеллекта и других перспективных технологий, с помощью которых возможно нарастить конкурентное преимущество, осуществить технологические прорывы, успешно коммерциализировать технологии на рынке, что зачастую возможно при переходе компаний к экосистеме как современной стратегически устойчивой бизнес-модели.

В современном деловом мире *экосистемный подход* начал набирать популярность еще в период 2010–2020 годов, согласно которому компании выстраивали кооперацию между разными акторами рынка для *совместного создания бизнес-ценности*. Исследователи Э. Аутио и Л. Томас, Б. Хадеми отмечают резкий рост академического интереса к теме экосистем в 2010-х гг., С. Барили и другие ученые связывают всплеск активности с массовым переходом к цифровизации бизнес-процессов, Т. Чекфунг и др. подчеркивают важность сочетания динамических, сетевых, и цифровых способностей компаний для совместного создания ценности [11; 12; 15; 21]. В результате фундаментальные принципы экосистемного подхода приводили крупные компании к достижению синергетических эффектов по модели «win»–«win» всеми сторонами экосистемного взаимодействия [6]. По мере наращивания компетенций в данной области оказалось, что экосистемный подход релевантен и для управления МТО, что было обусловлено сущностью протекающих процессов в МТО, новыми возможностями технологий выводить координацию процессов между многочисленными участниками (поставщиками, перевозчиками и потребителями) на новый уровень.

В данном контексте сформировался особый интерес к вопросу эволюции научной категории «*экосис-*

тема», начиная от биологических истоков до современной стратегически устойчивой бизнес-модели на основе принципов функционирования бизнес-экосистем, анализа практических кейсов по использованию экосистем на международном и российском уровне, в том числе в области МТО. Руководители компаний стоят перед решением задачи *выявления и описания принципов экосистемного подхода к МТО, определения границ применения экосистемного подхода к данной функциональной (под)системе с учетом его влияния на крупные коммерческие компании и корпорации с государственным участием*, что особенно актуально при ориентации России на национальный приоритет достижения *технологического лидерства*.

В связи с поставленными задачами особое внимание в исследовании также было уделено *рискам применения экосистемного подхода* для компаний с государственным участием с учётом вектора развития на обеспечение национального *технологического суверенитета*. Таким образом в статье осуществлена попытка ответить на исследовательский вопрос: как развивался экосистемный подход и насколько он применим к сфере МТО с учетом возможных рисков и ограничений.

Эволюция бизнес-экосистем и экосистемного подхода

Идея объединения различных акторов с целью создания эффективных взаимодействий исходит из биологии: в 1935 году британский эколог Артур Джордж Тенсли впервые ввёл термин «экосистема» для обозначения взаимосвязанной системы живых организмов и их среды обитания [29]. В такой системе живые существа одновременно конкурируют и сотрудничают, совместно эволюционируют и адаптируются к изменениям среды. Спустя более чем 60 лет после введения термина «экосистема», ученый Джеймс Мур в своей статье «*Хищники и жертва: новая экология конкуренции*» спроецировал данную научную категорию на предметную область управления бизнесом, предложив рассматривать компании не изолированно, а как часть бизнес-экосистемы. Д. Мур отмечал, что «в бизнес-экосистеме компании *«коэволюционируют» вокруг новой инновации*, сотрудничая и конкурируя для поддержки новых продуктов и удовлетворения потребностей клиентов» [25].

Аналитики консалтинговой компании Deloitte описывают бизнес-экосистемы как динамичные, постоянно развивающиеся сообщества, где сотрудничество превалирует над конкуренцией ради удовлетво-

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. №1315-п – 2023. – URL: <http://static.government.ru/media/files/KIJ6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OIbBp18F.pdf> (дата обращения: 30.04.2025).

рения возрастающих запросов клиентов⁴. Российские исследователи Т. С. Колмыкова и П. П. Ковалев стоят на позиции, что участники экосистемы, обладая специализациями, *создают синергетический и кумулятивный эффекты*, что способствует эволюционному росту и поддержанию функционирования экосистемы [2]. Синергетические эффекты, которые способны достигать коммерческие компании при внедрении экосистемного подхода, являются основой для достижения ими лидерских позиций на рынках [8]. Идея коэволюционного взаимодействия компаний, по аналогии с природной экосистемой, находит отражение и в книге «Биономика: экономика как экосистема» исследователя М. Ротшильда, в рамках которой важная роль отводится ценности информации и инноваций для успешного функционирования экосистемы [28].

Стоит отметить, что в вопросе внедрения экосистемного подхода большую роль играет классификация экосистем, каждый тип в которой будет иметь свои специфические особенности, которые стоит учитывать при целеполагании и выборе средств для достижения поставленных целей. По мнению Л. В. Липидус, следует выделять *инновационные экосистемы*, фокус которых смещён с координации потоков товаров и услуг на коллективное создание и коммерциализацию новых знаний. В узком смысле, подчеркивает профессор, «*цифровая экосистема*» – это и есть *инновационная экосистема*, обладающая способностью совместно генерировать и быстро тиражировать инновации [7]. В более широком контексте цифровая экосистема охватывает несколько уровней: бизнес-экосистемы, корпоративные экосистемы, национальные экосистемы цифровой экономики, трансграничные/транснациональные конфигурации и инновационные ИКТ-экосистемы [11].

Вне зависимости от отраслевой принадлежности, согласно исследованию BCG «Do you need a business ecosystem?», все экосистемы можно разделить на два основных типа⁵:

1. *Экосистема создания ценности* (Solution ecosystem) – формируется дополняющими предприятиями-партнерами вокруг центрального игрока, который является ядром и инициатором бизнес-процессов, с целью оказания услуг или создания продукта. В такой конфигурации экосистемы, предприятие-инициатор координирует действия уже известных предприятий партнеров в рамках единой цепочки бизнес-процессов.

2. *Транзакционная экосистема* (Transaction ecosystem) – все участники экосистемы формируются в периметре цифровой платформы с целью образования двустороннего рынка. Транзакционная конфигурация предполагает координацию независимых участников рынка с целью получения выгоды вследствие достижения многочисленных сетевых эффектов на разных сторонах экосистемы.

В обоих типах экосистем, центральная задача заключается в интеграции участников, координации их действий с ориентацией на повышение общей эффективности и достижении более высоких результатов всеми участниками общего бизнес-процесса. В данном случае, ключевую роль центра взаимодействия выполняет цифровая платформа, которая становится инфраструктурным (технологическим) ядром экосистемы, через которую координируются процессы, обеспечивается обмен данными и услугами, а участники экосистемы получают доступ к коллективным ресурсам.

Другой практикоориентированной классификацией экосистем является их выделение на основе критерия допуска участников, предложенную российскими исследователями М. Н. Кулаповым, Е. И. Переверзевым, О. Ю. Кирилловой [3]. Все экосистемы можно разделить на открытые, закрытые и гибридные.

1. *Открытые экосистемы* – экосистемы, в которых набор правил участия доступен публично и носит недискриминационный характер; конкурирующие поставщики товаров и услуг вправе подключаться к платформе на равных условиях, а владелец экосистемы, как правило, не выступает в роли поставщика, поддерживая нейтральную «инфраструктуру доступа».

2. *Закрытые экосистемы* – экосистемы, в которых критерии участия не раскрываются, а доступ предоставляется ограниченному кругу партнеров; большинство ключевых продуктов/сервисов генерирует сама платформа и её связанные структуры, поэтому внутренняя конкуренция поставщиков минимальна.

3. *Гибридные экосистемы создают компании, комбинируя элементы* открытого контура, куда по публичным правилам допускаются внешние партнёры, и закрытого периметра ключевых сервисов, остающихся под контролем владельца.

Проследить эволюцию экосистемного подхода можно с использованием *шести стадий развития цифровой экономики*, выделенных Л. В. Липидус и ранее опубликованных в Российском журнале ме-

⁴ Макарова Ю. Что такое бизнес экосистемы и зачем они нужны // РБК.Тренды – 2021. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/6087e5899a7947ed35fdbbf3> (дата обращения: 18.04.2025).

⁵ Do You Need a Business Ecosystem? // Boston Consulting Group – 2019. – URL: <https://www.bcg.com/publications/2019/do-you-need-business-ecosystem> (дата обращения: 28.02.2025).

неджмента в статье «Онтогенез цифровой экономики и экономики данных: концепция «Интеллектуальная гиперсвязанность в Индустрии X.0». На каждой стадии происходили изменения, формировались условия для появления новых форм ведения бизнеса, что становилось предпосылками для развития экосистемного подхода и выступало в роли триггеров для запуска процессов цифровизации и цифровой трансформации. Среди ключевых процессов выделяются: зарождение и развитие новых технологий; зарождение и развитие интернет-рынков и зависимых от интернета рынков; формирование новой потребительской ценности; изменение потребительских паттернов; формирование новых бизнес-моделей; трансформация бизнес-моделей и бизнес-процессов, рассмотренных в таблице 1 [4].

Таким образом, процесс разработки теоретических основ экосистемного подхода применительно к социально-экономическим системам, основанного на аналогиях с биологическими системами, получил новый импульс для развития в связи с предпосылками для его развития, в основе которых – *технологические инновации* и конвергенция технологических и институциональных факторов цифровой экономики [5].

Конвергенция технологических и институциональных факторов цифровой экономики

По мнению авторов статьи, развитие современных бизнес-экосистем набирало популярность благодаря возможной *конвергенции технологических и институциональных групп факторов цифровой экономики*, способных влиять на изменение структуры экономики, формирование новых рынков, новых нелинейных бизнес-моделей в условиях современного технологического сдвига. Рассмотрим их более подробно:

– *технологические факторы* – ускорение в появлении новых технологий, переход к массовой цифровизации, распространение цифровых платформ, внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в бизнес-процессы, переход к высокотехнологичным

продуктам через диффузию цифровых технологий и роботизированных систем в традиционные продукты (кроссовки, автомобили и др.), переход к персонализированному обслуживанию и массовому кастомизированному производству, усложнение бизнес-моделей с технологическим ядром на основе сквозного проникновения ИИ и синхронизации больших данных, интеграции с облачными технологиями и супервычислительными мощностями, – создали инфраструктурную основу для *кооперации участников рынка на новой технологической основе*. Например, облачные вычисления и API-интерфейсы позволили малым предприятиям подключаться к экосистемам крупных корпораций, а блокчейн-технологии обеспечили прозрачность цепочек поставок и обеспечили ускорение в прохождении всех процессов (например, Ozon Seller⁶, Sber API⁷, ОАО «РЖД»⁸, IBM Food Trust^{9, 10}, MediLedger¹¹);

– *институциональные факторы* – адаптация нормативной среды к цифровой экономике, заключающаяся в появлении регуляторных песочниц для тестирования и диагностики новых технологических решений, новых форм и форматов взаимодействия компаний, стандартизации технологий сбора, хранения и анализа данных, появлении международных соглашений в части цифрового партнерства, способствует созданию условий для сокращения транзакционных издержек, устранению барьеров для кросс-границного взаимодействия, появлению новых цифровых валют и др. В качестве примера можно привести Соглашение о цифровом партнерстве (Digital Economy Partnership Agreement, DEPA) между некоторыми странами, в рамках которого были установлены общие нормы и стандарты взаимодействия в области цифровой торговли, электронной идентификации и обмена данными, что должно было привести к упрощению процессов международного сотрудничества, прохождения таможенных процедур и трансграничной электронной торговли¹².

В результате проявления воздействия двух групп факторов стало возможным создание новых сетевых

⁶ Как управлять очень большим ассортиментом на Ozon с помощью API // Ozon Seller – 2023. – URL: <https://seller.ozon.ru/media/boost/kak-upravlyat-ochen-bolshim-assortimentom-na-ozon-s-pomoshyu-api> (дата обращения: 30.04.2025).

⁷ Сбер API. Инновационный канал взаимодействия со СберБанком. – Сбер, 2025. – URL: <https://developers.sber.ru/portal/products/sber-api> (дата обращения: 30.04.2025).

⁸ Блокчейн в железнодорожном транспорте (РЖД): теория, практика, проекты, смарт-контракт // Цифровой РЖД – 2022. – URL: <https://rzdigital.ru/technology/blokcheyn> (дата обращения: 30.04.2025).

⁹ IBM Food Trust: Building Apps Overview // IBM – 2025. – URL: <https://www.ibm.com/support/pages/ibm-food-trust-building-apps-overview> (accessed: 11.03.2025).

¹⁰ Blockchain for supply chain solutions // IBM – 2025. – URL: <https://www.ibm.com/blockchain-supply-chain> (accessed: 21.03.2025).

¹¹ Mediledger – Innovative platform for data alignment and transaction settlement // Mediledger – 2025. – URL: <https://www.mediledger.com> (accessed: 30.04.2025).

¹² Digital Economy Partnership Agreement (DEPA) // Ministry of Trade & Industry, Singapore – 2025. – URL: <https://www.mti.gov.sg/Trade/Digital-Economy-Agreements/The-Digital-Economy-Partnership-Agreement> (accessed: 20.04.2025).

Таблица 1. Предпосылки для развития экосистемного подхода по шести стадиям эволюции цифровой экономики проф. Л. В. Лapidус

С 1990 по 2005 г.		С 2005 по 2010 г.	С 2010 по 2015 г.	С 2015 по 2020 г.	С 2020 по 2030 г.	С 2030 по 2050 г.
с 1990 по 2000 г.	с 2000 по 2005 г.					
I. Становление цифровой экономики		II. Рост цифровой экономики	III. Зрелость цифровой экономики	IV. «Цифровая лихорадка»	V. Системная трансформация	VI. Интеллектуальная гиперсвязанность. Индустрия X.0
«Бум доткомов»	Развитие эл. бизнеса и эл. коммерции, новых рынков цифр. продуктов и эл. услуг					
• Осуществление первых транзакций через сеть Интернет	• Развитие и зарождение новых рынков web-технологий.	• Развитие интернет-рынков, взрывной рост появления новых рынков цифровых продуктов и электронных услуг; новых форм электронного бизнеса.	• Появление зрелых интернет-рынков и смежных рынков	• Зарождение и развитие рынков ИИ и других технологий Индустрии 4.0.	• Зарождение и развитие рынков ИИ и других технологий	• Тотальное внедрение ИИ-машин и ИИ-клиентов.
• Зарождение онлайн-потребления	• Крах доткомов (пузырь доткомов лопнул).	• Развитие и зарождение новых форм электронного бизнеса	• Развитие и появление новых рынков web-технологий.	• Развитие новых интернет-рынков и зависимость от Интернета	• Развитие четвертой промышленной революции.	• Развитие рынков во-круг гиперсвязанности, метавселенных и других виртуальных пространств.
• Появление рынков web-технологий.	• Развитие и зарождение новых рынков интернет-торговли, рынка услуг по-исковых систем, электронных аукционов и т.д.	• Развитие и появление новых рынков web-технологий.	• Развитие новых интернет-рынков и зависимость от интернета	• Формирование новой потребительской ценности.	• Развитие новых интернет-рынков и зависимость от интернета	• Зарождение и развитие рынков технологий ИИ, рынков технологий Индустрии X.0.
• Развитие смежных рынков – провайдеров Интернета, хостинга и т.д.	• Развитие и зарождение новых рынков социальных сетей, электронных энциклопедий, услуг видеоконференцсвязи и т.д.	• Массовый всплеск количества цифровых платформ двухстороннего рынка и т.д.	• Изменение потребительской ценности.	• Изменение потребительского поведения.	• Формирование новой потребительской ценности.	• Формирование новой потребительской ценности.
• Формирование новой потребительской ценности.	• Формирование новой потребительской ценности.	• Формирование новой потребительской ценности.	• Массовое внедрение онлайн каналов и проникновение цифровых технологий в бизнес-модели традиционных компаний.	• Трансформация бизнес-моделей интернет-компаний и традиционных компаний.	• Изменение потребительского поведения.	• Изменение потребительского поведения.
• Бурный рост количества компаний электронного бизнеса («бум доткомов»)	• Формирование новой потребительской ценности.	• Изменение потребительского поведения.	• Хаотичное переоснащение бизнес-процессов и трансформация бизнес-моделей под воздействием технологий Индустрии 4.0.	• Цифровая трансформация с позиции системного подхода и ориентацией на построение бизнес-экосистем (интернет-компаний и традиционных компаний).	• Трансформация бизнес-экосистем с переходом к безлюдным кибер-физическим системам на основе интеллектуальной гиперсвязанности, генеративного ИИ.	• Трансформация бизнес-экосистем с переходом к безлюдным кибер-физическим системам на основе интеллектуальной гиперсвязанности, генеративного ИИ.

Источник: работа Лapidус Л. В. Онтогенез цифровой экономики и экономики данных: концепция «интеллектуальная гиперсвязанность в Индустрии X.0» [4]

бизнес-моделей, которые в процессе эволюции от простых форм электронного бизнеса пришли к сложным экосистемам, где участники, зачастую находящиеся в условиях конкурентной борьбы, могли совместно создавать потребительскую ценность. Так, в банковском секторе смягчение регуляторных требований к финтех-стартапам привело к появлению экосистем, объединяющих традиционные банки, платежные сервисы и клиентов в единую цифровую платформу¹³. Аналогично, в промышленности стандарты Industry 4.0 и внедрение IoT-датчиков позволили компаниям создать экосистемы, где производители, логисты и заказчики могут обмениваться данными в режиме реального времени, сокращая время производственного цикла, что является одним из ключевых KPI для руководителей промышленных компаний¹⁴.

Таким образом, *технологические факторы выступили двигателем интеграции, а институциональные – фактором закрепления, обеспечивающими их применимость на практике*. Упомянутая взаимосвязь подтверждается данными McKinsey: исследование 100 традиционных корпораций показало, что 40% компаний, внедривших экосистемы, сумели добиться ощутимого экономического эффекта, при этом лишь 10% достигли масштабных результатов, обеспечив более 5% выручки через экосистемы¹⁵. Такие эффекты на начальной стадии внедрения экосистемного подхода являются хорошим подтверждением его применимости и подтверждают высокий потенциал для его дальнейшего распространения на практике бизнеса.

Несмотря на многообразие факторов прямого и косвенного влияния на выбор пути построения экосистемы, важным вопросом остается понимание фундаментальных принципов, влияющих на успех и их развитие в современных условиях цифровой экономики.

Фундаментальные принципы построения экосистем в бизнес-контексте

Проведенный авторами эволюционный анализ показал, что по мере развития цифровой экономики формировались предпосылки для развития экосистемного подхода, который применялся на практике бизнеса. Стратегическая устойчивость бизнес-эко-

систем формируется не только благодаря технологическим и институциональным факторам, влияющим на условия ведения бизнеса, но и за счет следования фундаментальным принципам экосистемного подхода к бизнесу. Если историческая ретроспектива позволяет проследить концептуальный генезис данного подхода, то выделение её ключевых принципов позволяет приблизиться к механизмам функционирования экосистем в современных условиях.

Выделим *шесть фундаментальных принципов построения бизнес-экосистем*, которые способствуют их развитию и сохранению конкурентоспособности с возможностью наращивать конкурентные преимущества.

1. *Принцип коэволюции участников экосистемы*: участники бизнес-экосистем не только находятся в единой среде, но и оказывают взаимное влияние друг на друга, способствуя совместной адаптации, появлению инноваций и трансформации всей системы. Д. Ханна и К. Эйзенхардт подчеркивают, что компании в экосистемах вынуждены стратегически сочетать сотрудничество для создания ценности с конкуренцией за прибыль, поддерживая тем самым динамическое равновесие внутри системы [16]. *Коэволюция обеспечивает экосистеме способность к изменениям и долгосрочную устойчивость*.

2. *Принцип когерентности*: подразумевает *синхронное функционирование всех составляющих экосистемы в одном темпе, минимизирует внутреннюю неупорядоченность процессов и снижает координационные издержки*. Теоретически этот принцип опирается на концепцию диссипативных структур лауреата Нобелевской премии – И. Р. Пригожина, но, по его же мнению, может быть применим ко многим системам, в том числе и социальным. В своем исследовании ученый предположил, что небольшие островки когерентности могут сдвинуть всю систему, сделав ее более когерентной¹⁶ [14].

3. *Принцип достижения сетевых эффектов*: играет ключевую роль в бизнес-экосистемах, так как каждая новая компания в экосистеме способствует росту её ценности для всех остальных участников. В своем исследовании ученые А. Гауэр и М. Кузума-но отмечают, что *чем больше компаний участвует в экосистеме, тем выше её эффективность*, так как

¹³ Cooperation with third-party providers and an important factor for providing a wide range of services and products // PwC Deutschland. – 2023. – URL: <https://www.pwc.de/de/finanzdienstleistungen/study-platform-banking-and-digital-ecosystems.pdf> (accessed: 11.03.2025).

¹⁴ Countdown to the tipping point for Industry 4.0 // Siemens – 2019. – URL: <https://assets.new.siemens.com/siemens/assets/api/uuid:fb9d1e59-4d83-41ab-af28-3ef298710d43/countdown-to-the-tipping-point-for-industry-4-sfs-whitepaper-en.pdf> (accessed: 11.03.2025).

¹⁵ Ecosystem 2.0: Climbing to the next level // McKinsey – 2020. – URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/ecosystem-2-point-0-climbing-to-the-next-level> (accessed: 11.03.2025).

¹⁶ Posner S. Islands of Coherence // Garrison Institute – 2023. – URL: <https://www.garrisoninstitute.org/islands-of-coherence/> (accessed: 30.04.2025).

это приводит к снижению транзакционных издержек и повышает качество взаимодействия [17].

4. *Принцип масштаба пользовательской базы:* приводит к более сильной корреляции между количеством клиентов, партнеров и силой сетевых эффектов, чем больше активных пользователей и партнеров привлекает экосистема, тем выше её ценность для каждого из участников за счет усиливающихся сетевых эффектов. Американские исследователи М. Кац и К. Шапиро пришли к выводу, что после достижения критической массы, рост пользовательской базы порождает снижение транзакционных издержек и ускоряет стандартизацию рынка [20].

5. *Принцип высокой частотности контакта с клиентами:* удобство экосистемного продукта заключается в широком спектре потенциально решаемых вопросов, а значит и частота обращения к нему клиентов будет высокой. Частота взаимодействия клиента и экосистемы определяет скорость роста уровня вовлеченности и ценности клиента. Группой международных исследователей, выполнившей мета-анализ 395 исследований, была выявлена высокая эффективность повышения лояльности клиентов при использовании маркетинговой стратегии, основанной на регулярных взаимодействиях [13].

6. *Принцип гибкой архитектуры:* успешные бизнес-экосистемы выстроены по модульному принципу, где отдельные элементы в любое время могут быть заменены на другие или удалены из экосистемы без разрушения всей структуры. Гибкая архитектура обеспечивает не только техническую устойчивость, но и организационную гибкость, позволяя системам эволюционировать без радикальных перестроек и сбоев, что обеспечивает запас прочности системы¹⁷.

Упомянутые принципы универсальны для бизнес-экосистем всех отраслей экономики, при этом степень значимости каждого принципа различна с учетом специфики конкурентного ландшафта каждой отдельно взятой отрасли. Например, в логистике ключевыми принципами являются принцип гибкой архитектуры и принцип достижения сетевых эффектов, так как акцент делается на координации цепочек поставок; в финансово-технологических экосистемах ключевыми являются принцип достижения сетевых эффектов, принципы масштаба пользовательской базой и высокой частотности контакта с клиентами, а в промышленности среди ключевого можно выделить принцип коэволюции участников экосистемы. Принцип коге-

рентности является важнейшим для всех экосистем, так как от него зависит способность экосистемы удовлетворять потребности клиентов и снижать напряженность и количество конфликтов между сотрудниками компаний.

Исходя из анализа научной категории «экосистема» и упомянутых выше фундаментальных принципов, общие положения концепции экосистемного подхода остаются неизменными вне зависимости от отрасли. Экосистемный подход представляет собой научный подход к построению бизнеса как экосистемы через взаимодействие участников бизнес-процессов в сложной, динамичной цифровой среде, характеризующейся высокой неопределенностью с целью достижения стратегической устойчивости и наращивания конкурентоспособности. Успех бизнеса определяется комплексным соблюдением всех вышеизложенных принципов построения бизнес-экосистем: участники должны коэволюционировать, сохранять когерентность, расширять сеть участников, стремиться к высокой частотности взаимодействия с клиентами с целью достижения более сильных сетевых эффектов и при этом сохранять гибкость архитектуры.

Однако практическая реализация фундаментальных принципов и расставления акцентов в их применении варьируются в зависимости от отраслевой специфики, технологической зрелости компаний и рыночной динамики. Для более глубокого понимания экосистемного подхода целесообразно его рассмотреть через призму применения в отраслях экономики.

Эволюция экосистемного подхода: отраслевой разрез

В рамках настоящего исследования был проведен ретроспективный анализ эволюционного развития экосистемного подхода с учетом его бизнес-применимости в разных отраслях экономики – от первых закрытых экосистем 1980-х годов до цифровых платформ и цифровых экосистем современности.

Зарождение коопераций. В 1980-х годах начали проявляться первые признаки экосистем в банковской сфере, в бизнес-модели которых все активнее интегрировались платежные системы такие как Visa и Mastercard, создавались кредитные союзы и банкоматные сети¹⁸. Такие объединения скорее были закрытыми системами, – они обеспечивали стандартизацию операций по межбанковскому взаимодействию, способствовали повышению доступности финансо-

¹⁷ Agile Architecture: How to Architect Your Software and System with Agility and Scalability // FasterCapital – 2025. – URL: <https://fastercapital.com/content/Agile-Architecture-How-to-Architect-Your-Software-and-System-with-Agility-and-Scalability.html> (accessed: 20.04.2025).

¹⁸ Westberg P., Karlsson K Visa and Mastercard: The Global Payment Duopoly – 2025. – URL: <https://quatr.com/insights/company-research/visa-and-mastercard-the-global-payment-duopoly> (accessed: 18.04.2025).

вых услуг, и одновременно защищали интересы ключевых участников рынка.

Переход к цифровым платформам. На рубеже 2000-х годов экосистемы начали активно развиваться в ритейле и логистике, что особенно ярко прослеживается на примере Amazon. Изначально корпорация развивала *собственную логистическую инфраструктуру и ИТ-системы* для электронной коммерции. В начале 2000-х годов Amazon создала *маркетплейс* для внешних продавцов: миллионы партнеров получили доступ к глобальной базе покупателей, что обеспечивало Amazon денежными потоками в виде комиссионного дохода и расширяло ассортимент без прямой закупки товаров. Темпы дальнейшего роста были высокие, согласно одним из последних данных, на площадке зарегистрировано более 1,9 млн продавцов, число пользователей с платной подпиской «Prime» превышает 150 млн человек, а количество посылок только лишь на территории США превышает 2,5 млрд в год¹⁹. Исходя из приведенных результатов, можно утверждать, что новая бизнес-модель на основе платформенного решения демонстрировала *существенные сетевые эффекты*, когда с ростом числа продавцов и покупателей эффективность экосистемы возрастала, в то же время снижались средние издержки на транзакцию, ускорялось выполнение заказов за счет конкуренции логистических операторов [30]. К середине 2000-х стало очевидно, что цифровые экосистемы способны трансформировать традиционные отрасли, *превращая линейные цепочки создания ценности в динамичные сети взаимодействия*.

Мультисервисные экосистемы. В 2010-х годах банки перешли на новый уровень экосистемного подхода и начали развивать собственные финансово-технологические стартапы. Так, китайская компания Ant Financial создала единую экосистему для потребителей, интегрировав традиционные банковские услуги с электронной коммерцией, страхованием и инвестиционной платформой. В основе такой экосистемы находилась платформа, которая становилась не только цифровой инфраструктурой, но и полноценным центром комплексного взаимодействия всех сторон²⁰.

Клиенты получали единое окно доступа ко всем продуктам и могли удовлетворять широкие потребности, в то же время компания получала доступ к цифровому следу – стратегически важным данным о пользовательском поведении. В такой *мультисервисной экосистеме* проявлялся эффект «экономии масштаба», когда объединение платежных систем, онлайн-кредитования и страховых продуктов на одной платформе приводило к повышению операционной эффективности и потребительской ценности в виде более доступных финансовых услуг.

Сквозные экосистемы. К 2020-м годам концепция экосистем получила распространение во многих сферах экономики, начиная со здравоохранения, автомобильной промышленности, и заканчивая телекоммуникационной отраслью и логистикой [22; 23; 26]. Ярким примером выступает активно развивающийся рынок «связанных автомобилей» (connected cars), где экосистемы формируются вокруг подключенных к глобальной сети автомобилей. Ситуация характеризуется тем, что *единая сквозная экосистема* объединяет автопроизводителей, провайдеров программного обеспечения (ПО), страховые и сервисные компании [10]. Стоит отметить, что ценность сквозных экосистем была подтверждена в период пандемии COVID-19, когда на волне кризиса эпидемиологического характера возникли платформы для координации производства и распределения медицинского оборудования, логистики вакцин²¹. Происходящие трансформации подтвердили гибкость и применимость экосистемного подхода в условиях высокой турбулентности.

В самых актуальных исследованиях международных консалтинговых компаний большое внимание уделяется растущей популярности экосистем как эффективной бизнес-модели. Так, эксперты PwC отмечают, что компании в рамках экосистем могут на 70% быстрее выйти на рынок, так как они являются гибкими, маневренными и инновационными²². Исследователи из ЕУ указывают на то, что 61% опрошенных компаний намереваются увеличить расходы на экосистемы, так как они способствуют росту доходов более чем на 16%²³.

¹⁹ How Amazon Built Its Growth Ecosystem // GrowthHackers – 2025. – URL: <https://growthhackers.com/growth-studies/how-amazon-built-its-growth-ecosystem> (accessed: 30.01.2025).

²⁰ Anais Concepcion How Ant Financial Became the Largest Fintech in the World. – URL: <https://www.applicoinc.com/blog/ant-financial-services-platform-largest-fintech-in-world> (accessed: 30.01.2025).

²¹ На пути к лекарственному суверенитету: опыт экосистемы Москвы // РБК – 2024. – URL: <https://www.rbc.ru/society/28/12/2024/676e80809a79476f54822315> (дата обращения: 27.02.2025).

²² Thriving in an age of continuous reinvention // PwC – 2024. – URL: <https://www.pwc.com/gx/en/ceo-survey/2024/download/27th-ceo-survey.pdf> (accessed: 20.04.2025).

²³ Greg Sarafin. The CEO Imperative: Are you mastering your ecosystem strategy? // Ernst & Young – 2024. – URL: https://www.ey.com/en_au/ecosystems/the-ceo-imperative-are-you-mastering-your-ecosystem-strategy (accessed: 20.04.2025).

С учетом предложенных ранее фундаментальных принципов построения экосистем и рассмотренных примерах экосистем, сопровождающих эволюцию цифровой экономики, можно сделать вывод о том, что экосистемный подход приобретает особую значимость в сферах, где требуется координация множества участников при обеспечении высокочастотного взаимодействия с многочисленными клиентами, что при синхронизации данных и грамотном управлении приводит к достижению сетевых эффектов. В соответствии с данными характеристиками целесообразно рассмотреть границы применения экосистемного подхода к сфере материально-технического обеспечения крупного предприятия.

Экосистемный подход к управлению процессами закупок и снабжения (материально-технического обеспечения)

Материально-техническое обеспечение (МТО), включающее управление закупками и снабжением, представляет собой сложную сеть взаимодействующих участников – поставщиков товаров, перевозчиков, складских хозяйств, производственных звеньев заказчиков. В данной предметной области эффективность процессов напрямую зависит от синхронизации действий поставщиков, перевозчиков и конечных потребителей, что подчеркивает ценность экосистемных принципов. При этом на практике процессы МТО в крупных компаниях часто фрагментированы, обмен данными между участниками происходит в разрозненных информационных системах, что затрудняет сбор качественной отчетности и принятие управленческих решений и зачастую сопровождается излишними затратами [19].

Применение экосистемного подхода в МТО приводит к объединению участников данного процесса на единой цифровой платформе и обеспечивает а) снижение транзакционных издержек через унифицированные интерфейсы взаимодействия и автоматизацию процессов²⁴; б) прозрачность цепочки поставок и уровня запасов в режиме реального времени²⁵;

в) устойчивость к внешним факторам за счёт оперативного обмена данными и процесса совместного планирования ресурсов [24].

Стоит отметить, что программное обеспечение для управления поставками становится все более востребованным. Так, в 2025 году прогнозируемый объем выручки на мировом рынке оценивается в 20,97 млрд долларов США²⁶; ежегодный темп роста составит 4,05%, объем рынка к 2029 году достигнет 24,58 млрд долларов²⁷; при этом, решения с применением ИИ в настоящее время составляют не менее 9 млрд долларов США, и согласно прогнозам уже к 2030 году могут превысить 40 млрд долларов США²⁸.

Рассматривая российскую практику применения экосистемного подхода в МТО, можно отметить инициативы представителей металлургической и атомной промышленности, а также нефтегазовой отрасли, которые в совокупности формируют значимую долю ВВП, а эффективность процессов МТО существенно влияет на основные производственные процессы.

В качестве первого примера рассмотрим системообразующее предприятие металлургической промышленности – АО «ЕВРАЗ», которое внедрило внутренний маркетплейс «ЕВРАЗ Маркет» для нужд сотрудников на базе отечественного ПО 1С и Битрикс. В качестве результатов представители компании отмечают появление большей прозрачности в цепочках поставок и сокращение времени конечной доставки товара до 7 дней, вместо средних 45 дней при фрагментарном подходе. Отличительным является и тот факт, что в АО «ЕВРАЗ» не стремятся подключить множество поставщиков, а взамен предпочитают стабильное и проверенное партнерство²⁹.

Можно привести пример географически распределенного предприятия нефтегазового сектора, и действующего экосистемного решения ПАО «Газпромнефть» – платформу «Express Isource», которая представляет собой маркетплейс промышленных перевозок, и объединяет более 1,5 тыс. транспортных компаний. Цифровая платформа позволяет инициировать и управлять промышленными грузоперевозками

²⁴ Creating a competitive supply chain advantage through connected communities // Deloitte Insights – 2021. – URL: <https://www.deloitte.com/us/en/insights/focus/transportation/connected-supply-chain.html> (accessed: 21.03.2025).

²⁵ Digital supply networks // Deloitte – 2025. – URL: <https://www.agistix.com/blog/how-to-improve-real-time-supply-chain-visibility-through-stakeholder-collaboration/> (accessed: 21.04.2025).

²⁶ Supply Chain Management Software – Worldwide // Statista – 2025. – URL: <https://www.statista.com/outlook/tmo/software/enterprise-software/supply-chain-management-software/worldwide> (accessed: 21.04.2025).

²⁷ Там же.

²⁸ AI in supply chain market size, share analysis // MarketsandMarkets – 2025. – URL: <https://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/ai-in-supply-chain-market-114588383.html> (accessed: 21.04.2025).

²⁹ Шопинг на рабочем месте: как ЕВРАЗ внедрил внутренний маркетплейс для снабжения // Хабр – 2023. – URL: <https://habr.com/ru/companies/evraz/articles/781586/> (accessed: 21.04.2025).

в едином окне. Как результат, отмечается сокращение среднего времени поиска перевозчика до 4 часов, время оформления заявки с нескольких часов до 10 минут, а цикл согласования – в 2–3 раза быстрее стандартных процедур³⁰.

Также интересным примером является продукт, применяемый в атомной промышленности – «Атомбот.Закупки», входящий во внутреннюю экосистему «Росатом», который построен на стыке технологий искусственного интеллекта и программных роботов (RPA). К основной функциональности продукта относятся формирование технического задания для закупок, расчет начальных максимальных цен и публикацию лотов. Среди эффектов отмечается сокращение затрат в процессах расчета цен в 16 раз, а эксперты тратят на треть меньше времени при проверке технических заданий, что в результате влияет на финансовые показатели всей компании³¹.

Исходя из приведенных выше примеров, можно отметить, что в зависимости от отрасли наблюдаются разные подходы к выбору степени открытости и масштабу экосистем. Если в металлургии приоритетным является надежность партнеров и стабильность цепочек поставок, а в сфере перевозок по-прежнему важно обладать внушительным числом контрагентов с целью стимулирования конкуренции и снижения транзакционных издержек, то в атомной промышленности предпочитают локальные решения и пока не организуют цифровое пространство с возможностью участия внешнего контура.

Межотраслевой обзор позволяет выявить многогранность и отличительные особенности применения экосистемного подхода в зависимости от отрасли. Приведенные примеры демонстрируют, что вне зависимости от того, насколько отрасли отличаются между собой, фундаментальные принципы экосистемного подхода обеспечивают его широкую межотраслевую применимость на производственных предприятиях, как в коммерческом, так и в государственном секторах для оптимизации процессов МТО.

Судя по динамике развития данного рынка, производители ПО и бизнес посредством построения экосистем способны достигать поставленных целей, однако следует учитывать специфические особенности

применения данного подхода. В то же время важно отметить, что экосистемы не являются универсальным решением всех проблем для любых бизнес-контекстов, так как только около 15% из них оказываются прибыльными в долгосрочной перспективе [27]. Таким образом, экосистемный подход не гарантирует достижения положительных экономических эффектов и успешного развития бизнеса, в связи с чем актуальным становится анализ рисков, связанных с его применением.

Риски применения экосистемного подхода на практике бизнеса и трудности его применения в управлении закупками и снабжением

Как было показано ранее, экосистемный подход, исходя из своих фундаментальных принципов, является универсальным для самых разнообразных отраслей экономики, однако его применение не всегда сопровождается положительными экономическими эффектами. Если посмотреть на общие риски применения экосистемного подхода в разных отраслях, то стоит привести интересные факты о том, что по данным PitchBook, из более чем 100 компаний стоимостью свыше 1 миллиарда долларов США, вышедших на биржу с 2010 года, 64 % были убыточными на момент выхода на биржу, включая такие экосистемы, как Uber, Lyft, Snapchat и Spotify. Яркий пример – попытка Uber выйти на китайский рынок, в котором агрессивное субсидирование водителей и клиентов не помогло достичь критической массы на конкурентном рынке такси, что привело к продаже бизнеса местной компании Didi³². По мнению исследователей, весьма значимым фактором провала явилось отсутствие интеграций с локальными цифровыми экосистемами – Alipay и WeChat³³. С учетом повсеместной имплементации национальных платежных сервисов Китая во все сферы жизни, недостаточный анализ местной финансовой культуры был критической ошибкой со стороны американской компании.

Для углубленного анализа причин, стоящих за неудачами экосистемных инициатив, целесообразно обратиться к исследованию, проведенному консалтинговой компанией BCG «Do you need a business ecosystem?», в рамках которого были систематизи-

³⁰ Цифровой сервис грузовых перевозок Express Isource выполнил более 50 тыс. заказов за 2024 год // CNews – 2025. – URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-02-07_tsifrovoy_servis_gruzovyh (дата обращения: 30.04.2025).

³¹ Росатом представил цифровой сервис «Атомбот. Закупки» // CNews – 2020. – URL: https://www.cnews.ru/news/line/2020-10-30_rosatom_predstavil_tsifrovoy (дата обращения: 30.04.2025).

³² Pidun U., Reeves M., Schüssler M. Why do most business ecosystems fail? // BCG Henderson Institute – 2020. – URL: https://web-assets.bcg.com/img-src/BCG-Why-Do-Most-Business-Ecosystems-Fail-Jun-2020_tcm9-252663.pdf (accessed: 27.02.2025).

³³ Thompson B. Didi Acquires Uber China, Why Uber China Was Doomed, Was Uber China Worth It? // Stratchery – 2016. – URL: <https://stratchery.com/2016/didi-acquires-uber-china-why-uber-china-was-doomed-was-uber-china-worth-it-2/> (accessed: 27.02.2025).

рованы данные по 110 экосистемам. В выборку вошли только экосистемы, которые а) обанкротились; б) потеряли значительную долю рынка; в) были проданы за суммы ниже ее первоначальных инвестиций. В результате были выявлены основные причины неудач, в ТОП-7 из которых вошли следующие: неясная ценностная идея экосистемы; неправильная конфи-

гурация экосистемы; неправильный выбор методов управления; неоптимальная монетизация; неэффективная стратегия запуска; конкурентная уязвимость; некачественная реализация и сопровождение. На рисунке 1 отражены относительные доли основных причин неудач и провалов среди исследованных бизнес-экосистем.

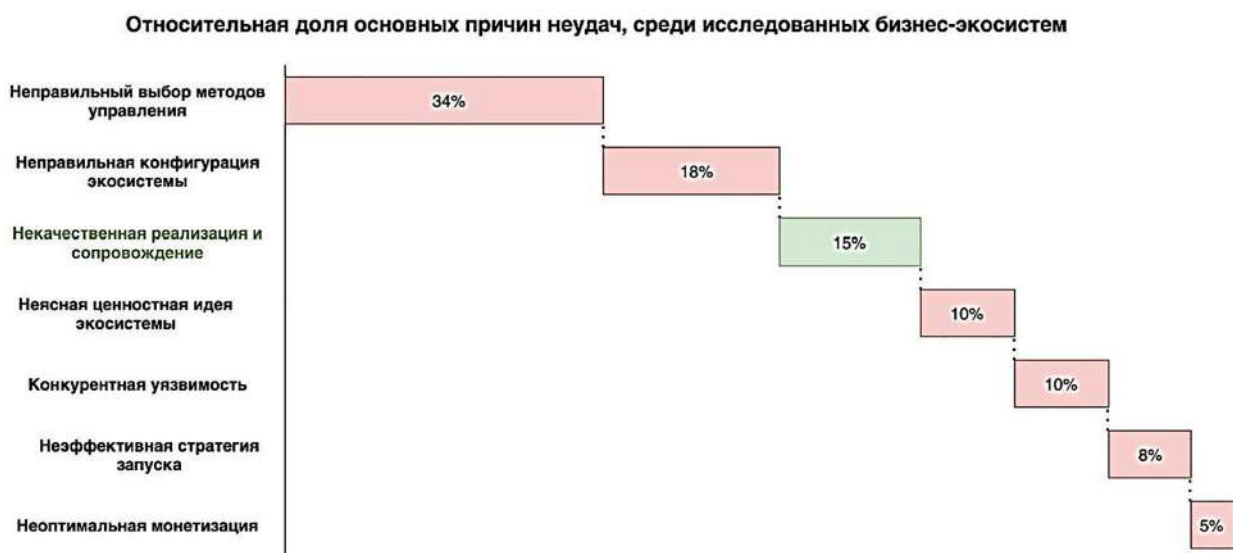

Рисунок 1. Относительная доля основных причин неудач среди исследованных бизнес-экосистем

Источник: адаптировано авторами на основе данных исследования BCG

Особенно стоит обратить внимание на тот факт, что лишь 15% провалов связаны с некачественной реализацией и сопровождением, т. е. с проблемами на стадии после запуска экосистемы, остальные многочисленные ошибки допущены еще на этапах проектирования и создания. В рамках настоящего исследования авторами статьи были выявлены и описаны потенциальные последствия по каждому из семи рисков, а также предложены меры по их митигации, релевантные для межотраслевой применимости, приведенные в таблице 2.

Бенчмаркинг показал, что появление международных логистических экосистемных платформ, например, таких как Flexport, в режиме реального времени обеспечивает взаимодействие многочисленных участников бизнес-процессов, включая грузоотправителей, перевозчиков и таможенных органов. Так, экосистемная платформа оказалась востребована,

только за 2023 год сервисом воспользовалось свыше 1900 клиентов, была обработана информация свыше чем по 300 тыс. контейнеров³⁴. Подобные платформы, объединяя данные о перемещении товаров, сведения о спросе и предложении, способствуют повышению прозрачности процессов и снижают вероятность возникновения «эффекта хлыста» – явления, при котором незначительные колебания спроса, искажаясь при передаче информации, приводят к избыточным запасам и росту издержек, что может быть вызвано отсутствием своевременного обмена информацией между участниками [18].

Однако использование экосистемной платформы Flexport и аналогичных платформ связано с необходимостью делиться данными, что вызывает серьезные опасения у ряда предприятий³⁵. Это особенно актуально для корпораций с государственным участием, где регуляторные требования накладывают дополни-

³⁴ Ocean freight shipping // Flexport – 2025. – URL: <https://www.flexport.com/products/ocean-freight/> (accessed: 30.04.2025).

³⁵ Flexport: Data that Whips the Bullwhip Effect // Digital Innovation & Transformation – 2022. – URL: <https://d3.harvard.edu/platform-digit/submission/flexport-data-that-whips-the-bullwhip-effect> (accessed: 26.02.2025).

тельные ограничения на использование зарубежных платформ, поскольку передача данных третьей стороне не создаёт риски в части их последующего хранения и обработки³⁶.

Таблица 2. Риски неэффективности бизнес-экосистем, их негативные последствия и меры по митигации

Категория риска	Потенциальные негативные последствия	Меры по митигации риска
Неясная ценностная идея экосистемы	Продукт не решает достаточно значимую проблему, чтобы оправдать начальные инвестиции и привлечь участников экосистемы	Сузить фокус на решении конкретной острой проблемы клиента; тестировать концепцию на минимально жизнеспособном продукте.
Неправильная конфигурация экосистемы	Неверный выбор состава партнеров и распределения ролей мешают эффективной реализации основного ценностного предложения	Привлечь ключевых игроков отрасли, закрывающих все необходимые функции; однозначно определить роли участников; установить прозрачные правила входа и выхода из экосистемы
Неправильный выбор методов управления	Несоответствие параметров открытости, режимов доступа и распределения полномочий, нарушает баланс между динамикой расширения и механизмами контроля, что приводит либо к неконтролируемому разрастанию экосистемы, либо к её неспособности формировать ценность	Учитывать интересы каждого участника; соблюдать баланс между уровнем открытости и эффективности
Неоптимальная монетизация	Монетизационная стратегия не обеспечивает справедливое распределение результатов для участников экосистемы с учетом рыночной ситуации	Разработать справедливую модель распределения доходов
Неэффективная стратегия запуска	Неэффективный старт, не способный обеспечить критическую массу участников экосистемы, что мешает возникновению сетевого эффекта и дальнейшему масштабированию	Предусмотреть стартовые промо-акции и механики вовлечения для всех типов участников, включая действенные лид-магниты; предложить маркетинг через лидеров мнений
Конкурентная уязвимость	Отсутствие эффективных защитных механизмов порождает уязвимость к конкурентным атакам, и потенциальной потере позиций на рынке	Разработать уникальные конкурентные преимущества экосистемы; формировать лояльное сообщество участников; построить процесс непрерывного развития
Некачественная реализация и сопровождение	Некачественная реализация, управленческие и операционные ошибки приводят к провалу даже при высокоэффективной концептуальной модели экосистемы	Обеспечить назначение цифрового лидера и ответственных лиц по каждому направлению; проводить регулярный сбор обратной связи

Источник: составлено авторами на основе источников BCG

Таким образом, внедрение экосистемного подхода, как неотъемлемая часть цифровой трансформации бизнеса, сопряжено с определенными ограничениями – барьерами и трудностями. Например, стоит отметить технологические, кадровые, финансовые ограничения, а также существенный барьер в виде внутреннего сопротивления сотрудников к изменени-

ям [9]. По мнению авторов, можно выделить три основных специфических риска для компаний, применяющих экосистемный подход:

1. *Технологическая зависимость от внешних поставщиков услуг.* Компании, интегрированные в глобальные экосистемы, зависят от платформенных решений сторонних разработчиков, что делает

³⁶ Госзаказчикам запретили закупать без согласования импортный софт для КИИ // Интерфакс – 2022. – URL: <https://www.interfax.ru/digital/832235> (дата обращения: 01.03.2025).

их уязвимыми перед изменениями в бизнес-моделях поставщиков, возможными сбоями и рисками прекращения поддержки ПО, что с учетом большого количества участников особенно критично для МТО [8].

2. *Информационная безопасность.* Несмотря на все удобства коммуникационного процесса всех участников бизнес-процесса в едином информационном пространстве, это несет риски утечек информации и нарушений в исполнении бизнес-процессов [1].

3. *Регуляторные барьеры.* В зависимости от организационно-правовой формы и доли государственного участия в управлении предприятием, меняются нормативные подходы к осуществлению закупочной деятельности. К этому стоит добавить, что интеграция в международные экосистемы предполагает передачу данных на территорию иностранных государств, что противоречит идеям формирования цифрового и технологического суверенитета, поскольку вряд ли возможно контролировать доступ к информации в полной мере. Упомянутый фактор особенно важно учитывать, как для крупных коммерческих предприятий, так и для предприятий с государственным участием.

В случае с корпорациями с государственным участием, государственными ведомствами, упомянутые риски могут угрожать стратегическим национальным интересам. Согласно источнику РБК, по оценке Государственной думы Российской Федерации, доля компаний с государственным участием в экономике составляет 62,7% по состоянию на 2024 год³⁷.

Модернизация деятельности предприятий, значимых в государственном масштабе, является крайне важной задачей, с учетом их весомой доли в национальной экономике. Преимущества экосистемного подхода очевидны, но риски применения иностранных или частных решений несовместимы с приоритетами развития нашей страны, что особенно актуально для государственных предприятий. В целях митигации данных рисков разработка собственной цифровой экосистемы для процессов МТО видится целесообразной задачей, если не сказать, единственным решением в данных условиях геополитических санкций и позволит обеспечить цифровой суверенитет.

Локализация данных и минимизация угроз информационной безопасности становится все более важной стратегической целью для компаний, так как в экономике данных дальнейшее развитие экосистем становится современной бизнес-моделью, способст-

вующей усилению коммерческого ядра и формирования собственного технологического ядра [5]. Согласно прогнозам, уровень импортозамещения инфраструктурного ПО будет непрерывно расти, и к 2030 году достигнет 90%. При этом государственные компании должны перейти на него уже к 2027 году, что позволит ускорить процесс разработки и внедрения новых бизнес-моделей на основе экосистемного подхода³⁸.

Безусловно, инициация и реализация цифровых проектов, особенно таких многоступенчатых и масштабных, как разработка и внедрение экосистем, должно осуществляться в рамках стратегии цифровой трансформации предприятия при поддержке ответственного цифрового лидера. Не менее важным является работа с сотрудниками предприятия, которые должны развивать и поддерживать инновационную культуру внутри, а также наращивать технологические компетенции, иначе внедрение и фиксация изменений окажутся весьма затрудненными. Рост собственной цифровой экспертизы в рамках предприятия может являться не самым быстрым и простым способом трансформаций, однако самым надежным, управляемым, впоследствии потенциально масштабируемым на отрасль, и как конечный результат, способствует достижению технологического лидерства.

Заключение

Ретроспективный анализ развития экосистемного подхода, бенчмаркинг международной кейс-практики показали эволюцию экосистем, позволили выявить эволюцию экосистемного подхода в разных отраслях экономики от зарождения коопераций в 1980-х годах с последующим переходом к цифровым платформам на рубеже 2000-х годов, мульти-сервисным экосистемам в 2010-х годах и до сквозных экосистем к 2020-м годам.

Выявленные фундаментальные принципы построения экосистем имеют практическую значимость для современных компаний, так как их применение является одним из обязательных условий митигации рисков неправильной конфигурации экосистемы, неправильного выбора методов управления, некачественной реализации и сопровождения. Грамотное построение экосистем способно обеспечить синергетическое взаимодействие и когерентность между всеми участниками при постоянной коэволюции процессов.

³⁷ Рожкова Е., Гальчева А. Государственное стало менее заметным. Исследователи РАНХиГС зафиксировали снижение вклада госсектора в ВВП // РБК Газета – 2024, № 144. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/10/31/6720d63d9a79478690f58b0b> (дата обращения: 27.02.2025).

³⁸ Цифровой суверенитет: переход на отечественную ОС // РБК Компании – 2024. – URL: <https://companies.rbc.ru/news/WcmOYXUIL9/tsifrovoy-suverenitet-perehod-na-otechestvennyuyu-os/> (дата обращения: 21.04.2025).

Применение экосистемного подхода к МТО имеет значительный потенциал для повышения эффективности, сокращения транзакционных издержек, повышения прозрачности цепочек поставок и ускорения логистических циклов, при этом отмечена и межотраслевая специфика, что было подтверждено фактами по экосистемам из российской практики бизнеса. Вторичный анализ эмпирических данных о причинах неудач в построении и функционировании экосистем показал, что самыми часто встречающимися причинами являются неправильный выбор методов

управления (34%), неправильная конфигурация экосистемы (18%) и некачественная реализация и сопровождение (15%).

Несмотря на все преимущества экосистемного подхода, отмечаются также риски, и потенциальные негативные последствия, связанные с технологической зависимостью, информационной безопасностью и регуляторными ограничениями, что особенно важно при проектировании экосистемных решений для крупных компаний с государственным участием с ориентацией на достижение технологического лидерства.

Литература

1. Дмитриев А. В. Экономическая безопасность цифровых экосистемных решений в логистике // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 23–29. – <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2024-1-23-29>. – EDN: YLXXZL.
2. Колмыкова Т. С., Ковалёв П. П. Экосистемы как глобальный тренд цифровизации экономического пространства // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 5 (118). – С. 123–128. – <https://doi.org/10.24158/per.2023.5.17>. – EDN: HAUIXS.
3. Кулапов М. Н., Переверзева Е. И., Кириллова О. Ю. Бизнес-экосистемы: определения, типологии, практики развития // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 1597–1612. – <https://doi.org/10.18334/vinec.12.3.115234>. – EDN: RLKOFЕ.
4. Лapidус Л. В. Онтогенез цифровой экономики и экономики данных: концепция «интеллектуальная гиперсвязанность в Индустрии X.0» // Российский журнал менеджмента. – 2024. – Т. 22, № 3. – С. 370–400. – <https://doi.org/10.21638/spbu18.2024.302>. – EDN: OYGMHT.
5. Лapidус Л. В. Роль технологических инноваций в развитии бизнеса и цифровой трансформации в странах евразийского экономического союза // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № 95. – С. 223–239. – <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-95-223-239>. – EDN: AXIYRA.
6. Лapidус Л. В. Синергетические эффекты как результат реализации Data Strategy и стратегии цифровой трансформации // Экономика железных дорог. – 2022. – № 11. – С. 26–39. – EDN: XMDHWJ.
7. Лapidус Л. В., Гостилович А. О. Признаки лидерства бизнеса ЕАЭС с ориентацией на построение цифровых экосистем // Экономика и управление. – 2022. – Т. 28, № 12. – С. 1231–1241. – <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-12-1231-1241>. – EDN: ZXOKUS.
8. Лебедева Д. В., Бондарчук Н. В., Зироян М. А. Особенности управления цифровыми экосистемами на этапах их жизненного цикла // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2024. – Т. 32, № 2. – С. 324–336. – <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-2-324-336>. – EDN: ICNMDC.
9. Понкратов-Вайсман Б. Д. Эволюция материально-технического обеспечения в контексте цифровой трансформации: общие и профильный барьеры // Экономика и управление. – 2024. – Т. 30, № 3. – С. 383–393. – <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-3-383-393>. – EDN: QBTKLP.
10. Рынок connected cars: текущее состояние и основные перспективы развития / А. А. Розов [и др.] // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 6-1. – С. 90–95. – EDN: TCZYUX.
11. Autio E., Thomas L. D. W. (2019) Value co creation in ecosystems: Insights and research promise from three disciplinary perspectives. *Handbook of Digital Innovation* – Cheltenham: Edward Elgar Publishing. – <https://doi.org/10.4337/9781788119986.00017> (In Eng.).
12. Barile S., et al. (2020) Technology, value co creation and innovation in service ecosystems: Toward sustainable co innovation. *Sustainability*. – Vol. 12, No. 7. – p. 2759. – <https://doi.org/10.3390/su12072759>. (In Eng.).
13. Blut M., et al. (2023) Effectiveness of engagement initiatives across engagement platforms: A meta-analysis. *Journal of the Academy of Marketing Science*. – Vol. 51. – pp. 941–965. – <https://doi.org/10.1007/s11747-023-00925-7>. (In Eng.).
14. C. de Castro, McShea D. W. (2022) Applying the Prigogine view of dissipative systems to the major transitions in evolution. *Paleobiology*. – Vol. 48. – No. 4. – pp. 711–728. – <https://doi.org/10.1017/pab.2022.7>. (In Eng.).
15. Chekfoung T., Sunil D., Binita G. (2020) Conceptualising capabilities and value co creation in a digital business ecosystem (DBE): a systematic literature review. *Journal of Information Systems Engineering and*

Management. – Vol. 5. – No. 1. – 12 p. – <https://doi.org/10.29333/jisem/7826>. (In Eng.).

16. Eisenhardt K. M., Hannah D. P. (2018) How firms navigate cooperation and competition in nascent ecosystems. *Strategic Management Journal*. – Vol. 39. – No. 12, pp. 3163–3192. – <https://doi.org/10.1002/smj.2750>. (In Eng.).

17. Gawer A., Cusumano M. A. (2013) Industry platforms and ecosystem innovation. *Journal of Product Innovation Management*. – Vol. 31. – No. 3, pp. 417–433. – <http://dx.doi.org/10.1111/jpim.12105>. (In Eng.).

18. Hau L. Lee, V. Padmanabhan, S. Whang (2004) Information Distortion in a Supply Chain: The Bullwhip Effect. *Management Science*. – Vol. 50. – No. 12, pp. 1763–1893. – <https://doi.org/10.1287/mnsc.1040.0266>. (In Eng.).

19. J. Agbelusi, T. Anafeh Ashi, S. Ossi Chukwunweike (2024) Breaking down silos: enhancing supply chain efficiency through ERP integration and automation. *International Research Journal of Modernization in Engineering Technology and Science*. – Vol. 6. No. 9. – <https://www.doi.org/10.56726/IRJMETS61691>. (In Eng.).

20. Katz M. L., Shapiro C. (1985) Network externalities, competition, and compatibility. *American Economic Review*. – Vol. 75. – No. 3, pp. 424–440. (In Eng.).

21. Khademi B. (2020) Ecosystem value creation and capture: A systematic review of literature and potential research opportunities. *Technology Innovation Management Review*. – Vol. 10. – No. 1, pp. 16–34. – <http://doi.org/10.22215/timreview/1311>. (In Eng.).

22. Kobylko A. (2020) Telecommunication ecosystems: Special features of management and interaction. *Upravlenets*. – Vol. 11. – No. 1, pp. 15–23. (In Eng.).

23. Krasnyuk I., Kolgan M., Medvedeva Y. (2021) Development of an Ecosystem Approach and Organization of Logistics Infrastructure. *Transportation Research Procedia*. – Vol. 54, pp. 111–122. – <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2021.02.054>. (In Eng.).

24. Legenvre H., Hameri A. P., Golini R. (2022) Ecosystems and supply chains: How do they differ and relate. *Digital Business*. – Vol. 2. – No. 5, p. 100029. – <https://doi.org/10.1016/j.digbus.2022.100029>. (In Eng.).

25. Moore J. F. (1999) Predators and Prey: A New Ecology of Competition. *Harvard Business Review*. – Vol. 71. – No. 3, pp. 75–86. (In Eng.).

26. R. H. Da Silva, Kaminski P., Marin R. (2021) Innovation ecosystems in the automotive industry between opportunities and limitations. *Foresight- Russia*. – Vol. 15. – No. 3, pp. 66–80. – <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.3.66.80>. (In Eng.).

27. Reeves M., et al. (2019) How Business Ecosystems Rise (and Often Fall). MIT Sloan Management Review. – URL: <https://sloanreview.mit.edu/article/how-business-ecosystems-rise-and-often-fall/> (accessed: 21.04.2025).

28. Rothschild M. L. (1992) Bionomics: Economy as Ecosystem. – New York: Henry Holt, 423 p.

29. Tansley A. G. (1935) The use and abuse of vegetational concepts and terms. *Ecology*. – Vol. 16, pp. 284–307.

30. Yücesan E. (2025) Does deglobalization imply the end of global supply chains? *International Business Review*. – p. 102398. – <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2025.102398>. (In Eng.).

References

1. Dmitriev, A. V. (2024) [Economic security of digital ecosystem solutions in logistics]. *Strategicheskkiye resheniya i risk menedzhment* [Strategic solutions and risk management]. Vol. 15, No. 1, pp. 23–29. – <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2024-1-23-29>. (In Russ.).

2. Kolmykova, T. S., Kovalev, P. P. (2023) [Ecosystems as a global trend in the digitalization of economic space]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law]. Vol. 5 (118), pp. 123–128. – <https://doi.org/10.24158/pep.2023.5.17>. (In Russ.).

3. Kulapov, M. N., Pereverzeva, E. I., Kirillova, O. Yu. (2022) [Business ecosystems: definitions, typologies, development practices]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki* [Issues of innovation economics]. Vol. 12, No. 3, pp. 1597–1612. – <https://doi.org/10.18334/vinec.12.3.115234>. (In Russ.).

4. Lapidus, L. V. (2024) [Ontogenesis of the digital economy and the data economy: the concept of «intellectual hyperconnectivity in Industry X.0»]. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta* [Russian Journal of Management]. Vol. 22, No. 3, pp. 370–400. – <https://doi.org/10.21638/spbu18.2024.302>. (In Russ.).

5. Lapidus, L. V. (2022) [The Role of Technological Innovations in Business Development and Digital Transformation in the Countries of the Eurasian Economic Union]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [Public Administration. Electronic Bulletin]. Vol. 95, pp. 223–239. – <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-95-223-239>. (In Russ.).

6. Lapidus, L. V. (2022) [Synergistic Effects as a Result of the Implementation of Data Strategy and Digital Transformation Strategy]. *Ekonomika zheleznikh dorog* [Railway Economy]. Vol. 11, pp. 26–39. (In Russ.).

7. Lapidus, L. V., Gostilovich, A. O. (2022) [Signs of Business Leadership in the EAEU with a Focus on Building Digital Ecosystems]. *Ekonomika i upravleniye* [Economy and Management]. Vol. 28, No. 12, pp. 1231–1241. – <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-12-1231-1241>. (In Russ.).
8. Lebedeva, D. V., Bondarchuk, N. V., Ziroyan, M. A. (2024) [Features of digital ecosystem management at the stages of their life cycle]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics]. Vol. 32, No. 2, pp. 324–336. – <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-2-324-336>. (In Russ.).
9. Ponkratov-Vaysman, B. D. (2024) [Evolution of material and technical support in the context of digital transformation: general and specialized barriers]. *Ekonomika i upravleniye* [Economy and Management]. Vol. 30, No. 3, pp. 383–393. – <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-3-383-393>. (In Russ.).
10. Rozov, A. A. (2021) [Connected cars market: current state and main development prospects]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. Vol. 6–1, pp. 90–95. (In Russ.).
11. Autio, E., Thomas, L. D. W. (2019) Value co creation in ecosystems: Insights and research promise from three disciplinary perspectives. *Handbook of Digital Innovation* – Cheltenham: Edward Elgar Publishing. – <https://doi.org/10.4337/9781788119986.00017>. (In Eng.).
12. Barile, S., et al. (2020) Technology, value co creation and innovation in service ecosystems: Toward sustainable co innovation. *Sustainability*. Vol. 12, No. 7, pp. 2759. – <https://doi.org/10.3390/su12072759>. (In Eng.).
13. Blut, M., et al. (2023) Effectiveness of engagement initiatives across engagement platforms: A meta analysis. *Journal of the Academy of Marketing Science*. Vol. 51, pp. 941–965. – <https://doi.org/10.1007/s11747-023-00925-7>. (In Eng.).
14. C. de Castro, McShea, D. W. (2022) Applying the Prigogine view of dissipative systems to the major transitions in evolution. *Paleobiology*. Vol. 48. No. 4, pp. 711–728. – <https://doi.org/10.1017/pab.2022.7>. (In Eng.).
15. Chekfoung, T., Sunil, D., Binita, G. (2020) Conceptualising capabilities and value co creation in a digital business ecosystem (DBE): a systematic literature review. *Journal of Information Systems Engineering and Management*. Vol. 5. No. 1. 12 p. – <https://doi.org/10.29333/jisem/7826>. (In Eng.).
16. Eisenhardt, K. M., Hannah, D. P. (2018) How firms navigate cooperation and competition in nascent ecosystems. *Strategic Management Journal*. Vol. 39. No. 12, pp. 3163–3192. – <https://doi.org/10.1002/smj.2750>. (In Eng.).
17. Gawer, A., Cusumano, M. A. (2013) Industry platforms and ecosystem innovation. *Journal of Product Innovation Management*. Vol. 31. No. 3, pp. 417–433. – <http://dx.doi.org/10.1111/jpim.12105>. (In Eng.).
18. Hau, L. Lee, V. Padmanabhan, S. Whang, (2004) Information Distortion in a Supply Chain: The Bullwhip Effect. *Management Science*. Vol. 50. No. 12, pp. 1763–1893. – <https://doi.org/10.1287/mnsc.1040.0266>. (In Eng.).
19. J. Agbelusi, T. Anafeh, Ashi, S. Ossi, Chukwunweike (2024) Breaking down silos: enhancing supply chain efficiency through ERP integration and automation. *International Research Journal of Modernization in Engineering Technology and Science*. Vol. 6. No. 9. – <https://www.doi.org/10.56726/IRJMETS61691>. (In Eng.).
20. Katz, M. L., Shapiro, C. (1985) Network externalities, competition, and compatibility. *American Economic Review*. – Vol. 75. – No. 3, pp. 424–440. (In Eng.).
21. Khademi, B. (2020) Ecosystem value creation and capture: A systematic review of literature and potential research opportunities. *Technology Innovation Management Review*. Vol. 10. No. 1, pp. 16–34. – <http://doi.org/10.22215/timreview/1311>. (In Eng.).
22. Kobylko, A. (2020) Telecommunication ecosystems: Special features of management and interaction. *Upravlenets*. Vol. 11. No. 1, pp. 15–23. (In Eng.).
23. Krasnyuk, I., Kolgan, M., Medvedeva, Y. (2021) Development of an Ecosystem Approach and Organization of Logistics Infrastructure. *Transportation Research Procedia*. Vol. 54, pp. 111–122. – <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2021.02.054>. (In Eng.).
24. Legenvre, H., Hameri, A. P., Golini, R. (2022) Ecosystems and supply chains: How do they differ and relate. *Digital Business*. Vol. 2. No. 5, pp. 100029. – <https://doi.org/10.1016/j.digbus.2022.100029>. (In Eng.).
25. Moore, J. F. (1999) Predators and Prey: A New Ecology of Competition. *Harvard Business Review*. Vol. 71. No. 3, pp. 75–86. (In Eng.).
26. R. H. Da Silva, Kaminski, P., Marin, R. (2021) Innovation ecosystems in the automotive industry between opportunities and limitations. *Foresight- Russia*. Vol. 15. No. 3, pp. 66–80. – <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.3.66.80>. (In Eng.).
27. Reeves, M., et al. (2019) How Business Ecosystems Rise (and Often Fall). *MIT Sloan Management Review*.

Available at: <https://sloanreview.mit.edu/article/how-business-ecosystems-rise-and-often-fall/> (accessed: 21.04.2025).

28. Rothschild, M. L. (1992) *Bionomics: Economy as Ecosystem*. New York: Henry Holt, 423 p.

29. Tansley, A. G. (1935) The use and abuse of vegetational concepts and terms. *Ecology*. Vol. 16, pp. 284–307.

30. Yücesan, E. (2025) Does deglobalization imply the end of global supply chains? *International Business Review*, pp. 102398. – <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2025.102398>. (In Eng.).

Информация об авторах:

Лариса Владимировна Липидус, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики инноваций, руководитель лаборатории прикладного отраслевого анализа, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID iD: 0000-0002-9099-6707, **ResearcherID:** AAZ-8362-2020, **Scopus Author ID:** 56346948300

e-mail: infodilemma@yandex.ru

Борис Денисович Понкратов-Вайсман, аспирант, научная специальность 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID iD: 0009-0003-5131-9775

e-mail: jukeal@ya.ru

Вклад соавторов:

Липидус Л. В. – 50%;

Понкратов-Вайсман Б. Д. – 50%.

Статья поступила в редакцию: 06.05.2025; принята в печать: 01.07.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Larisa Vladimirovna Lapidus, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics of Innovation, Head of the Laboratory for Applied Industry Analysis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID iD: 0000-0002-9099-6707, **ResearcherID:** AAZ-8362-2020, **Scopus Author ID:** 56346948300

e-mail: infodilemma@yandex.ru

Boris Denisovich Ponkratov-Vaysman, postgraduate student, scientific specialty 5.2.3. Regional and Sectoral Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID iD: 0009-0003-5131-9775

e-mail: jukeal@ya.ru

Contribution of the authors:

Lapidus L. V. – 50%;

Ponkratov-Vaysman B.D. – 50%.

The paper was submitted: 06.05.2025.

Accepted for publication: 01.07.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА СЕРВИСА

А. И. Лесников¹, Е. А. Поподько², А. А. Поподько³

Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

¹ e-mail: aps_rb@mail.ru

² e-mail: yekaterina.popodko@inbox.ru

³ email: popodkonastya@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования оценки и управления качеством услуг в сфере туризма и гостеприимства, где уровень сервиса определяет конкурентоспособность предприятий. Существующие системы оценки и контроля качества не успевают за изменениями потребительских предпочтений и социокультурными трансформациями. Это требует разработки эффективной организационной системы менеджмента качества сервиса, учитывающей сложившиеся современные социально-экономические условия. Исследования, положенные в основу разработки методики, являются базовым ориентиром для построения эффективной организационной системы менеджмента качества сервиса в социально-культурном сервисе на предприятиях сферы туризма и гостеприимства. Цель исследования заключается в разработке методики оценки организационной системы менеджмента качества сервиса (МКС) на основе двенадцатифакторной модели качества сервиса. Методы и материалы: при разработке методики оценки качества сервиса (МКС) использовался информационно-аналитический метод. Этот подход позволяет комплексно и эффективно анализировать качество сервисных процессов, объединяя данные из различных источников и обеспечивая глубокое понимание потребительского поведения. Результаты исследования: при помощи разработанной методики оценки качества сервиса (МКС), был проведен анализ качества сервиса санаторно-курортного предприятия «N». В результатах исследования отмечено, что организационная система менеджмента качества сервиса представляет собой невидимую для потребителя систему взаимодействий всех сервисных процессов на предприятии, ориентированных на позитивное потребительское восприятие и ожидание. Методика способствует формированию корпоративных стандартов качества сервиса, которые являются неотъемлемой частью позитивного имиджа предприятия. Научная новизна исследования заключается в том, что на основе двенадцатифакторной модели качества сервиса была разработана методика оценки организационной системы менеджмента качества сервиса (МКС), которая является эффективным инструментом, созданным для мониторинга и сервисного аудита действенности и результативности организационной системы менеджмента качества на предприятии. Практическое значение исследования состоит в том, что предложенная методика позволит быстро выявлять проблемы качества сервиса и адаптироваться к изменяющимся требованиям потребителей, включая внедрение новых технологий, а также поддерживать высокий уровень ценностных ориентиров, отраженных в корпоративных стандартах качества сервиса. Результаты данного исследования могут служить основой для дальнейших научных изысканий, направленных на формирование эффективной организационной системы менеджмента качества сервиса в индустрии туризма и гостеприимства.

Ключевые слова: качество сервиса, показатели качества, методика оценки качества, оценка, критерии оценки, сервисная деятельность, курортный сервис, туризм, гостиничная деятельность, показатели оценки.

Для цитирования: Лесников А. И., Поподько Е. А., Поподько А. А. Методика оценки организационной системы менеджмента качества сервиса // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 4. – С. 67–79. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-67>.

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE ORGANIZATIONAL SYSTEM OF SERVICE QUALITY MANAGEMENT

A. I. Lesnikov¹, E. A. Popodko², A. A. Popodko³

Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia

¹e-mail: aps_rb@mail.ru

²e-mail: yekaterina.popodko@inbox.ru

³e-mail: popodkonastya@gmail.com

Abstract. The relevance of the study is due to the need to improve the assessment and management of the quality of services in the field of tourism and hospitality, where the level of service determines the competitiveness of enterprises. Existing quality assessment and control systems are not keeping pace with changes in consumer preferences and socio-cultural transformations. This requires the development of an effective organizational service quality management system that takes into account current socio-economic conditions. The research that forms the basis for the development of the methodology is a basic guideline for building an effective organizational system of service quality management in socio-cultural services at enterprises in the field of tourism and hospitality. The purpose of the study is to develop a methodology for evaluating the organizational quality management system of the service based on the twelve-factor model of service quality. Methods and materials: when developing the methodology for assessing service quality management (SQM), the information and analytical method was used. This approach allows for a comprehensive and effective analysis of the quality of service processes, combining data from various sources and providing a deep understanding of consumer behavior. Research results: using the developed methodology for assessing service quality management (SQM), an analysis of the quality of service of the sanatorium-resort enterprise «N» was carried out. The results of the study noted that the organizational service quality management system is a system of interactions of all service processes in the enterprise, invisible to the consumer, focused on positive consumer perception and expectations. The methodology contributes to the formation of corporate standards of service quality, which are an integral part of the positive image of the company. The scientific novelty of the research lies in the fact that, based on the twelve-factor service quality model, a methodology for evaluating the organizational service quality management (SQM) was developed, which is an effective tool created for monitoring and service audit of the effectiveness and efficiency of the organizational quality management system at the enterprise. The practical significance of the research lies in the fact that the proposed methodology will make it possible to quickly identify service quality problems and adapt to changing consumer requirements, including the introduction of new technologies, as well as maintain a high level of value orientations reflected in corporate service quality standards. The results of this study can serve as a basis for further scientific research aimed at forming an effective organizational system of service quality management in the tourism and hospitality industry.

Key words: service quality, quality indicators, quality assessment methodology, grade, evaluation criterion, service activities, service, tourism, hotel activities, assessment indicators.

Cite as: Lesnikov, A. I., Popodko, E. A., Popodko, A. A. (2025) [Methodology for assessing the organizational system of service quality management]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 67–79. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-67>.

Введение

В условиях современной социокультурной ситуации в сфере туризма и гостиничного сервиса качество сервиса стало ключевым фактором, определяющим успех предприятия или бренда. Позиция конкурентоспособности зависит от двух основных факторов – ценовой политики и качества сервисных процессов на предприятии. Эффективность труда и экономия ресурсов отходят на второй план по сравнению с качеством товаров и услуг [8]. Качество определяется как

набор уникальных свойств объекта (будь то процессы, товары, организации, системы или их сочетания), определяющих соответствие предъявляемым и предполагаемым требованиям [1]. Поддержание высокого уровня качества способствует росту потребительской привязанности, увеличению рыночной доли, увеличению прибыли, сокращению затрат и формированию конкурентных преимуществ. Качество является важнейшей концепцией во всех организационных системах менеджмента качества. Организационная система

менеджмента качества сервиса представляет собой невидимую для потребителя систему взаимодействий всех сервисных процессов на предприятии, ориентированных на позитивное потребительское восприятие и ожидание. Методика способствует формированию корпоративных стандартов качества сервиса, которые являются неотъемлемой частью позитивного имиджа предприятия. Требования к качеству формируются как объективными, так и субъективными факторами. К объективным факторам относятся обязательные критерии, изложенные в стандартах, правилах, контрактах и соглашениях. Субъективные же состоят из ожиданий потребителей, на которые влияют личный опыт и различные внешние факторы. Если качество сервиса соответствует или превосходит ожидаемый уровень, то индекс удовлетворенности потребителя остаётся в пределах нормы.

Система контроля качества сервиса играет ключевую роль, действуя как центральный элемент, который связывает все аспекты качества. В условиях высокой рыночной конкуренции в современной санаторно-курортной отрасли, где репутация и рентабельность напрямую зависят от качества услуг, предприятиям следует уделять первостепенное внимание обеспечению высоких стандартов качества сервиса, что является ключевым фактором удержания потребителей [5]. Качеством должны заниматься все – от директора предприятия до конкретного исполнителя. Все организационные процессы по обеспечению, проектированию, сохранению качества должны быть объединены в систему оценки качества сервиса [9]. Применяя систему оценки качества сервиса, предприятия могут повысить уровень удовлетворенности потребителей, увеличить ценность своего бренда и быть готовыми к будущим возможным событиям и вызовам.

В большинстве сервисных предприятий организационная структура не предусматривает специализированного подразделения, которое отвечало бы за качество, осуществляло контроль, анализ и аудит, проверяло соответствие стандартам обслуживания [14]. В результате, предприятия в области гостеприимства вынуждены опираться на устоявшиеся методы управления качеством, которые, хотя и являются предсказуемыми, зачастую ограничивают адаптацию к динамичным требованиям рынка [4]. Однако главным препятствием, мешающим предприятиям внедрять систему оценки качества сервиса, является отсутствие единой методики для оценки эффективности сервисных процессов. Таким образом, существует необходимость в создании универсальной и эффективной методики оценки организационной системы менеджмента качества сервиса (МКС) предприятия.

Цель исследования заключается в разработке методики оценки организационной системы менеджмента качества сервиса (МКС), которая позволит проводить адекватную и объективную оценку качества сервисных процессов на примере конкретного предприятия. Методика устанавливает нормативные значения по качественным показателям параметров оценки, позволяет сравнить их с фактическими показателями деятельности конкретного предприятия, определить уровень успешности менеджмента качества сервиса и выявить проблемные аспекты в поведении потребителей.

Обзор и анализ литературы

В современных научных исследованиях, как в России, так и за рубежом, проблема оценки качества сервиса, поиск эффективных методик и инструментов качества является очень важной задачей для всего профессионального сообщества, в частности исследователей в сфере маркетинга гостеприимства. В научных изданиях представлено множество научных исследований, как отечественных, так и зарубежных авторов, внесших вклад в развитие методологии оценки качества сервисных процессов, что позволяет лучше понять их роль в формировании современных подходов к управлению организационной системой качества сервиса.

Т. А. Филатова [12] и Н. В. Фадеева [11] посвятили свои исследования разработке методологических основ. В частности, Т. А. Филатова сосредоточила свои усилия на формировании критериев оценки качества услуг в сфере сервиса, акцентируя внимание на квалитетических методах, которые помогают измерять качество в контексте взаимодействия клиентов и исполнителей. Н. В. Фадеева занималась изучением методологии оценки качества услуг, в том числе анализируя модели расхождения качества и методику SERVQUAL. Анализ методов оценки качества предоставляемых услуг сервисных предприятий осуществляют в своих исследованиях такие авторы, как Т. Н. Прокопец, С. Н. Комарова, В. А. Логвинова [10]. Исследованиям в области управления качеством услуг, а также разработке рекомендаций по совершенствованию систем менеджмента качества посвящены труды А. Б. Черноморец и В. С. Кудряшова [13].

А. Парасураман, В. А. Зейтамль, Л. Л. Берри, К. Гронроз, Дж. Кронин и С. Тейлор занимались разработкой методов и моделей оценки качества. В. Зейтхамл (Valarie A. Zeithaml), А. Парасураман (A. Parasuraman) и Л. Берри (Leonard L. Berry) [19] создали известную модель SERVQUAL – пятикомпонентную систему, ставшую стандартом в научных и учебных работах по управлению услугами и маркетингу [3]. К. Гронроз [17] предложил модель

качества услуг, которая делит качество на техническое (результат услуги) и функциональное (процесс оказания услуги). Его методы стали основой для многих современных подходов к оценке качества услуг. Дж. Кронин и С. Тейлор [15] разработали методику SERVPERF, которая упрощает процесс оценки и широко применяется в исследованиях качества услуг. Вопросы управления качеством услуг также рассматриваются в работах У. Деминга [16]. Деминг знаменит своими исследованиями в области всеобъемлющего управления качеством (TQM). Его методы управления качеством были адаптированы для сектора услуг, что способствовало разработке стандартов ИСО 9001 и их внедрению на предприятиях сервиса.

Несмотря на наличие значительного объема научных исследований, анализ существующих работ показывает, что на сегодняшний день не существует универсальных стандартов, методов и инструментов для объективной оценки качества сервиса в гостиничном и туристическом секторах экономики.

Методы оценки качества сервиса

Выбор метода оценки качества сервисных услуг – это поиск баланса между точностью, объективностью и практичностью. Он должен основываться на специфике предприятия, уровне его конкуренции и характеристиках целевой аудитории, что позволяет максимально эффективно выявлять слабые места и повышать качество сервиса. Традиционные методы, такие как SERVQUAL и SERVPERF, уже много лет используются для анализа качества. SERVQUAL акцентирует внимание на различии между ожиданиями клиентов и фактическим уровнем предоставляемых услуг, оценивая надежность, отзывчивость и другие важные параметры [18]. Тем не менее, его результаты часто зависят от формулировок вопросов и личных мнений опрошенных. SERVPERF, название образовано от сокращений слов SERV (сервис) и PERF (эффективность), что можно интерпретировать как «оказание услуг» [7], упрощая процесс, анализирует только восприятие услуг, но теряет глубину анализа, игнорируя исходные ожидания потребителей. Специализированные методы, такие как «Тайный покупатель», предоставляют объективную информацию, моделируя клиентский опыт, но нуждаются в значительных затратах ресурсов. QUALITOMETRO снижает субъективность за счет сравнения ожиданий и впечатлений потребителей в динамике, однако его реализация усложняется необходимостью работы с фокус-группами. Метод

критических случаев эффективно выявляет слабые места через анализ конфликтных ситуаций, но малоприменим в корпоративных структурах с формализованными процессами.

В контексте настоящего исследования, посвященного анализу влияния факторов качества сервиса на поведение потребителей в различных сегментах туристической и гостиничной индустрии, был выбран информационно-аналитический метод. В отличие от традиционных подходов, которые ориентируются на статические показатели, этот метод дает возможность отслеживать динамические изменения в реальном времени. Вместо обычных опросов и непрямых наблюдений он обеспечивает мультиплатформенный анализ данных, комбинируя цифровые среды пользовательской активности, структурированные метрики операционной эффективности, контекстуальные паттерны медийного освещения, когнитивные профили целевой аудитории. Таким образом, информационно-аналитический метод предоставляет более полное и актуальное понимание паттернов потребительского поведения, способствует оптимизации сервисных процессов и стратегическому планированию.

Апробация методики оценки организационной системы менеджмента качества сервиса в условиях санаторно-курортного предприятия

Санаторно-курортная система Башкортостана, включающая около 200 учреждений (31 санаторий, 170 объектов туристско-рекреационного профиля), ежегодно обслуживает до 250 тысяч человек и играет ключевую роль в развитии регионального оздоровительного туризма. Её учреждения, специализирующиеся на лечении широкого спектра заболеваний, сочетают природные ресурсы республики с современными медицинскими технологиями, что обеспечивает привлекательность как для российских, так и для иностранных туристов, способствуя не только оздоровлению населения, но и формированию устойчивого туристского кластера, генерирующего значительные доходы для региона [2]. Согласно данным федерального портала «Санатории-России.рф», в 2025 году республика вошла в ТОП-10 наиболее привлекательных регионов России для санаторно-курортного отдыха¹. Такой успех обусловлен уникальными природными ресурсами, включая лечебные грязи и традиционное кумысолечение, наличием термальных источников, а также богатым историческим и культурным наследием. В рамках апробации методики организацион-

¹ Санатории Башкортостана вошли в ТОП-10 популярных санаториев 2025 года // Правительство Республики Башкортостан. – URL: <https://pravitelstvorb.ru/news/25882/> (дата обращения: 02.02.2025).

ной системы менеджмента качества сервиса был выбран санаторно-курортный комплекс «N». Санаторий специализируется на лечении заболеваний дыхательной, пищеварительной и нервной систем. Его отличительной чертой является кумысотерапия, которая включает использование ферментированного кобыльего молока, известного своей пользой для здоровья.

Апробация методики (МКС) проводилась в условиях обозначенного санатория по двенадцати факторам качества сервиса, таким как: конфликтность, позиционирование, инновации, прогнозирование, инструменты качества, осязаемость услуг, осознанность сервисного процесса, ценности, компенсаторность, дивергентность, сервисность, атмосфера [6].

Представленная методика (МКС) в первую очередь направлена на выделение основных организационных процессов менеджмента качества сервиса, которые находятся под контролем (фиксируются) линейным менеджментом предприятия и оказывают влияние на качество оказываемых услуг.

Показатели качества сервиса – это метрики, которые помогают предприятию измерять качество сервиса, определять отдельные аспекты сервисного процесса, нуждающиеся в совершенствовании, и какие меры необходимо принять, чтобы повысить индекс удовлетворённости потребителей.

Факторы качества не являются независимыми друг от друга, они взаимосвязаны для построения эффективной системы менеджмента качества, обеспечивают пространство для постоянного развития. При определении факторов качества сервиса, позволяющих оценить и определить показатели качества сервиса, мы использовали двенадцатифакторную модель качества сервиса, разработанную А. И. Лесниковым, А. А. Поподько и Е. А. Поподько в таблице 1 [6].

Следует подчеркнуть, что представленная модель не является окончательным решением, поэтому предприятие может определить дополнительные факторы качества сервиса, которые можно использовать в мониторинге организационно-сервисной системы предприятия. Ключевой позицией является выбор таких факторов качества сервиса, которые обеспечат наиболее полный охват не только организационной системы менеджмента качества сервиса, но и системы управления качеством в целом на предприятии.

Принцип исследования потребительского поведения состоит в организации мониторинга с использованием информационно-аналитического метода на основе выборки комментариев потребителей в социальных сетях, оставленные жалобы во время пребывания, а также проведение интервью с отдыхающими и сотрудниками предприятия «N».

Таблица 1. Оценочная матрица менеджмента качества сервиса. Ч1. Мониторинг потребительского поведения в санаторно-курортном комплексе «N»

Факторы качества сервиса	Индекс удовлетворенности														
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
1. Конфликтность	Персонал очень вежливый.					Отдыхающие раздражительные, надо что-то с этим делать!?									
2. Позиционирование	Большой выбор дополнительных услуг.					Цена на услуги увеличилась, а качество услуг на прежнем уровне.									
3. Инновации	Современные методики лечения присутствуют. Технология питания на современном уровне.					Все как в СССР, ничего нового.									
4. Прогнозирование	Проходили реабилитацию после операции. Подобрали индивидуально лечебные процедуры.					Не предоставляют полную информацию о возможных побочных эффектах лечения.									
5. Инструменты качества	Питание высокого качества.					Неухоженная территория, сломаны скамейки.									
6. Осязаемость услуг	Очень хорошее, качественное постельное белье.					Плохая уборка номеров, слабое освещение общ. зон.									
7. Осознанность сервисного процесса	Есть желание совершенствоваться.					Не говорят о доступных дополнительных услугах, о них можно узнать только случайно или у других отдыхающих.					Организация сервиса не продумана, отстранённость от проблем отдыхающих.				

Продолжение таблицы 1

Факторы качества сервиса	Индекс удовлетворенности														
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
8. Ценности	Всё отношение строится на старых, добрых традициях. Послеоперационное обслуживание – хорошее предложение.					Очереди на лечение, приходилось отменять процедуры. Персонал без желания идёт на работу.									
9. Компенсаторность	Персонал старается объяснить, поддержать.					Ни разу не принесли извинения, больные все нервные, и персонал не лучше. Обвинили в краже полотенца, потом даже не извинились.					Вместо двухкомнатного номера дали однокомнатный. С трудом удалось выбить положенный номер. Номера не соответствуют заявленному качеству высшей категории.				
10. Дивергентность	Удалось попасть на творческий концерт коллектива санатория. Очень разнообразная развлекательная программа, катание на лошадях, концерты.					Плохо организован досуг для детей. 21 день пребывания здесь очень утомителен, можно было предусмотреть программу отдыха.									
11. Сервильность	Лечебные процедуры подбирали индивидуально. Иногда проявляют учтивость, всё зависит от людей.					Для проживающих в номерах люкс, нет индивидуального подхода.									
12. Атмосферика	Вокруг природа неопишеская. Тихо, спокойно. Большая территория для прогулок.					Очень шумно, постоянно велись ремонтные работы. Очень темно, страшно гулять с детьми.					Плохая шумоизоляция номеров, все разговоры соседей слышны.				

Показатели индекса удовлетворенности

Зеленый индикатор – положительная динамика отзывов, значение – 5, говорит о том, что индекс удовлетворенности потребителей выше 40%

Желтый индикатор – отрицательный индекс удовлетворенности превышает критическую массу, значение – 4, выше 30%

Красный индикатор – низкий показатель, говорит о системных недовольствах в поведении потребителей, значение – 3, выше 20%

Выборка составляет 150 отзывов. 1 индекс = 10% отзывов. Цветовой индикатор указывает среднестатистический показатель по всем 12 факторам качества сервиса. Грань между индексами удовлетворенностью определяется процентным соотношением, следовательно, вновь поступающие отзывы могут повлиять на текущий результат.

Источник: разработано авторами

Алгоритм использования методики МКС в части мониторинга потребительского поведения, состоит в следующем:

1. Дифференцировать все отзывы, оценки потребителей на двенадцать факторов качества сервиса с акцентуацией недовольства в том числе положительные оценки в соответствующую ячейку матрицы таблицы 1.

2. Определить процентное соотношение по каждому фактору и установить индекс удовлетворенности на текущий период в таблице 1.

ности на текущий период в таблице 1.

3. Представленная матрица интерактивна, специалист отдела маркетинга ведёт системный мониторинг потребительского поведения и их реакций и акцентуаций, что отражается на периодически меняющийся индекс удовлетворенности.

4. Отобразить динамику результатов на рисунке 1. Оценочной матрице менеджмента качества сервиса. Ч2. Результаты оценки организационной системы предприятия.

5. Рефлексировать тревожные сигналы и вырабатывать управленческие решения по поиску путей решения возникшей проблемы в команде со специалистами разных профилей предприятия.

6. Системные проблемы нужно дополнительно исследовать с помощью производственного аудита, определить затраты на исправление и внести в график модернизации материально-технической базы.

Каждый комментарий, жест, мимика и отзыв потребителя – нужно расценивать как важную часть его опыта. Даже небольшие отклики складываются в ясную картину того, что действительно ценят потребители и какие аспекты сервиса требуют улучшения. Некоторые маркетинговые службы предприятий гостеприимства собирают обширную обратную связь, но часто упускают из виду важные нюансы, которые могут открыть новые возможности для повышения качества сервиса.

Проводить мониторинг и анализ отзывов – ключевая компетенция, способствующая укреплению отношений с потребителями и совершенствованию качества сервиса. Используемые проверенные методы и систематические подходы способны выявлять значимые закономерности и разрабатывать целенаправленные улучшения, которые имеют значение для потребителей. Таким образом, каждый отзыв становится ценным инструментом повышения уровня сервиса. В основу мониторинга потребительского поведения положены базовые профессиональные принципы сбора и обобщения информации, а именно:

принцип обратной связи – ключ к улучшению качества сервиса. Сотрудники, умеющие замечать и отслеживать разнообразные каналы обратной связи, осознают уровень удовлетворенности лучше, чем те, кто ориентируется лишь на официальные отзывы. Важнейшими аспектами являются два момента: устная обратная связь и менее заметные невербальные реакции.

Принцип вербальной обратной связи: разнообразие форматов. Потребители делятся своими мнениями по-разному: от лаконичных замечаний на месте до глубоких аналитических разборов в социальных сетях или обстоятельных бесед при выезде. Эти отзывы – будь то по телефону, электронной почте или в интернете – создают полное представление о впечатлениях, позволяя определить, как положительные, так и отрицательные стороны обслуживания.

Принцип невербальных сигналов (подтекстные прочтения). Потребители нередко показывают свои предпочтения без слов. Незаметные решения, такие как смена предпочтений в выборе номера или изменение маршрута до нужного пункта, могут рассказать больше о возможностях для улучшения обслуживания,

чем формальные жалобы.

Принцип активного слушания и наблюдения. Развивая навыки наблюдения и активного слушания, персонал формирует доверие, побуждая потребителей делиться обратной связью. Важно фиксировать акцентуацию в мониторинговой метрике для последующей выработки управленческих решений и закрепления на уровне осознанности у персонала.

Принцип установления взаимопонимания через активное слушание. Активное слушание – не является простым ожиданием завершения речи потребителя, когда он упоминает о проблеме во время регистрации, внимательные сотрудники отказываются от отвлекающих факторов, погружаясь в разговор. Это создает атмосферу доверия и открывает путь для естественного диалога.

Принцип выражения впечатлений. Потребитель имеет свой уникальный способ выражения мнений о сервисе: от слов «всё нормально» до откровенных жалоб на шумный кондиционер или длительное обслуживание. Сотрудники, замечая такие вариации, способны адаптировать свои ответы, превращая даже не прямые комментарии в советы по усовершенствованию сервиса. Главное – правильно понимать отзывы, вне зависимости от того, в какой они форме изложены.

Принцип задавать правильные вопросы. Конкретные вопросы, а не общие («Всё ли было хорошо?»), способствуют превращению случайных отзывов потребителей в значимую информацию. Такие вопросы должны быть частью стандартов системы менеджмента качества, чтобы персонал знал, что и когда спрашивать.

Принцип безопасных пространств для обратной связи. Непосредственный контакт с потребителем и стиль общения имеют значение, когда речь идёт о сборе точной обратной связи от него. Удобное расположение потребителя в пространстве гарантирует некоторую степень доверия. Когда персонал реагирует на первые комментарии с искренним интересом, а не обороняется, потребителю комфортно делиться как положительными, так и негативными отзывами.

Принцип анализа обратной связи на предмет закономерностей и тенденций. Жалобы потребителей на медленное обслуживание сигнализируют о необходимости скорректировать график работы персонала или процедуры. Систематизируя отзывы (например, с помощью искусственного интеллекта), отели могут выявлять возникающие проблемы до того, как они повлияют на удовлетворенность гостей. Опытные сотрудники отличают единичные случаи от системных сбоев, а выявление закономерностей помогает фокусироваться на изменениях, наиболее значимых для потребителей.

Принцип метода сбора данных. Сотрудникам нужны организованные способы сбора и сортировки отзывов потребителей. Цифровые инструменты помогают отслеживать большой объём информации, от случайных комментариев в контактных зонах до подробных ответов на опросы, что упрощает выявление тенденций в разных службах и в разные сезоны.

Принцип методов распознавания образов. Некоторые проблемы с обслуживанием проявляются в утренних отчётах, в то время как другие возникают постепенно, в течение нескольких недель или месяцев. Сортировка отзывов по отделам, времени суток или типу потребителей, выявляет скрытые связи не связанными между собой комментариями.

Принцип внедрения решений и замыкание цикла обратной связи. В основе высокого уровня сервиса лежит важнейший шаг, выходящий за рамки сбора отзывов: применение полученных знаний на практике. Создавая визуальные карты решения проблем с повторяющимися проблемами, сотрудники службы сервиса выявляют возможности, которые варьируются от простых исправлений до стратегических изменений. Когда потребители узнают, как их предложения повлияли на эти улучшения, они начинают охотнее делиться своими идеями, подпитывая непрерывный цикл совершенствования качества обслуживания.

Принцип планирования действий. Вместо того, чтобы сразу браться за все предложения, опытные сотрудники службы сервиса оценивают каждое изменение с точки зрения его потенциального влияния. Как только сотрудники берут на себя ответственность за выполнение конкретных задач с четкими сроками, предложения потребителей превращаются в ощутимые изменения.

Принцип измерения успеха внедрения. В контактных зонах потребители часто рассказывают о реальном влиянии изменений в обслуживании. Сотрудники замечают уменьшение числа обращений в службу поддержки и улучшение взаимодействия, в то время как менеджеры выделяют тренды в отчетности.

Результаты исследования

Основанием для исследования послужили данные об организационной системе менеджмента санатория «N» за 2023-2024 годы, в том числе собранные из Интернета, с таких платформ как Яндекс Карты, СМИ, корпоративный сайт и социальные сети выбранного предприятия, а также данные предприятий аналогичного сектора. Установлены показатели качества сервиса, что повлияло на эффективность проведения мониторинга поведения потребителей, собранные отзывы отражены в метрике, приведенные в таблице 1.

Проанализированы сто пятьдесят отзывов потребителей. На рисунке 1 представлены показатели индекса удовлетворённости потребителей, который отображает фактическое значение показателей качества сервиса санатория «N» по двенадцати факторам.

Индекс удовлетворенности рассчитывается из процентного соотношения, где десять процентов равны единице индекса. Затем рассчитываются средние коэффициенты удовлетворенности по каждому показателю с использованием метода средних значений по двенадцати факторам, которые группируются в среднестатистический показатель качества сервиса в исследуемом санаторно-курортном предприятии.

В исследовании санаторно-курортного комплекса «N», представленном в таблице 1, выделяется ряд негативных моментов касательно уровня сервиса – рисунок 1 подчеркивает эти недостатки. В целом же, деятельность данного предприятия демонстрирует положительную динамику: среднестатистический показатель качества сервиса – индекс равен пяти (зеленая зона). По фактическим показателям (жёлтая зона) в критической зоне находятся все двенадцать факторов качества сервиса, где индекс удовлетворённости равен – четырём, это означает, что санаторию необходимо принимать меры по исправлению сложившейся ситуации, а именно разработать программу управленческих решений, направленную на улучшение организационной системы менеджмента качества сервиса на предприятии. В красной зоне по результатам исследования определились следующие факторы – осознанность сервисного процесса, компенсаторность, атмосфера. Недовольство потребителей данными показателями имеет системный характер и является длительным. Исправление ситуации требует дополнительных финансовых вложений по реконструкции или модернизации материально-технической базы. Анализ данных показывает, что поведение потребителей отражает низкую сервисность персонала в части предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций. Предприятию рекомендуется акцентировать внимание на развитии навыков конструктивного и эмпатичного взаимодействия сотрудников с потребителями. Возникла потребность в обучении сотрудников базовым принципам активного слушания и разрешения конфликтов, что позволит оперативно находить взаимовыгодные решения в ситуациях недовольства. Важно внедрить чёткие алгоритмы действий при обращении потребителей с жалобами в интерактивном режиме с опорой на профессиональные принципы сбора и обобщения информации, включая обязательное извинение, фиксацию проблемы, предложение альтернатив и последующий контроль удовлетворенности. Следует предоставить сотрудникам возмож-

ность принимать гибкие решения в рамках установленных полномочий, например, предлагать компенсации за счёт дополнительных услуг, чтобы минимизировать негативный опыт потребителей. Регулярный сбор обратной связи от потребителей и её анализ помогут выявлять системные проблемы, корректировать процессы и проводить системные тренинги и обучение персонала. Эффективность апробации методики

МКС будет выше, если на её основе создать IT-программу, обеспечивающую работу организационной системы менеджмента качества сервиса предприятия в интерактивном режиме. Это позволит повысить эффективность взаимодействия всех служб предприятия и своевременно находить пути решения по повышению индекса удовлетворённости потребителей.

Факторы качества сервиса	Индекс удовлетворенности (факт)														
	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
1. Конфликтность															
2. Позиционирование															
3. Инновации															
4. Прогнозирование															
5. Инструменты качества															
6. Осязаемость услуг															
7. Осознанность серв. проц. пр. процесса															
8. Ценности															
9. Компенсаторность															
10. Дивергентность															
11. Сервильность															
12. Атмосферика															
Среднестатистический показатель															

Показатели индекса удовлетворенности

Зеленый индикатор – положительная динамика отзывов, значение – 5, говорит о том, что индекс удовлетворённости потребителей свыше 40%

Желтый индикатор – отрицательный индекс удовлетворённости превышает критическую массу, значение – 4, свыше 30%

Красный значение – низкий показатель, говорит о системных недовольствах в поведении потребителей, значение – 3, свыше 20%

Рисунок 1. Оценочная матрица менеджмента качества сервиса. Ч2. Результаты оценки организационной системы качества санаторно-курортного комплекса «N»

Источник: разработано авторами

Заключение

В ходе исследования была разработана методика оценки организационной системы менеджмента качества сервиса (МКС), эффективность которой доказана тем, что в процессе организации мониторинга потребительского поведения и оценки результатов качества на основе двенадцатифакторной модели, происходит эффективная систематизация взаимодействия всех служб предприятия, что является объективным показателем оценки компетенций персонала в режиме реального

времени и способствует нахождению верных управленческих решений и координированных действий по повышению качества сервиса на предприятии. В результате оценки качества сервиса на предприятии были выделены базовые поведенческие паттерны потребителей:

– *паттерн предсказуемости и доверия*: когда потребители сталкиваются с привычными стандартами качества, они начинают испытывать большее доверие и уверенность во время отдыха и пользования услугами;

– *паттерн согласованности*: потребителям не требуется повторно изучать информацию об услугах и процессе обслуживания, поскольку необходимая информация была заранее представлена в полном объеме и доступными средствами;

– *паттерн доступности и инклюзивности*: внутренняя система сервиса гарантирует, что высокий стандарт обслуживания будет доступен всем потребителям, а не только клиентам из бизнес-сегмента;

– *паттерн эффективного сотрудничества*: общие принципы взаимодействия с потребителями помогают свести к минимуму возможные недопонимания. Потребитель должен осознавать, что является ключевым элементом значимого события, при этом

ощущая заботу и понимание относительно всех сервисных процессов, происходящих вокруг.

Методика МКС позволит предприятиям быстро реагировать на изменения в рыночной среде, включая новые технологии, а также продолжать совершенствовать качество сервиса, поддерживать конкурентные преимущества, достигать устойчивого развития. Методика может быть использована на персональных компьютерах и адаптирована к специфическим потребностям отдельных предприятий. Таким образом, результаты нашего исследования могут стать основой для дальнейших научных изысканий и ИТ-разработок в данной области.

Литература

1. Гончаров В. Н., Колесникова В. В., Ширяева И. В. Теоретические подходы к определению понятия «качество» // *Экономинфо*. – 2015. – № 23. – С. 53–57. – EDN: UIFQTB.
2. Лесников А. И., Котова Т. П. Диверсификация дополнительных услуг в условиях туристско-рекреационной дестинации // *Актуальные проблемы развития индустрии гостеприимства: сборник научных статей по итогам XIX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27 сентября 2023 года*. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет. – 2024. – С. 188–194. – EDN: AOKQKO.
3. Лесников А. И., Котова Т. П. Современная модель бизнес-экосистемы в условиях придорожной инфраструктуры региона // *Сервис в России и за рубежом*. – 2023. – Т. 17, № 7 (109). – С. 202–213. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10562830>. – EDN: UWTMKS.
4. Лесников А. И., Котова Т. П. Тренды инновационной сервисной системы предприятий индустрии гостеприимства в контексте дивергентного сервиса // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика*. – 2023. – № 2 (44). – С. 46–56. – <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2023-2-44-46-56>. – EDN: SFFZFO.
5. Лесников А. И., Поподько Е. А., Поподько А. А. Факторная модель поведения потребителей в контексте современных социокультурных условий // *Индустрия туризма и сервиса: состояние, проблемы, эффективность, инновации. Сборник статей по материалам XI Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 17 апреля 2024 года*. – Нижний Новгород, 2024. – С. 89–95. – EDN: CVPZBM.
6. Лесников А. И., Поподько Е. А., Поподько А. А. Факторы качества сервиса и их влияние на поведение потребителей // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. – 2025. – № 1. – С. 71–81. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-1-71>. – EDN: NHOTOS.
7. Макаровская А. И., Семченко А. А. Системы критериальной оценки показателей качества в сфере услуг // *Вестник факультета управления СПбГЭУ*. – 2018. – № 3–1. – С. 77–82. – EDN: XVSWHB.
8. Петров Е. С. Влияние качества сервиса в гостиничном бизнесе на выбор клиента // *Вестник науки*. – 2019. – Т. 4, № 4 (13). – С. 44–49. – EDN: ZDQEDR.
9. Поташова И. Ю. Разработка и использование модели внедрения системы менеджмента качества санаторно-курортных услуг в деятельность здравницы // *Известия Сочинского государственного университета*. – 2013. – № 4–1(27). – С. 132–137. – EDN: RUXBWV.
10. Прокопец Т. Н., Комарова С. Н., Логвинова В. А. Анализ методов оценки качества предоставляемых услуг сервисных предприятий // *Вестник Академии знаний*. – 2020. – № 37(2). – С. 268–273. – <https://doi.org/10.24411/2304-6139-2020-10176>. – EDN: LARCUI.
11. Фадеева Н. В. Методология оценки качества услуг // *Вестник Тамбовского государственного технического университета*. – 2012. – Т. 18, № 2. – С. 484–492. – EDN: OZEXDZ.
12. Филатова Т. А. Принципы построения системы менеджмента качества сервисной организации // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. – 2013. – № 3 (17). – С. 135–144. – EDN: RNIMGX.
13. Черноморец А. Б., Кудряшов В. С. Методы оценки качества услуг гостиничного предприятия и ошибки в их разработке и внедрении // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. – 2023. – Т. 13, № 11–1. – С. 681–690. – <https://doi.org/10.34670/AR.2023.76.20.075>. – EDN: RZXZJH.

14. Ярыгина Е. В., Татарникова Л. И. Управление качеством гостиничных услуг: проблемы и пути решения // Молодежный вестник ИРГТУ. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 171–177. – EDN: HXIHZR.
15. Cronin Jr J. J., Taylor S. A. (1992) Measuring service quality: a reexamination and extension. *Journal of marketing*. Vol. 56, No. 3, pp. 55–68. – EDN: BMMWEN. (In Eng.).
16. Deming W. E. (2018) Out of the Crisis, reissue. *MIT press*. 448 p. (In Eng.).
17. Grönroos C. A. (1993) A Service quality model and its marketing implications. *European Journal of marketing*. Vol. 18, No. 4, pp. 36–44. – <https://doi.org/10.1108/EUM0000000004784>. (In Eng.).
18. Gogoi B. J. (2020) Service quality measures: How it impacts customer satisfaction and loyalty. *International Journal of Management (IJM)*. Vol. 11, No. 3, pp. 354–365. (In Eng.).
19. Parasuraman A., Zeithaml V. A., Berry L. L. (1988) Servqual: A multiple-item scale for measuring consumer perceptions of service quality. *Journal of retailing*. Vol. 64, No. 1, pp. 12–40. (In Eng.).

References

1. Goncharov, V. N., Kolesnikova, V. V., Shiryayeva, I. V. (2015) [Theoretical approaches to defining the concept of «quality»]. *Ekonominfo* [Ekonominfo]. Vol. 1, pp. 53–57. (In Russ.).
2. Lesnikov, A. I., Kotova, T. P. (2024) [Diversification of additional services in the context of tourist-recreational destination]. *Aktual'nye problemy razvitiya industrii gostepriimstva: sbornik nauchnykh statey po itogam XIX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2023 goda* [Current issues in the development of the hospitality industry: proceedings of the XIX International Scientific-Practical Conference, St. Petersburg, September 27, 2023]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, pp. 188–194. (In Russ.).
3. Lesnikov, A. I., Kotova, T. P. (2023) [Modern model of business ecosystem in the conditions of roadside infrastructure of the region]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad]. Vol. 17, No. 7 (109), pp. 202–213. (In Russ.).
4. Lesnikov, A. I., Kotova, T. P. (2023) [Trends of the innovative service system of hospitality industry enterprises in the context of divergent service]. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya ekonomika* [Bulletin of Ufa State Petroleum Technical University. Science, education, economics. Economics series]. Vol. 2, No. 44, pp. 46–56. – <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2023-2-44-46-56>. (In Russ.).
5. Lesnikov, A. I., Popodko, E. A., Popodko, A. A. (2024) [Factor model of consumer behavior in modern socio-cultural conditions]. *Industriya turizma i servisa: sostoyaniye, problemy, effektivnost', innovatsii. Sbornik statey po materialam XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Nizhny Novgorod, 17 aprelya 2024 goda* [Tourism and service industry: status, problems, efficiency, innovations. Collection of articles based on the materials of the XI International Scientific and Practical Conference]. Nizhny Novgorod, pp. 89–95. (In Russ.).
6. Lesnikov, A. I., Popodko, E. A., Popodko, A. A. (2025) [Service quality factors and their impact consumer behavior]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. Vol. 1, pp. 71–81. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-1-71>. (In Russ.).
7. Makarovskaya, A. I., Semchenko, A. A. (2018) [Systems of criteria assessment of quality indicators in the service sector]. *Vestnik fakul'teta upravleniya SPbGEU* [Bulletin of the Faculty of Management of St. Petersburg State University of Economics]. Vol. 3(1), pp. 77–82. (In Russ.).
8. Petrov, E. S. (2019) [Influence of service quality in the hotel business on client choice]. *Vestnik nauki* [Science Bulletin]. Vol. 4, No. 4(13), pp. 44–49. (In Russ.).
9. Potashova, I. Yu. (2013) [Development and use of the model for implementing the quality management system of spa services in the activities of a health resort]. *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Sochi State University]. Vol. 4–1(27), pp. 132–137. (In Russ.).
10. Prokopets, T. N., et al. (2020) [Analysis of methods for assessing the quality of services provided by service enterprises]. *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge]. Vol. 2, pp. 268–273. – <https://doi.org/10.24411/2304-6139-2020-10176>. (In Russ.).
11. Fadeeva, N. V. (2012) [Methodology for assessing the quality of services]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Tambov State Technical University]. Vol. 18, No. 2, pp. 484–492. (In Russ.).
12. Filatova, T. A. (2013) [Principles of building a quality management system for a service organization]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, social'naya sfera, tekhnologii* [Theory and practice of service: economics, social sphere, technology]. Vol. 3(17), pp. 135–144. (In Russ.).

13. Chernomorets, A. B., Kudryashov, V. S. (2023) [Methods for assessing the quality of services of a hotel enterprise and errors in their development and implementation]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economy: yesterday, today, tomorrow]. Vol. 13, No. 11(1), pp. 681–690. – <https://doi.org/10.34670/AR.2023.76.20.075>. (In Russ.).
14. Yarygina, E. V., Tatarnikova, L. I. (2021) [Quality management of hotel services: problems and solutions]. *Molodezhnyy vestnik IRGTU* [Youth Bulletin of IRSTU]. Vol. 11, No. 3, pp. 171–177. (In Russ.).
15. Cronin, Jr J. J., Taylor, S. A. (1992) Measuring service quality: a reexamination and extension. *Journal of marketing*. Vol. 56, No. 3, pp. 55–68. (In Eng.).
16. Deming, W. E. (2018). Out of the Crisis, reissue. *MIT press*. 448 p. (In Eng.).
17. Grönroos, C. A. (1993) A Service quality model and its marketing implications. *European Journal of marketing*. Vol. 18, No. 4, pp. 36–44. – <https://doi.org/10.1108/EUM0000000004784>. (In Eng.).
18. Gogoi, B. J. (2020) Service quality measures: How it impacts customer satisfaction and loyalty. *International Journal of Management (IJM)*. Vol. 11, No. 3, pp. 354–365. (In Eng.).
19. Parasuraman, A., Zeithaml, V. A., Berry, L. L. (1988) Servqual: A multiple-item scale for measuring consumer perceptions of service quality. *Journal of retailing*. Vol. 64, No. 1, pp. 12–40. (In Eng.).

Информация об авторах:

Анатолий Ильич Лесников, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры туризма, гостиничного и ресторанного сервиса, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

ORCID ID: 0000-0002-7136-8545

e-mail: aps_rb@mail.ru

Екатерина Александровна Поподько, магистрант, направление подготовки 43.04.03 Организация и управление гостиничными и санаторно-курортными комплексами, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

ORCID ID: 0000-0002-0168-4817

e-mail: yekaterina.popodko@inbox.ru

Анастасия Александровна Поподько, магистрант, направление подготовки 43.04.02 Проектирование и комплексное управление туристскими территориями, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

ORCID ID: 0000-0002-8099-787X

e-mail: popodkonastya@gmail.com

Вклад соавторов:

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 02.04.2025; принята в печать: 01.07.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Anatoly Ilyich Lesnikov, Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Tourism, Hotel and Restaurant Service, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia

ORCID ID: 0000-0002-7136-8545

e-mail: aps_rb@mail.ru

Ekaterina Aleksandrovna Popodko, postgraduate student, training program 43.04.03 Organization and management of hotel and resort complexes, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia

ORCID ID: 0000-0002-0168-4817

e-mail: yekaterina.popodko@inbox.ru

Anastasia Aleksandrovna Popodko, postgraduate student, training program 43.04.02 Design and integrated management of tourist areas, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia

ORCID iD: 0000-0002-8099-787X

e-mail: popodkonastya@gmail.com

Contribution of the authors:

All the authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication.

The authors declare that there is no conflict of interest.

The paper was submitted: 02.04.2025.

Accepted for publication: 01.07.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ «УМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. И. Москвитина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
e-mail: eimoskvitina@fa.ru

Аннотация. Статья представляет собой комплексное исследование теоретико-методологических основ, практических особенностей и перспектив реализации концепции «умных территорий» в Российской Федерации. Цель исследования заключается в проведении системного анализа особенностей имплементации данной концепции в российских условиях, включая многоаспектную оценку потенциала ее развития на основе обобщения итогов реализации проектов Минстроя России «Умный город» и Ростелекома «Цифровой регион», анализа актуальных трендов цифровизации и экспертных прогнозов развития данных трендов в среднесрочной перспективе. На основе сопоставления научных подходов с отечественной практикой установлено, что российская модель «умных территорий» формируется как экстраполяция принципов «умного города» на периферийные (пригородные, сельские) и промышленные зоны, что отражает специфику пространственного развития цифровой экономики в России. Обобщение итогов реализации проекта «Умный город» за 2024 год позволило выявить доминирование организационно-управленческих результатов. Доказано, что значимую роль в формировании «умных территорий» сыграла инициатива «Цифровой регион» ПАО «Ростелеком», обеспечившая инфраструктурную и технологическую конвергенцию. На основе проведенного автором опроса и полученных экспертных оценок относительно перспектив развития актуальных трендов «умных городов» и их распространения на «умные территории» в среднесрочный период определено, что наибольшим весом характеризуются тренды, связанные с цифровизацией финансового сектора и транспортной отрасли, в совокупности обеспечивающие достижение синергетического эффекта в других подсистемах «умных территорий». На основе проведенного исследования автором обобщены прогнозы развития «умных территорий» через 3–5 лет, включая усиление «интеллектуализации» транспортных систем, повышение оперативности и защищенности управления финансовыми ресурсами, рост масштабов применения цифровых моделей для пространственного планирования, совершенствование ИТ-инфраструктурного обеспечения и распространение технологий искусственного интеллекта. Результаты исследования вносят вклад в теорию цифровой трансформации территорий, а практические выводы могут быть использованы при корректировке государственных стратегических и проектных инициатив в рассмотренной области.

Ключевые слова: умный город, умные территории, цифровизация, цифровая трансформация, тренды, прогнозы.

Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации на тему «Совершенствование системы городского хозяйства в рамках модели «умных территорий» в условиях цифровизации управления».

Для цитирования: Москвитина Е. И. Оценка потенциала развития «умных территорий» в Российской Федерации // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 4. – С. 80–89. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-80>.

Review article

ASSESSMENT OF THE DEVELOPMENT POTENTIAL OF «SMART TERRITORIES» IN THE RUSSIAN FEDERATION

E. I. Moskvitina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
e-mail: eimoskvitina@fa.ru

Abstract. The article is a comprehensive study of the theoretical and methodological foundations, practical features and prospects for implementing the concept of «smart territories» in the Russian Federation. The purpose of the study

is to conduct a systemic analysis of the specifics of implementing this concept in Russian conditions, including a multi-aspect assessment of its development potential based on a summary of the results of the implementation of the Smart City projects of the Ministry of Construction of Russia and the Digital Region of Rostelecom, an analysis of current digitalization trends and expert forecasts for the development of these trends in the medium term. Based on a comparison of scientific approaches with domestic practice, it was found that the Russian model of «smart territories» is formed as an extrapolation of the principles of the «smart city» to peripheral (suburban, rural) and industrial zones, which reflects the specifics of the spatial development of the digital economy in Russia. A summary of the results of the Smart City project for 2024 revealed the dominance of organizational and managerial results. It has been proven that the Digital Region initiative of PJSC Rostelecom played a significant role in the formation of «smart territories», ensuring infrastructural and technological convergence. Based on the survey conducted by the author and the received expert assessments regarding the prospects for the development of current trends in «smart cities» and their spread to «smart territories» in the medium term, it was determined that the trends associated with the digitalization of the financial sector and the transport industry, which together ensure the achievement of a synergistic effect in other subsystems of «smart territories», are characterized by the greatest weight. Based on the study, the author summarizes the forecasts for the development of «smart territories» in 3–5 years, including increased «intellectualization» of transport systems, increased efficiency and security of financial resource management, increased use of digital models for spatial planning, improved IT infrastructure support and the spread of artificial intelligence technologies. The results of the study contribute to the theory of digital transformation of territories, and practical conclusions can be used to adjust state strategic and project initiatives in the area under consideration.

Key words: smart city, smart territories, digitalization, digital transformation, trends, forecasts

Acknowledgements. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University on the topic «Improving the urban economy system within the framework of the «smart territories» model in the context of digitalization of management»

Cite as: Moskvitina, E. I. (2025) [Assessment of the development potential of «smart territories» in the Russian Federation]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 80–89. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-80>.

Введение

На сегодняшний день в продолжение завершеного в 2024 году ведомственного проекта Минстроя России «Умный город»¹ в 2025 и последующие годы планируется реализация нового этапа развития цифровизации городского хозяйства, о чем сообщалось еще в октябре 2024 года² и что подтверждается уже состоявшимся в 2025 году запуском отдельных инициатив, включая ав-

томатизированную информационную систему Фонда развития территорий (АИС ФРТ), пилотный проект по переводу квитанций ЖКХ в «цифру»³ и других, которые в совокупности с результатами анализа современных научных работ [1; 3; 5; 9; 11–16] и тематических запросов в цифровой среде, рассмотренных на рисунке 1, свидетельствуют еще и о смещении фокуса внимания с «умных городов» к «умным территориям».

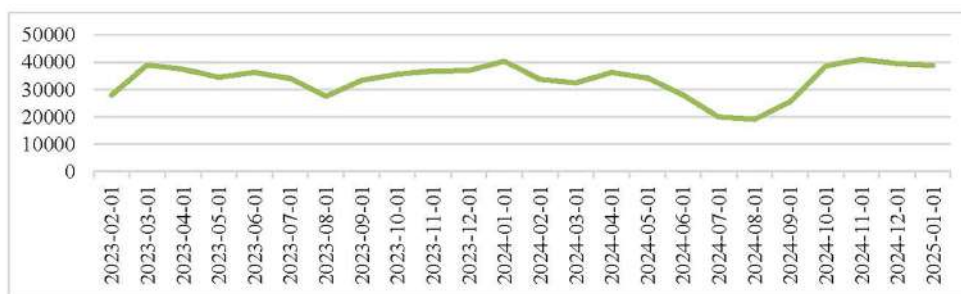

Рисунок 1. Число тематических запросов в цифровой среде по категории «умные территории», включая «умные города», шт.

Источник: составлено автором на основе Яндекс Вордстат

¹ Минстрой подводит итоги 6 лет проекта «Умный город» // ЦифраСтрой. – URL: <https://cifrastroy.ru/news/minstroj-podvodit-itogi-6-let-proekta-umnyj-gorod?ysclid=m6ulpctcezc481201086> (дата обращения: 20.02.2025).

² Новый этап развития цифровизации городского хозяйства планируют начать с 2025 года // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/22006919> (дата обращения: 20.02.2025).

³ Цифровизация ЖКХ // TAdviser. – URL: <https://clck.ru/3GHe2x> (дата обращения: 20.02.2025).

В современной научной литературе за последние три года можно выделить несколько ключевых подходов к пониманию «умной территории» и параметров,

позволяющих определить, является ли территория «умной», как показано в таблице 1.

Таблица 1. Современные научные подходы к определению понятия «умной территории» и ее ключевых параметров

Авторы (год)	Понятие «умной территории»	Параметры, выделяемые авторами
Горелова И., Беллини Ф., Д'Асценцот Ф. (2024)	Обобщающий термин для множества «умных» мест (города, деревни, острова и т.д.) с, возможно, уникальными характеристиками, проблемами и возможностями.	– умная экономика – умное управление – ИКТ-технологии и инфраструктура – умная среда – умная мобильность – умные люди – умная жизнь – умная организация – умная политика
Антуан-Сантони Т., Пинейру М.К., Баала О. и др. (2023)	Концепция, предполагающая расширение географических границ «умного города» и преодоление цифровой дифференциации разных территорий; инструмент достижения устойчивого развития территорий	– умные технологии – умная инфраструктура – способность адаптироваться к вызовам через интеграцию цифровых, социальных и экологических компонентов
Шхагочев Р.В., Бахунов А.А. (2022)	«Иерархическая технологическая и инновационная концепция «умная деревня» – «умный город» – «умный регион», направленная на достижение целей устойчивого развития	– реализация принципа «умной специализации» – внедрение в экономике и управлении сквозных цифровых технологий
Никитаева А.Ю., Чернова О.А., Л. Молаписи (2022)	Географическое пространство, обеспечивающее возможность решать социально-экономические проблемы на основе использования современных цифровых технологий и инструментов; основной стратегический механизм перехода к зеленой экономике и устойчивому региональному развитию	– реализация принципа «умной специализации» – умные технологии, инфраструктура, энергетика – умное управление – умное население

Источник: разработано автором на основе работ [13–16]

Сопоставляя рассмотренные научные подходы с российской практикой, можно отметить, что в России концепция «умной территории» на данном этапе реализуется как распространение идей «умного города» на процессы цифровизации пригородных, сельских территорий, промышленных зон без ярко выраженной взаимосвязи с концепцией устойчивого развития. Для целей данной работы под «умной территорией» предлагается понимать определенную территорию страны (муниципальное образование, регион, макрорегион и др.), которую можно охарактеризовать высоким уровнем интеграции цифровых технологий в систему государственного и муниципального управления, экономику и процессы жизнедеятельности граждан.

Отсутствие в нормативных правовых и стратегических документах четкого определения «умной территории» и параметров, позволяющих относить ту или иную территорию к «умным территориям», затрудняет формирование эконометрической практи-

ко-ориентированной прогнозной модели развития «умных территорий». В этой связи метод экспертных оценок видится автором как наиболее оптимальный. Вместе с тем, существующие экспертные прогнозы относительно перспектив развития цифровизации «умных территорий» содержат как оптимистичные, так и пессимистичные прогнозы, основанные на анализе существующих проблем: общих (например, ресурсные ограничения, включая природные, кадровые, материально-технические и др.) [1; 4; 7; 8; 10] и специфических (например, общественное неодобрение широкомасштабного распространения умных «всевидающих» технологий, неэффективный маркетинг «умных территорий» и др.) [6]. В свою очередь, неоднозначные ожидания относительно нового этапа цифровизации «умных территорий» обуславливают высокий научный интерес к актуализации прогнозов относительно потенциала развития «умных территорий» в России.

Методы

Теоретической базой исследования послужили труды современных отечественных исследователей в области цифровизации «умных территорий», отчетные материалы Минстроя России и Департамента информационных технологий города Москвы, публикации в официально зарегистрированных СМИ. В работе были использованы методы экономико-статистического анализа, экспертных оценок и общенаучные методы, включая анализ, синтез, прогнозирование, а также методы сравнения, табличной и графической систематизации данных.

С целью углубления результатов исследования, полученных в обзорной части, автором был проведен опрос среди 114 экспертов в рассматриваемой области в январе-феврале 2025 года. Экспертами выступили представители органов власти, бизнеса, научно-образовательного сообщества. Респондентам было предложено оценить степень значимости и проявления существующих трендов развития «умных городов» в среднесрочной перспективе (3-5 лет) по

шкале от 1 до 5, а также вероятность их распространения на «умные территории» (в оценочном листе были предусмотрены: вариант ответа «затрудняюсь ответить»; поле для комментариев (по желанию). По согласованию с экспертами результаты опроса носят обобщенный (указаны средние значения) и анонимный характер.

Результаты исследования

Результаты анализа официальных итогов реализации проекта «Умный город» свидетельствуют о том, что ключевые освещаемые в открытых источниках достижения за 2024 год тесно связаны с цифровой трансформацией муниципальных образований и носят преимущественно организационно-управленческий характер, как показано на рисунке 2, что может быть обусловлено во многом тем, что оценка социального, технологического и реального экономического эффектов на текущий момент еще полностью не завершена и носит промежуточный характер в имеющихся отчетных материалах и публикациях.

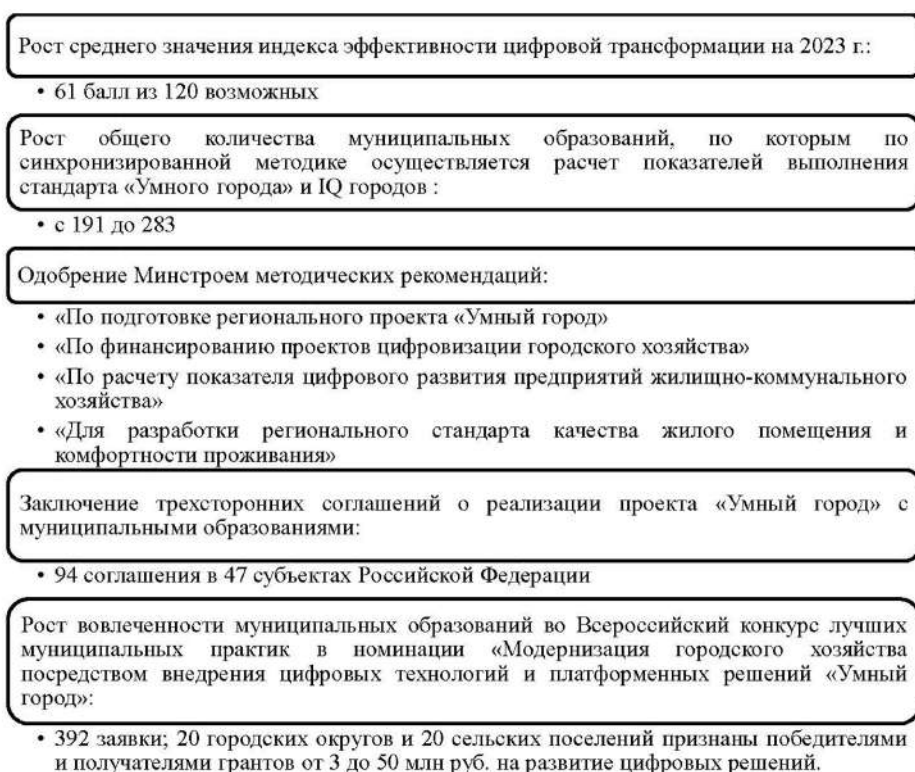

Рисунок 2. Ключевые итоги реализации проекта «Умный город» на конец 2024 г.

Источник: разработано автором на основе CNews⁴

⁴ Власти потратили более 800 млн на «Умные города»: IQ городов вырос в полтора раза // CNews. – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-02-19_vlasti_potratili_bolee_800 (дата обращения: 20.02.2025).

На основании проведенного анализа ключевых показателей реализации проекта «Умный город» выявлена положительная динамика цифровой трансформации муниципальных образований, однако достигнутые значения (61 балл из 120 возможных по интегральному индексу эффективности) свидетельствуют о наличии значительного резерва для дальнейшего развития.

Ввиду ранее отмеченного смещения вектора цифровизации от «умных городов» к «умным территориям» необходимо дополнить анализ текущего состояния цифровизации итогами реализации проекта «Цифровой регион» ПАО «Ростелеком», в рамках которого были реализованы мероприятия, охватившие в том числе и сельские территории. Ключевые достигнутые результаты систематизированы в таблице 2.

Таблица 2. Итоги реализации проекта «Цифровой регион»

Направление	Качественные изменения	Эффект	Оценка
Транспорт	Созданы интеллектуальные транспортные системы в 18 городских агломерациях; Построены комплексы фотовидеофиксации нарушений ПДД в 56 субъектах РФ; Созданы автоматизированные системы весового и габаритного контроля транспорта	Снижение аварийности	на 30%
		Рост пропускной способности	на 25%
		Рост собираемости штрафов	до 70%
		Повышение сохранности автомобильных дорог	—
ЖКХ	Ведется детальный учет и паспортизация домов и объектов инфраструктуры ЖКХ; Создана единая диспетчерская служба ЖКХ и мобильное приложение; Автоматизирована работа Фондов капремонта и Государственной жилищной инспекции	Интегрированы в комплексную региональную платформу ЖКХ данные жилых домов	более 1 млн жилых домов
		Рост количества обрабатываемых обращений граждан	более 400 тыс. ежегодно
		Рост охвата домов подконтрольным капремонтом	более 3 тыс. ежегодно
		Пополнение региональных бюджетов за счет выявленных нарушений	более 1 млрд руб.
Энергетика	Заменены системы освещения, обновлено электросетевое оборудование в 36 регионах; Установлены приборы автоматического контроля и учета потребления энергоресурсов; Подключены узлы передачи данных для сбора и анализа информации с установленных приборов учета	Оптимизация расходов на оплату электроэнергии	до 75%
		Сокращение эксплуатационных расходов	до 45%
		Рост наблюдаемости параметров электро-теплосетей, мониторинг аварий	—
		Рост собираемости денежных средств при сопоставимых объемах потребления	—
Безопасность (соблюдение правопорядка)	Внедрение платформы интеллектуального видеонаблюдения	Рост охвата пользователей платформы видеонаблюдения в крупнейших городах и регионах	более 600 тыс. чел.
		Рост подключенных к платформе камер	более 350 тыс.
		Рост количества обрабатываемых видео	более 3 млрд часов видео в год
Безопасность (в случае ЧС)	Внедрение АПК «Безопасный город» в 15 регионах (более 45 муниципальных округов); Обеспечение более 160 интеграций с существующими аналитическими и мониторинговыми системами; Внедрение Системы-112 в более 60 регионах	Повышение скорости оповещения населения об угрозе возникновения ЧС	в 5 раз
		Снижение времени реагирования на ЧС муниципальных и региональных служб	с 60 до 40 мин.
		Рост достоверности прогнозирования ЧС	до 90%
		Сокращение площади лесных пожаров	в 5 раз

Источник: разработано автором на основе материалов ПАО «Ростелеком»⁵

⁵ Цифровой регион. Результаты цифровизации субъектов РФ // ПАО «Ростелеком». – URL: https://www.company.rt.ru/projects/digital_region/results/ (дата обращения: 20.02.2025).

При этом необходимо отметить, что Ростелеком выступает фактически ключевым игроком на рынке технологий для «умных территорий», что соответствует общемировой ситуации сосредоточения более 20% мирового рынка решений в рамках деятельности двух компаний: ABB и Honeywell International Inc⁶, что, в свою очередь, свидетельствует об определенной степени монополизации и способствует возникновению соответствующих рисков (например, повышение стоимости технологий, снижение качества технологических решений, зависимость от ресурсных возможностей и др.) и влияет на характер текущих трендов развития «умных территорий».

Выше рассмотренные материалы позволяют, с одной стороны, с уверенностью спрогнозировать дальнейшее развитие «умных территорий» и про-

лонгацию актуальных на сегодня трендов развития «умных городов», содержание которых раскрывается в материалах Департамента информационных технологий города Москвы⁷; с другой стороны, требует углубления полученных результатов на основе экспертных оценок (прогнозов для среднесрочной перспективы, основанных на личном профессиональном опыте соответствующих экспертов и понимании закономерностей изменений в рассматриваемой области).

Примечательно, что на сегодняшний день процесс трансформации трендов развития «умных городов» при переходе к «умным территориям» в масштабах всей страны характеризуется скорее как начальный этап «точечных» изменений, в связи с чем в таблице 3 приведены отдельные примеры таких изменений.

Таблица 3. Экспертные оценки значимости, проявления и распространения на «умные территории» трендов развития «умных городов»

Тренд развития «умного города» (<i>Трумг</i>)	Примеры трансформации <i>Трумг</i> при переходе к «умным территориям»	Экспертная оценка перспектив развития трендов в перспективе (3–5 лет)		
		значимость <i>Трумг</i> (1–5)	проявление <i>Трумг</i> (1–5)	распространение на «умные территории» (1–5)
		вес <i>Трумг</i> = значимость * проявление		
Распространение ИИ в рам- ках цифровизации городско- го хозяйства	ИИ для анализа почвы, прогно- зирования урожая, управления агро-дронами	4,12	2,98	4,45
Цифровизация финансового сектора	Мобильные платежи в сёлах, где нет отделений банков	4,07	4,79	4,2
Формирование и реализация цифровых моделей	Цифровые двойники систем водоснабжения сельских тер- риторий	4,6	3,9	4,1
Развитие интеллектуальных транспортных систем	Датчики для контроля состоя- ния трасс в удалённых районах	4,48	4,3	4,89
Развитие связи пятого поко- ления	Высокоскоростной интернет в сельской местности	4,2	3,7	3,89
Краткая характеристика оцениваемых экспертами параметров: ▪ Значимость: важность тренда для экономики, социальной сферы, управления ▪ Проявление: степень («сила») реализации ▪ Распространение на «умные территории»: перспективы охвата трендом не городских территорий (учитывается отдель- но от веса тренда «умного города»)				

Источник: разработано автором по результатам опроса

⁶ Рынок решений для «умного города»: тренды и перспективы // Экспо Цифра. – URL: <https://expocifra.com/ru/news/2024/july/30/smart-city-ehpocifpa-2025/> (дата обращения: 03.02.2025).

⁷ Тренды развития умных городов I квартал 2024 // Департамент информационных технологий города Москвы. – URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/vnedrenie-ii/2024_trendy_razvitiya_umnyh_gorodov_i_kvartal_2024_dit_moskvy/ (дата обращения: 20.02.2025).

На основе взвешенной балльной оценки *Трумс* установлено, что наибольшим весом, по мнению экспертов, характеризуются тренды развития «умных

городов», связанные с цифровизацией финансового сектора и транспортной отрасли, как показано на рисунке 3.

Рисунок 3. Весовое распределение трендов развития «умных городов», баллы

Источник: разработано автором на основе результатов опроса

Вместе с тем, по результатам оценки экспертами перспектив трансформации трендов, характерных преимущественно для «умных городов», в тренды развития «умных территорий», некоторые эксперты в графе для комментариев в свободной форме указывали, что существующие тренды будут проявляться как на уровне сельских территорий, промышленных зон, так и масштабироваться на уровень макрорегионов, в особенности это касается транспортных систем макрорегионов (агломераций, макрорегионов в рамках Стратегии пространственного развития) и финансового сектора, которые в совокупности призваны стимулировать достижение синергетического эффекта в других подсистемах «умных территорий».

Заключение

Таким образом, результаты обобщения итогов реализации проектов Минстроя России «Умный город» и Ростелекома «Цифровой регион», анализа актуальных трендов цифровизации «умных городов» и экспертных прогнозов трансформации данных трендов в рамках реализации концепции «умных территорий» в среднесрочной перспективе позволяют спрогнозировать развитие следующих трендов (в порядке убывания их «веса»):

- продолжение цифровой трансформации «умных территорий» в рамках общего тренда цифровизации государственного и муниципального управления и экономики;
- усиление «интеллектуализации» транспортных систем и, как следствие, повышение комфортно-

сти и безопасности среды для жизни;

- продолжение цифровизации финансового сектора, что способствуют повышению оперативности и защищенности управления финансовыми ресурсами в рамках хозяйственно-экономических отношений;
- технологическое развитие и рост масштабов применения цифровых моделей для пространственного планирования, а также монополизация рынка «умных технологий»;
- развитие информационно-телекоммуникационного обеспечения, включая связь нового поколения;
- распространение технологий искусственного интеллекта как части «поддерживающего» инструментария для развития других трендов.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении особенностей российской модели «умных территорий».

Практическая ценность результатов проявляется в возможности корректировки стратегических (стратегии, государственной программы, планы и других инструментов стратегического планирования) и проектных инициатив с учетом прогнозируемых трендов цифровой трансформации в рамках формирования «умных территорий».

Полученные результаты дополняют существующие научные представления о механизмах пространственного развития цифровой экономики и могут служить основой для дальнейших прикладных исследований в данной области.

Литература

1. Влияние цифровизации на развитие «Умных городов» / К. А. Татаринов [и др.] // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 9, № 6 (147). – С. 147–152. – <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.06.09.018>. – EDN: ZVIZML.
2. Головина С. Г., Кузнецова А. Р., Ручкин А. В. Концепция умного села: от современного содержания к практической реализации // Вестник НГИЭИ. – 2024. – № 7 (158). – С. 81–95. – <https://doi.org/10.24412/2227-9407-2024-7-81-95>. – EDN: GTVJQY.
3. Загазежева О. З., Шалова С. Х., Мисостишхова М. И. Модели развития «умных деревень» и механизм их внедрения на территории КБР // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2023. – № 6(116). – С. 290–306. – <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2023-6-116-290-306>. – EDN: TNCDNI.
4. Красюкова Н. Л., Харченко К. В., Москвитина Е. И. Совершенствование подготовки кадров для обеспечения цифровой трансформации государственного управления на региональном уровне // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. – 2024. – № 1. – С. 157–168. – EDN: JMWQJQ.
5. Лыщикова Ю. В. Проблемы и перспективы внедрения концепции «умный регион» в угледобывающих субъектах Российской Федерации // Уголь. – 2024. – № 1 (1176). – С. 25–31. – <https://doi.org/10.18796/0041-5790-2024-1-25-31>. – EDN: CSDXJJ.
6. Пашкус Н. А., Пашкус В. Ю., Зинченко М. В. Эффективное позиционирование и развитие российских регионов в соответствии с концепцией «умного города» // Проблемы современной экономики. – 2024. – № 1 (89). – С. 133–136. – EDN: ISGPRB.
7. Рождественская И. А., Кабалинский А. И. Умные города в России: перспективы и ограничения развития // Вестник РАЕН. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 73–78. – <https://doi.org/10.52531/1682-1696-2023-23-2-73-78>. – EDN: MLRNHR.
8. Салова Т. Л., Батурин В. А. Реализация проекта «умный город» на территории города-курорта Сочи // Наукосфера. – 2024. – № 6–1. – С. 307–311. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11638359>. – EDN: ADTCTC.
9. Смыслова О. Ю., Макаров И. Н., Гущин Д. В. Цифровизация и устойчивое развитие: новые вехи в пространственном планировании территорий России // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18, № 7. – С. 1683–1702. – <https://doi.org/10.18334/ce.18.7.121386>. – EDN: LEPOCJ.
10. Тихалева Е. Ю. «Умные города»: правовое регулирование и потенциал развития // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 3. – С. 803–824. – <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.35>. – EDN: DJKVSD.
11. Фальченко О. Д., Ковалев В. Е. Практика развития концепции «умной» деревни // Естественно-гуманитарные исследования. – 2023. – № 6 (50). – С. 482–488. – EDN: HUJESM.
12. Шейхова М. С., Сафонова С. Г. «Умная деревня» как перспектива развития сельских территорий // Московский экономический журнал. – 2024. – Т. 9, № 9. – С. 111–128. – https://doi.org/10.55186/2413046X_2024_9_9_375. – EDN: TIEGXP.
13. Шхагошев Р. В., Бахунов А. А. Индикаторы оценки «умного» развития территории // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 2. – С. 50–61. – <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-50-61>. – EDN: MTOFMY.
14. Antoine-Santoni T., et al. (2023) A smart territory, the key to resilient territory. *Resilient and Sustainable Cities*. – pp. 171–191. – <https://doi.org/10.1016/B978-0-323-91718-6.00020-7>. (In Eng.).
15. Gorelova I., Bellini F., D’Ascenzo F. (2024) Understanding smart territories: A conceptual framework. *Cities*. – No. 152. – 13 p. – <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105146>. (In Eng.).
16. Nikitaeva A. Yu., Chernova O. A., Molapisi L. (2022). Smart territories as a driver for the transition to sustainable regional development and green economy. *R-economy*. – Vol. 8, No. 2. – pp. 120–134. – <https://doi.org/10.15826/recon.2022.8.2.010>. – EDN: GICODJ. (In Eng.).

References

1. Tatarinov, K. A. (2024) [The Impact of Digitalization on the Development of Smart Cities]. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya* [Economy and Management: Problems, Solutions]. Vol. 9, No. 6 (147), pp. 147–152. – <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.06.09.018>. (In Russ.).
2. Golovina, S. G., Kuznetsova, A. R., Ruchkin, A. V. (2024) [The Concept of a Smart Village: From Modern Content to Practical Implementation]. *Vestnik NGIEI* [Bulletin of NGIEI]. Vol. 7 (158), pp. 81–95. – <https://doi.org/10.24412/2227-9407-2024-7-81-95>. (In Russ.).
3. Zagazezheva, O. Z., Shalova, S. Kh., Misostishkhova, M. I. (2023) [Models of development of «smart villages»]

and the mechanism of their implementation in the territory of the KBR]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 6 (116), pp. 290–306. – <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2023-6-116-290-306>. (In Russ.).

4. Krasnyukova, N. L., Kharchenko, K. V., Moskvitina, E. I. (2024) [Improving the training of personnel to ensure the digital transformation of public administration at the regional level]. *Kuznechno-shtampovoye proizvodstvo. Obrabotka materialov davleniyem* [Forging and stamping production. Pressure processing of materials]. Vol. 1, pp. 157–168. (In Russ.).

5. Lyshchikova, Yu. V. (2024) [Problems and Prospects of Implementing the «Smart Region» Concept in Coal Mining Regions of the Russian Federation]. *Ugol' [Coal]*. Vol. 1 (1176), pp. 25–31. – <https://doi.org/10.18796/0041-5790-2024-1-25-31>. (In Russ.).

6. Pashkus, N. A., Pashkus, V. Yu., Zinchenko, M. V. (2024) [Effective Positioning and Development of Russian Regions in Accordance with the «Smart City» Concept]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economy]. Vol. 1 (89), pp. 133–136. (In Russ.).

7. Rozhdestvenskaya, I. A., Kabalinsky, A. I. (2023) [Smart cities in Russia: development prospects and limitations]. *Vestnik RAYEN* [Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences]. Vol. 23, No. 2, pp. 73–78. – <https://doi.org/10.52531/1682-1696-2023-23-2-73-78>. (In Russ.).

8. Salova, T. L., Baturin, V. A. (2024) [Implementation of the «smart city» project on the territory of the resort city of Sochi]. *Naukosfera* [Sciencesphere]. Vol. 6-1, pp. 307–311. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.11638359>. (In Russ.).

9. Smyslova, O. Yu., Makarov, I. N., Gushchin, D. V. (2024) [Digitalization and Sustainable Development: New Milestones in Spatial Planning of Russian Territories]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy]. Vol. 18, No. 7, pp. 1683–1702. – <https://doi.org/10.18334/ce.18.7.121386>. (In Russ.).

10. Tikhalyova, E. Yu. (2023) [«Smart Cities»: Legal Regulation and Development Potential]. *Journal of Digital Technologies and Law* [Journal of Digital Technologies and Law]. Vol. 1, No. 3, pp. 803–824. – <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.35>. (In Russ.).

11. Falchenko, O. D., Kovalev, V. E. (2023) [Practice of Developing the Concept of a «Smart» Village]. *Yestestvenno-gumanitarnyye issledovaniya* [Natural Sciences and Humanities]. Vol. 6 (50), pp. 482–488. (In Russ.).

12. Sheykova, M. S., Safonova, S. G. (2024) [«Smart Village» as a Prospect for the Development of Rural Territories]. *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal* [Moscow Economic Journal]. Vol. 9, No. 9, pp. 111–128. – https://doi.org/10.55186/2413046X_2024_9_9_375. (In Russ.).

13. Shkhagoshev, R. V., Bakhunov, A. A. (2022) [Indicators for Assessing the «Smart» Development of a Territory]. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski* [State and Municipal Administration. Scientific Notes]. Vol. 2, pp. 50–61. – <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-50-61>. (In Russ.).

14. Antoine-Santoni, T., et al. (2023) A smart territory, the key to resilient territory. *Resilient and Sustainable Cities*, pp. 171–191. – <https://doi.org/10.1016/B978-0-323-91718-6.00020-7>. (In Eng.).

15. Gorelova, I., Bellini, F., D'Ascenzo, F. (2024) Understanding smart territories: A conceptual framework. *Cities*. Vol. 152, 13 p. – <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105146>. (In Eng.).

16. Nikitaeva, A. Yu., Chernova, O. A., Molapisi, L. (2022). Smart territories as a driver for the transition to sustainable regional development and green economy. *R-economy*. Vol. 8, No. 2, pp. 120–134. – <https://doi.org/10.15826/recon.2022.8.2.010>. (In Eng.).

Информация об авторе:

Екатерина Ильинична Москвитина, кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Института управленческих исследований и консалтинга Факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID iD: 0000-0002-6795-1711, **Research Profile ID:** ACJ-3681-2022, **Scopus Author ID:** 59346206300

e-mail: eimoskvitina@fa.ru

Статья поступила в редакцию: 25.02.2025; принята в печать: 01.07.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Ekatereina Ilyinichna Moskvitina, Candidate of Economical Sciences, Junior Research Fellow, Institute of Management Research and Consulting, Faculty of the Higher School of Management, Financial University under the

Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID iD: 0000-0002-6795-1711, **Research Profile ID:** ACJ-3681-2022, **Scopus Author ID:** 59346206300

e-mail: eimoskvitina@fa.ru

The paper was submitted: 25.02.2025.

Accepted for publication: 01.07.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

ВАЛЮТНЫЕ ОБЛИГАЦИИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ

Е. М. Попова¹, С. А. Руденко²

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ e-mail: Popova57@mail.ru

² e-mail: svrud2013@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время сложились очень привлекательные на первый взгляд условия для инвестирования в инструменты, номинированные в иностранной валюте. Уже несколько месяцев подряд укрепляется курс рубля, на фондовом рынке регулярно появляются новые валютные облигации, заемщиками являются компании с высоким кредитным рейтингом, доходность в иностранной валюте выглядит вполне достойной, представлен разнообразный выбор валюты номинала. Инвесторы, ставящие задачу диверсификации валютных рисков, получили самые разнообразные инструменты для инвестирования.

В статье рассматриваются возможности диверсификации инвестиционного портфеля с помощью современного финансового рынка. Перечислены такие подходы как: покупка иностранной валюты, открытие депозитов в иностранной валюте, покупка ценных бумаг иностранных эмитентов (сегодня имеет ограниченные возможности), покупка акций компаний-экспортеров, чьи доходы зависят от курса иностранной валюты, покупка облигаций российских эмитентов, номинированных в иностранной валюте. Акцент в статье сделан на последнем способе диверсификации – покупке валютных облигаций.

Сегодня сегмент валютных облигаций не является однородным. На рынке ценных бумаг можно приобрести замещающие облигации, еврооблигации, которые не были замещены эмитентом, локальные облигации, номинированные в иностранной валюте.

Инвесторы приобретают валютные облигации по следующим причинам: они дают возможность диверсифицировать портфель по странам и валютам; позволяют снижать валютные риски инвестиционного портфеля; имеют относительно невысокий порог входа, высокую ликвидность, возможность применять льготу на долгосрочное владение и покупать эти инструменты на ИИС, что как правило дает дополнительную доходность.

В статье поставлены задачи: исследовать сегмент валютных облигаций российских эмитентов, предложить подход к анализу всего сегмента (данный подход не исключает возможность анализировать валютные облигации конкретного эмитента) и проанализировать современное состояние рынка валютных облигаций в разрезе замещающих облигаций и локальных валютных облигаций.

Предложенный подход к оценке инвестиционных качеств валютных облигаций включает исследование кривых доходности и G-спредов. С помощью такого краткого анализа инвестор имеет возможность принять решение о выходе на исследуемый рыночный сегмент. Предполагается, что в дальнейшем инвестору следует обратиться к классическому подходу в анализе инвестиционной привлекательности конкретных эмитентов. В статье исследован рыночный сегмент замещающих и локальных валютных облигаций.

Замещающие облигации выпускаются по российскому праву и обращаются только на территории РФ. Сегодня на Московской бирже торгуется 77 выпусков. Большинство выпусков номинировано в долларах США. По замещающим облигациям на май 2025 года сформирована инвертированная кривая доходности, что является признаком рецессии. Анализ G-спредов показал предпочтительное приобретение сегодня среднесрочных облигаций.

В группе локальных валютных облигаций в статье исследуется сегмент квазивалютных облигаций. Здесь анализ кривой доходности показал более благоприятный вариант, чем в случае с замещающими облигациями, но риски все же присутствуют. Оценка кредитных рисков через G-спреды показала, что на данный момент эти риски минимальны (но и доходность можно трактовать как недостаточную).

Ключевые слова: рынок ценных бумаг, облигации, валюта, замещающие облигации, квазивалютные облигации, кривые доходности, риск, спред.

Для цитирования: Попова Е. М., Руденко С. А. Валютные облигации на российском рынке ценных бумаг // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 4. – С. 90–101. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-90>.

Original article

FOREIGN CURRENCY BONDS ON THE RUSSIAN SECURITIES MARKET

E. M. Popova¹, S. A. Rudenko²

Saint-Petersburg State Economic University, Saint-Petersburg, Russia

¹ e-mail: Popova57@mail.ru

² e-mail: svrud2013@yandex.ru

Abstract. Currently, the conditions for investing in instruments denominated in foreign currency are very attractive at first glance. The exchange rate of the national currency has been strengthening for several months in a row, new foreign currency bonds regularly appear on the stock market, borrowers are companies with high credit ratings, the yield in foreign currency looks quite decent, and there is a diverse selection of nominal currencies. Investors who set the task of diversifying currency risks have received a wide variety of investment tools.

The article discusses the possibilities of diversifying the investment portfolio using the modern financial market. The following approaches are listed: buying foreign currency, opening deposits in foreign currency, buying securities of foreign issuers (currently has limited opportunities), buying shares of exporting companies whose incomes depend on the exchange rate of foreign currency, buying bonds of Russian issuers denominated in foreign currency. The article focuses on the latest method of diversification – the purchase of foreign currency bonds. Today, the segment of foreign currency bonds is not homogeneous. Replacement bonds, Eurobonds that have not been replaced by the issuer, and local bonds denominated in foreign currency can be purchased on the securities market.

Investors purchase foreign currency bonds for the following reasons: they make it possible to diversify the portfolio by country and currency; reduce the currency risks of the investment portfolio; have a relatively low entry threshold, high liquidity, the ability to apply long-term ownership benefits and buy these instruments on the AIS, which usually provides additional returns. The article aims to investigate the segment of foreign currency bonds of Russian issuers, propose an approach to analyzing the entire segment (this approach does not exclude the possibility of analyzing foreign currency bonds of a particular issuer) and analyze the current state of the foreign currency bond market in the context of substitute bonds and local foreign currency bonds.

Exchange. Most issues are denominated in US dollars. For replacement bonds, an inverted yield curve has been formed for May 2025, which is a sign of a recession. The analysis of G–spreads showed the preferred purchase of medium-term bonds today.

In the group of local currency bonds, the article examines the segment of non-foreign currency bonds. Here, the yield curve analysis showed a more favorable option than in the case of replacement bonds, but the risks are still present. An assessment of credit risks through G–spreads has shown that at the moment these risks are minimal (but profitability can also be interpreted as insufficient).

Key words: securities market, bonds, currency, substitute bonds, quasi-currency bonds, yield curves, risk, spread.

Cite as: Popova, E. M., Rudenko, S. A. (2025) [Foreign currency bonds on the Russian securities market]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 90–101. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-90>.

Введение

Сегодня, в условиях высоких рисков и сниженных возможностей для прогнозирования, становится особенно важным формирование портфеля активов на основе диверсификации. На данный момент, после разрыва связей НРД с Euroclear и Clearstream, стало меньше возможностей диверсифицировать инвестиционный портфель с помощью выхода на рынки зарубежных стран, но остается и развивается направление инвестирования в инструменты, номинированные в иностранной валюте.

До введения санкций, в России валютная диверсификация осуществлялась с помощью следующих

инструментов:

- иностранная валюта (включая депозиты в иностранной валюте);
- ценные бумаги (акции, облигации, паи) иностранных эмитентов;
- акции компаний – экспортеров;
- национальные облигации, номинированные в иностранной валюте.

Сегодня операции с валютой «недружественных» стран значительно усложнены, депозиты в иностранной валюте не приносят достаточной доходности и с минимальным риском можно инвестировать только в иностранную валюту дружественных стран, в ак-

ции компаний, экспортирующих свою продукцию и выигрывающих от роста курса иностранной валюты, в российские облигации, номинал которых выражен в иностранной валюте.

На май 2025 года ситуация на валютном рынке выглядит вполне благоприятной. С января по май 2025 года российский рубль укрепился к доллару США на 38,8%, в результате чего национальная валюта с большим отрывом заняла первое место в мире среди укрепившихся валют (второе место у шведской кроны с укреплением 14,75%, далее идет чешская крона, которая выросла по отношению к доллару США на 11.1%)¹. Ориентируясь на данные статистики, можно сделать вывод о значительной инвестиционной привлекательности российской валюты и о благоприятном моменте для покупки инструментов, номинированных в иностранной валюте. Тем не менее, учитывая непрозрачность формирования валютных курсов в данный период и значительные риски (прежде всего геополитические), необходимо рассмотреть и другие аспекты, формирующие привлекательность валютных инструментов.

Научная гипотеза и метод исследования

Гипотеза исследования состоит в том, что в условиях проинфляционных рисков, высокой ключевой ставки и укрепляющегося на валютном рынке курса рубля, кажется очевидным высокий потенциал вложений в активы, номинированные в иностранной валюте, что и нуждается в подтверждении. В рамках данной статьи поставим задачу оценить инвестиционные качества инструментов, позволяющих проводить валютную диверсификацию активов. Мы сосредоточимся на облигациях, так как приобретение акций иностранных эмитентов на данный момент существенно затруднено и несет в себе значительные неоправданные риски.

В исследовании были использованы количественные методы, метод классификации, группировки, а также эконометрического анализа. Был применен графический метод, данные визуализированы и представлены в виде диаграмм. Подобная методическая база позволила комплексно рассмотреть динамику показателей инвестиционной привлекательности облигаций, номинированных в иностранной валюте.

Результаты исследования

В последний год валютные облигации показали себя привлекательным инструментом и для инвесто-

ров и для эмитентов. Так только за апрель 2025 года российские компании разместили шесть выпусков на сумму 1,5 млрд долларов (в эквиваленте). Месяцем ранее – в марте объем выпуска составил 1,9 млрд долл., а в феврале 2025 г. – 1,1 млрд долл.² Причина интереса к подобным займам – высокая доходность в иностранной валюте и возможность для эмитентов снизить стоимость заимствований.

Вопросы анализа и перспектив применения различных инструментов рынка ценных бумаг в своих научных работах рассматривали следующие авторы: Анненская Н. Е. [2], Солдатова А. О. [10], Рубцов Б. Б. [7], Ермолова Т. В., Абрахимов А. Б. [12], Калинкина К. Е., Семенова Е. В. [3], Яблонская А. Е., Молчанова В. А. [11].

Исследование вопросов привлекательности облигаций, номинированных в иностранной валюте, в том числе в условиях санкционного давления, отражено в работах Поповой Е. М., Абрамяна С. А. [1], Ленкова И. Н. [4], Сафонова Д. Ю. [9], Руденко С. А. [6; 8], Алтман Е. [13; 14], Фабочки Ф. [15].

В литературных источниках, анализирующих вопросы оценки инвестиционных качеств облигаций, наблюдаются различные подходы к выбору показателей и инструментов исследования. Многие авторы выбирают традиционный подход, при котором оцениваются доходность и риск (дисперсия или стандартное отклонение) и предлагают его совершенствовать. По нашему мнению, необходимо исследовать базовые показатели инвестиционной привлекательности в динамике и использовать сравнение полученных результатов с базовыми значениями (в нашем случае, с инструментами, несущими наименьший риск).

Остановимся на основных финансовых инструментах, номинированных в иностранной валюте.

Облигации с номиналом в иностранной валюте

Основными причинами, побуждающими инвесторов приобретать ценные бумаги, номинированные в иностранных валютах, являются:

- возможность диверсифицировать портфель по странам и валютам;
- снижение валютного риска инвестиционного портфеля;
- относительно невысокий порог входа;
- высокая ликвидность большинства инструментов;
- возможность приобретать облигации на ИИС, что позволяет получить дополнительную доходность;

¹ Официальный сайт РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 09.05.2025).

² Официальный сайт РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 19.05.2025).

– возможность применения льготы на долгосрочное владение (если срок облигации позволяет).

Выделим следующие виды облигаций, позволяющих снизить валютные риски:

- замещающие облигации;
- еврооблигации, эмитенты которых приняли решение осуществлять платежи в рублях через НРД;
- облигации в иностранных валютах (доллары, евро, юани, дирхамы и др.), выпущенные в россий-

ской юрисдикции;

– облигации иностранных эмитентов (могут выпускаться в рублях, но и в этом случае, страновые риски позволяют снижать).

Сосредоточимся на замещающих облигациях и облигациях в иностранных валютах, выпущенных в российской юрисдикции (локальные валютные облигации). Характеристика этих инструментов представлена в таблице 1.

Таблица 1. Характеристика облигаций, номинированных в иностранной валюте (2025 год)

Вид облигаций	Определение	Цель выпуска	Особенности облигаций	Регулирующее законодательство
Замещающие облигации	замещающие облигации – это облигации, выпущенные взамен заблокированных еврооблигаций	восстановление доступа инвесторов к активам. Возможность осуществлять платежи по еврооблигациям	– номинал, срок обращения и периодичность выплат соответствуют замещенным еврооблигациям; – номинал может быть выражен в иностранной валюте и в рублях; – выплаты производятся в рублях по курсу ЦБ РФ	– Указ Президента от 05.07.2022 № 430 – Указ Президента от 22.05.2023 № 364 – Закон от 14.07.2022 года № 292-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»
Локальные валютные облигации	локальные валютные облигации – это облигации российских компаний или Минфина, номинал которых выражен в иностранной валюте	повышение привлекательности для инвесторов, которые имеют возможность получать доход, привязанный к курсу иностранной валюты. Возможность для эмитентов снизить стоимость заимствований	– выплаты производятся в рублях по курсу ЦБ РФ (в единичных случаях по валютным облигациям возможны выплаты в иностранной валюте); – облигации выпускаются в различных валютах (доллары, евро, юани, дирхамы), что позволяет эффективно диверсифицировать инвестиционный портфель	регулируются общим законодательством. Прежде всего ФЗ от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ № О рынке ценных бумаг»

Источник: выполнено на основе Федерального закона «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1992³ и Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, признании утратившим силу абзаца шестого части первой статьи 7 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации и об установлении особенностей регулирования корпоративных отношений в 2022 и 2023 годах» от 14.07.2022⁴

Замещающие облигации

Замещающие облигации выпускаются по российскому праву и обращаются только на территории РФ. Появление нового типа облигаций связано с тем, что после введения экономических санкций, российские эмитенты еврооблигаций не имели технической возможности осуществлять платежи по выпущенным

ценным бумагам. Таким образом, этот тип облигаций прекратит свое существование после истечения сроков выпущенных ранее еврооблигаций. Тем не менее на данный момент рынок замещающих облигаций обширен и предоставляет большие возможности для снижения валютных рисков портфеля.

Сегодня на Московской бирже зарегистрировано

³ Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1992 39-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ (дата обращения: 10.05.2025).

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, признании утратившим силу абзаца шестого части первой статьи 7 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации и об установлении особенностей регулирования корпоративных отношений в 2022 и 2023 годах» от 14.07.2022 N 292-ФЗ. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404893267/> (дата обращения: 10.05.2025).

77 выпусков замещающих облигаций (без учета погашенных выпусков), эмитированных 21 компанией. На рисунке 1 перечислены эмитенты, замещающие облигации которых в 2025 году обращаются на Московской

Бирже. Значимая часть эмитентов имеет по одному выпуску (ФосАгро, Алроса и т. д.). Чемпионом по количеству выпусков традиционно остается ПАО «Газпром» (16 выпусков замещающих облигаций).

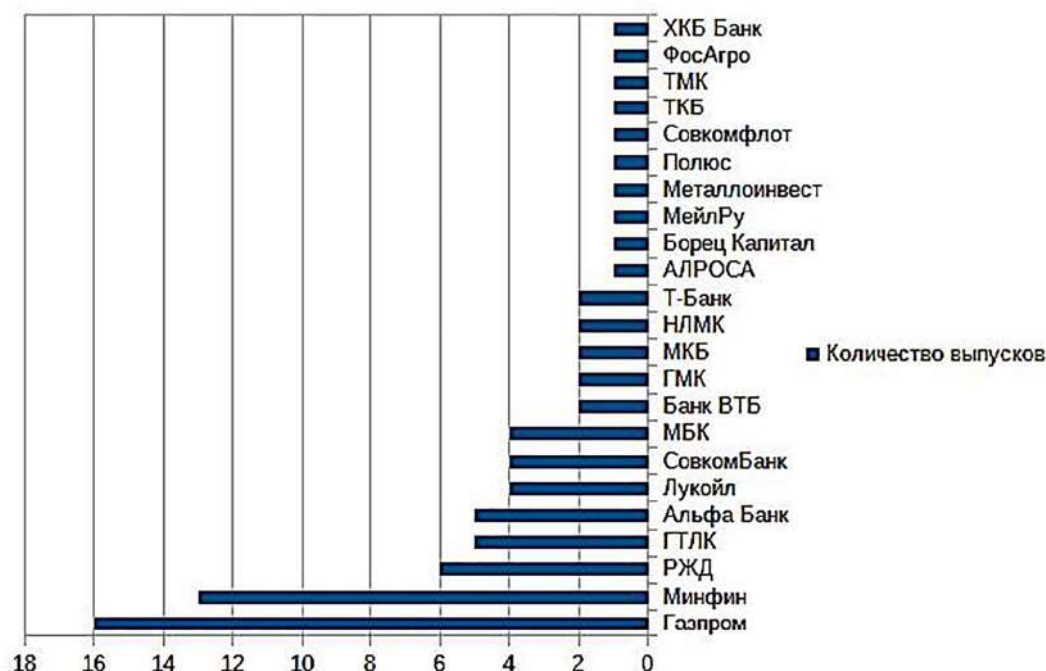

Рисунок 1. Количество выпусков эмитентов замещающих облигаций в штуках (2025 г.)

Источник: данные взяты с официального сайта Московской Биржи⁵

Распределение выпусков замещающих облигаций по валюте номинала выглядит следующим образом, показанном на рисунке 2. Из рисунка видно, что замещающие облигации дают возможность диверсифицировать инвестиционный портфель с использованием трех иностранных валют (доллар, евро, швейцарский франк). Преимущественно рассматриваемые облигации выпускались в долларах США.

С целью оценки инвестиционных качеств замещающих облигаций, рассмотрим взаимосвязь важнейших инвестиционных характеристик облигаций: дюрации и доходности. Построим кривую доходности по основным выпускам замещающих облигаций. Из данных нами удалены экстремальные значения, как не отражающие картину в целом и объясняющиеся сложившейся ситуацией единичных эмитентов. Также удалены выпуски «замещаек» в рублях, так как исследование имеет цель изучения инвестиционных качеств валютных облигаций. Зависимость доходности от дюрации показана на рисунке 3.

На рисунке для большей наглядности нами по-

строена линия тренда, но и без нее можно видеть, что к маю 2025 года замещающие облигации сформировали кривую доходности, близкую к нормальной. Есть некоторое отклонение кривой благодаря нескольким исключениям, которые и сформировали «горб» – точки на графике, расположенные значительно выше линии тренда. Это облигации с дюрацией ниже 1500 дней, среди них замещающая облигация ГТЛК 3028Д (облигация Государственной транспортной лизинговой компании), позволяющая получить доходность 8,42% (максимальное значение в нашей выборке). В классической трактовке «горб» на кривой доходности говорит о возможной нестабильности на рынке в будущем, но мы делаем поправку на незначительное количество (пять штук) облигаций, которые выбиваются из картины «нормальной» кривой.

Таким образом, не смотря на исключения, мы можем сделать вывод, что в секторе замещающих облигаций сложилось нормальное соотношение доходности и дюрации, что, как правило, говорит о стабильной ситуации на рынке.

⁵ Официальный сайт Московской Биржи. – URL: <https://www.moex.com/> (дата обращения: 18.04.2025).

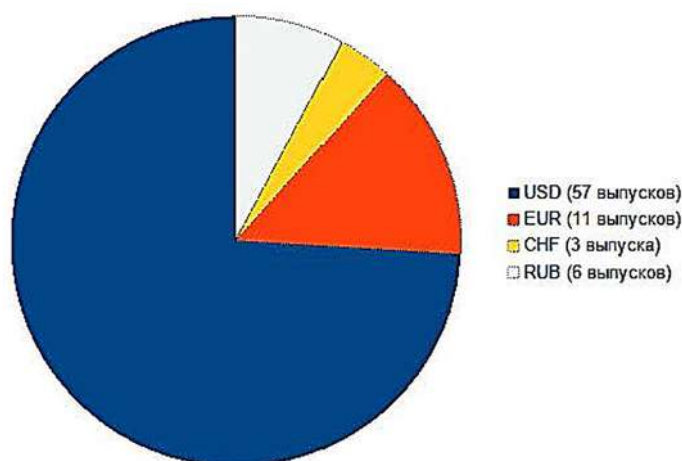

Рисунок 2. Распределение выпусков замещающих облигаций по валютам номинала
Источник: взято с официального сайта Московской Биржи⁵

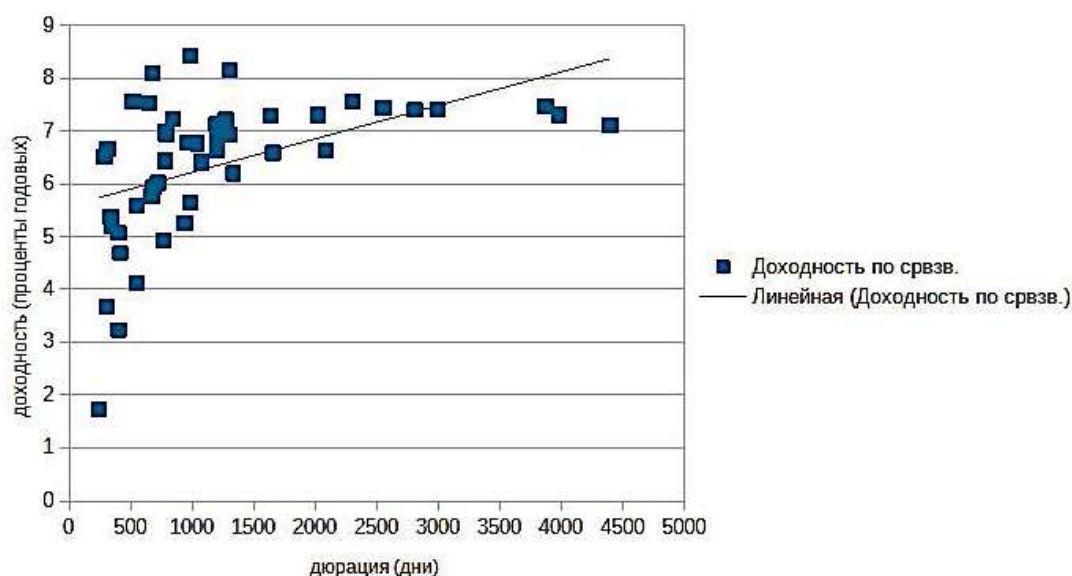

Рисунок 3. Кривая доходности замещающих облигаций (2025 г.)
Источник: данные взяты с официального сайта Московской Биржи⁵

Оценивая уровень риска по замещающим облигациям, будем использовать два показателя:

1. Процентный риск. Он является важнейшим риском инвестирования в облигации. Сегодня он связан, прежде всего, с изменением ключевой ставки ЦБ. По движению ключевой ставки существует множество прогнозов. По нашему мнению, в течение 2025 года ставка не будет повышаться, что стало бы благоприятным фактором для облигаций.

2. Кредитный риск. По нашему мнению, наиболее удобным показателем оценки кредитного риска являются G-спреды.

Для оценки кредитного риска замещающих облигаций оценим G-спред, который представляет собой превышение доходности корпоративных облигаций над доходностью безрисковых инструментов с фиксированной доходностью. В нашем случае сравним доходность корпоративных замещающих облигаций

с доходностью замещающих облигаций Минфина.

Заметим, что рублевая кривая бескупонной доходности на момент написания статьи сформировалась как инвертированная, что является одним из признаков надвигающейся рецессии. Оценим кривую доходности облигаций с долларовой доходностью. В качестве безрисковых инструментов выберем замещающие облигации Минфина и используем полученные результаты для оценки уровня кредитного риска и за-

мещающих корпоративных облигаций и валютных облигаций российских эмитентов. Для построения кривой долларовой доходности нами отобраны следующие облигации Министерства финансов Российской Федерации, показанные в таблице 2.

Для сравнения и последующей оценки кредитного риска в корпоративном сегменте замещающих облигаций подберем облигации с близким сроком до погашения.

Таблица 2. Выборка замещающих облигаций Минфина для расчета G-спредов

Инструмент	Наименование облигации	Валюта номинала	Дата погашения	Дюрация (дни)	Доходность (% годовых)
RU000A105A95	ГазКЗ-34Д	USD	28.04.34	2307	7,87
RU000A105RH2	ГазКЗ-37Д	USD	16.08.37	3000	7,7
RU000A107EL8	НЛМКЗО26-Д	USD	30.05.26	402	6
RU000A108TV3	АЛРОСЗ027Д	USD	25.06.27	777	7,25
RU000A107CX7	ГТЛК ЗО28Д	USD	26.02.28	985	9,33

Источник: данные взяты с официального сайта Московской Биржи⁵

В связи с относительно небольшим количеством выпусков замещающих облигаций удалось подобрать пять инструментов, показанных в таблице 3.

Таблица 3. Корпоративные замещающие облигации, номинированные в долларах США (2025 г.)

Инструмент	Наименование облигации	Валюта номинала	Дата погашения	Дюрация (дни)	Доходность (% годовых)
RU000A10A7Y8	РФ ЗО 35 Д	USD	28.03.35	2811	7,66
RU000A10A802	РФ ЗО 42 Д	USD	04.04.42	3882	7,28
RU000A10A810	РФ ЗО 26 Д	USD	27.05.26	399	5,95
RU000A10A844	РФ ЗО 47 Д	USD	23.06.47	4383	7,69
RU000A10A851	РФ ЗО 27 Д	USD	23.06.27	766	5,98
RU000A10A869	РФ ЗО 28 Д	USD	24.06.28	984	6,47

Источник: данные взяты с официального сайта Московской Биржи⁵

Построим точечный график на рисунке 4, характеризующий зависимость доходности облигаций от их срока. Построенный график ожидаемо показывает превышение доходности корпоративных замещающих облигаций над доходностью аналогичных по срокам государственных замещающих облигаций

Из графика видно, что наибольший G-спред характерен для среднесрочных инструментов (около 3 лет). Краткосрочные и долгосрочные облигации на данный

момент имеют небольшой уровень кредитного риска.

Если инвестор ставит своей целью избегание риска, то из проведенного анализа можно сделать следующий вывод: используя выбранный инструментальный исследования, на данный момент оказались наиболее привлекательны краткосрочные и долгосрочные замещающие облигации. Если же цель инвестора получение максимального дохода – стоит обратить внимание на среднесрочные облигации.

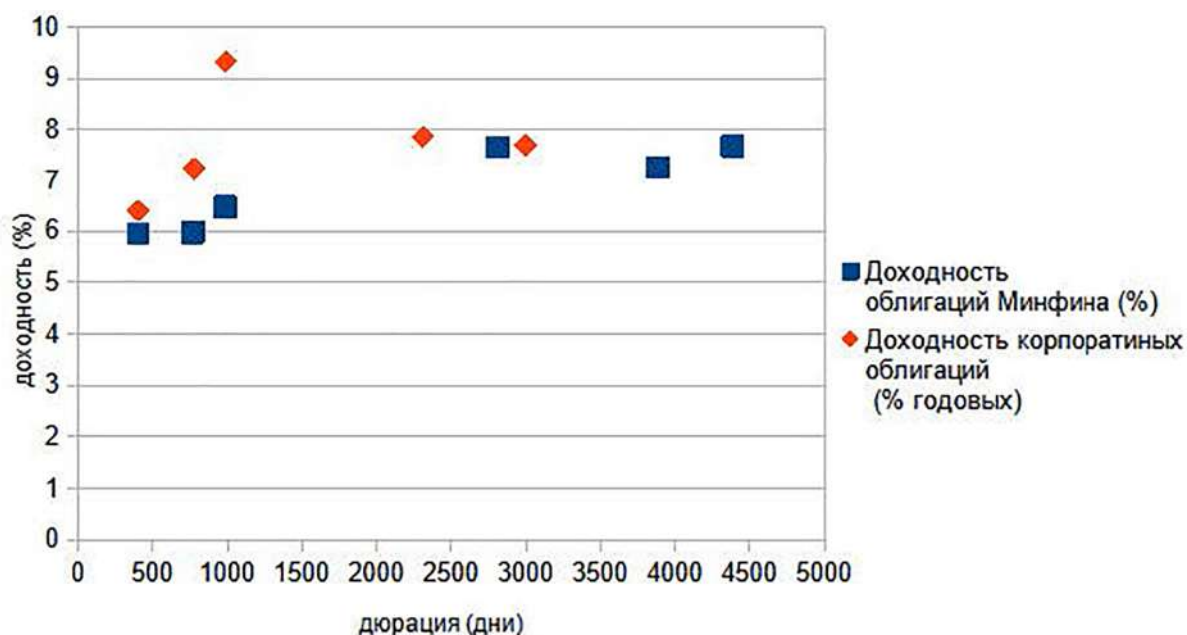

Рисунок 4. Оценка G-спреда между замещающими корпоративными и государственными облигациями
 Источник: данные взяты с официального сайта Московской Биржи⁵

Локальные валютные облигации

Локальные валютные облигации для целей статьи разделим на две группы:

1. Валютные облигации, имеющие номинальную стоимость в иностранной валюте, предусматривающие выплаты в этой же валюте.
2. Квизивалютные облигации, имеющие номинал в иностранной валюте, но предусматривающие расчеты в рублях.

Исследуя валютные облигации из первой группы, отметим, что выплаты в иностранной валюте осуществляются, прежде всего, по облигациям в юанях. Это очень ограниченный набор инструментов, по которым периодически эмитент в одностороннем порядке меняет валюту расчетов с юаней на рубли. Так, 17.09.2024 «Славянск ЭКО» объявил о выплате доходов в рублях по юаневым облигациям выпуска 001P-03Y, расчеты по которому согласно эмиссионным документам должны были производиться в юанях. С теми же проблемами столкнулись владельцы облигаций МФК «Быстроденьги» (облигация 002P-01) и Совкомфлот (облигация 00P-01). Подобная вольная трактовка эмитентами эмиссионных документов серьезно нарушает права инвесторов и снижает качество валютной диверсификации. По поводу ситуации с облигациями «Славянск ЭКО» Московская биржа обратилась в ЦБ РФ с требованием урегулировать ситуацию. Подробно материал об

оценке инвестиционных качеств юаневых облигаций изложен в статье «Облигации российских компаний в юанях: новые возможности для инвестирования» [8]. Общий вывод исследования – инвестиции в эти облигации не всегда являются оправданными, а новая практика осуществления расчетов не добавляет привлекательности этому инструменту.

Второй тип облигаций имеет меньшую (по сравнению с классическими валютными облигациями) ценность при осуществлении валютной диверсификации, так как выплаты осуществляются в рублях в строго установленные даты по курсу ЦБ РФ, сложившемуся на этот момент, и инвестор не имеет возможности реализовать собственную стратегию по получению прибыли от изменения валютных курсов.

Сосредоточимся на наиболее массовом сегменте валютных облигаций – облигациях, номинированных в иностранной валюте с расчетами в рублях (квизивалютные облигации).

Как и в случае с замещающими облигациями, построим кривую доходности этих облигаций на рисунке 5. Мы видим похожую картину – сформировалась горбатая кривая. В этом случае прогнозы благоприятнее, чем если бы мы получили инвертированную кривую доходности, но ситуация все же сопряжена со значительным риском.

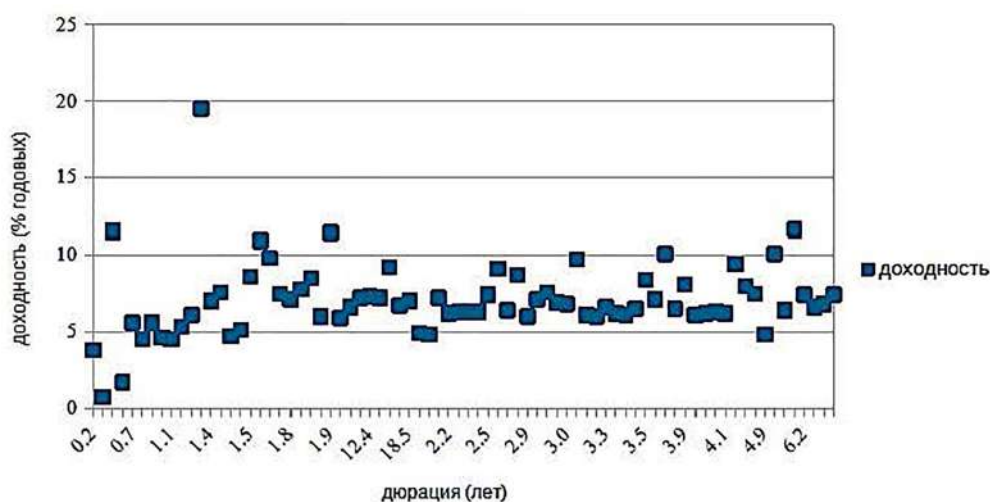

Рисунок 5. Кривая доходности квазивалютных облигаций (2025 г.)
 Источник: данные взяты с официального сайта Московской Биржи⁵

Для оценки кредитного риска на рисунке 6 также построим G-спред.

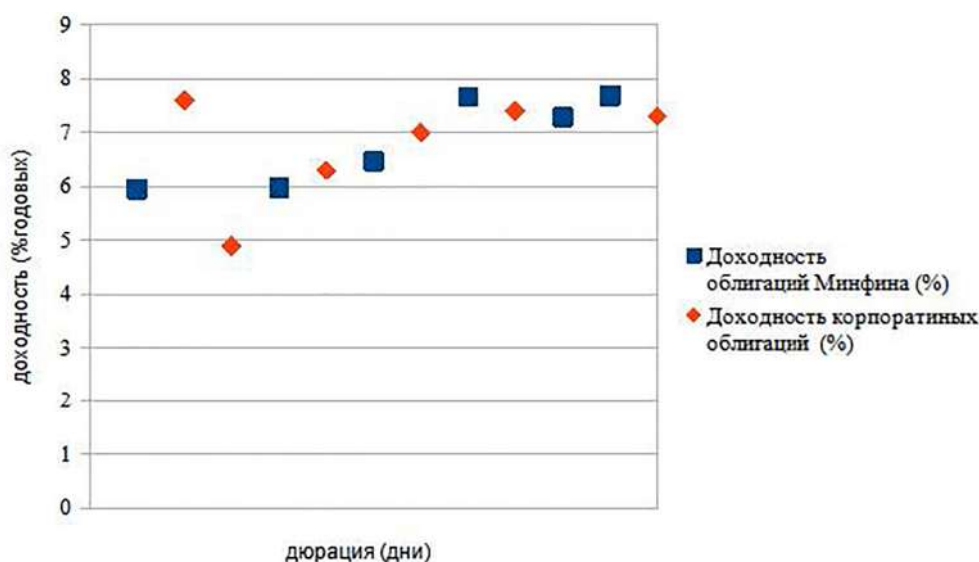

Рисунок 6. Оценка G-спреда между квазивалютными корпоративными облигациями и государственными валютными облигациями

Источник: данные взяты с официального сайта РБК⁶

Из рисунка видно, что на данный момент кредитный риск минимален. Облигации ПАО «Лукойл» (Лукойл 27) имеют доходность (4,9% годовых) даже ниже доходности государственных инструментов. Таким образом, G-спред квазивалютных облигаций отражает минимальный уровень риска даже по срав-

нению с риском замещающих облигаций.

Заключение

В рамках статьи авторами использовался ограниченный набор инструментов исследования, возможность применения которых была показана на базе

⁶ Официальный сайт РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 19.04.2025).

данных российского фондового рынка. Полноценный анализ (обычно с целью предоставления инвестиционных рекомендаций) включает более обширный набор методов и подходов к анализу и прогнозированию, однако таких целей в статье не ставилось. Проведенный анализ показал, что кривые доходности рассмотренных инструментов сигнализируют о высокой неопределенности рынка и, прежде всего, о неопределенности ожиданий участников рынка. Кредитные риски замещающих и локальных валютных облигаций низкие, что можно объяснить высоким качеством эмитентов, большинство которых являются крупными компаниями с высоким инвестиционным рейтингом. В целом, анализ показывает, что к маю 2025 года сложилась благоприятная ситуация для инвестирования в облигации, номинированные в валюте. На данный момент с задачей снижения

валютного риска облигации справляются, не принося в портфель инвестора дополнительный риск. Общерыночный (систематический) риск, связанный с неопределенностью рыночной ситуации в целом, характерен для всего финансового рынка и на данный момент избежать или сократить его не представляется возможным.

Проведенное исследование позволяет обобщить теоретический и практический опыт оценки инвестиционных качеств инструментов с фиксированной доходностью на примере валютных облигаций. Для анализа были использованы методы, позволяющие выявить сформировавшиеся тенденции в части доходности и риска выбранного сегмента фондового рынка. Вместе с тем анализ позволяет сделать выводы и в отношении отдельных инструментов (здесь – валютных облигаций).

Литература

1. Абрамян С. А., Попова Е. М. Прецедент появления замещающих облигаций: крайняя мера или новый финансовый инструмент // С. А. Абрамян [и др.] Финансовый рынок в условиях структурной трансформации экономики: монография. – СПб.: изд-во СПбГЭУ. – 2023. – С. 80–86.
2. Анненская Н. Е. Влияние секьюритизации и дезинтермедиации на трансформацию институтов фондового рынка // Финансы, деньги, инвестиции. – 2024. – № 1 (89). – С. 11–16. – EDN: MDUVRZ.
3. Калинкина К. Е., Семенкова Е. В. Актуальные аспекты анализа российского рынка облигаций // Финансы, деньги, инвестиции. – 2024. – № 3 (91). – С. 37–42. – EDN: ZAJHEQ.
4. Ленков И. Н. Роль замещающих облигаций в условиях санкционных ограничений // Сберегательное дело за рубежом. – 2023. – № 2. – С. 56–64. – https://doi.org/10.36992/2782-5949_2023_2_56. – EDN: MKAEGK.
5. Попова Е. М., Абрамян С. А. Особенности инвестирования на рынке государственных заимствований // Банковское дело. – 2024. – № 10. – С. 72–76. – EDN: CBFQCK.
6. Попова Е. М., Руденко С. А. Инвестиционная активность частного инвестора: риски и стимулы // Банковские услуги. – 2021. – № 6. – С. 26–33. – https://doi.org/10.36992/2075-1915_2021_6_26. – EDN: RWQKJJ.
7. Рубцов Б. Б. Перспективы привлечения иностранного капитала на российский фондовый рынок в условиях санкций // Банковские услуги. – 2024. – № 10. – С. 14–22. – https://doi.org/10.36992/2075-1915_2024_10_14. – EDN: BJQXCB.
8. Руденко С. А. Облигации российских компаний в юанях – новые возможности для инвестирования // Финансовый бизнес. – 2022. – № 11 (233). – С. 180–183. – EDN: HEDCQT.
9. Сафонов Д. Ю. Проблематика оценки доходности к погашению валютных облигаций российских эмитентов в современных экономических условиях с использованием модели Нильсена-Сигеля на примере суверенных облигаций РФ в долларах США // Финансовая экономика. – 2024. – № 10. – С. 156–159. – EDN: REOIYA.
10. Солдатова А. О. Оценка эффективности стратегии «всепогодного» портфеля для пассивного инвестирования // Сберегательное дело за рубежом. – 2022. – № 3. – С. 47–57. – EDN: LKTQPF.
11. Яблонская А. Е., Молчанова В. А., Третьякова И. Н. Актуальные тенденции сбережений домашних хозяйств // Финансы, деньги, инвестиции. – 2025. – № 1 (93). – С. 27–35. – https://doi.org/10.36992/2222-0917_2025_1_27. – EDN: QPCAUK.
12. Abrakhimov A. B., Ermolova T. V. Replacement bonds are a new currency instrument on the Moscow stock exchange // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения. Сборник научных статей 14-й международной научно-практической конференции. Курск.: изд-во ЗАО «Университетская книга». – 2024. – С. 10–16. – EDN: FKKYQY.
13. Altman E. I., Nammacher S. A. (1987) Investing in Junk Bonds: Inside the High Yield Debt Market. – New York : BeardBooks. . – pp. 280. (In Eng.).
14. Altman E. I., Rijken H. A. (2004) How Rating Agencies Achieve Rating Stability. *Journal of Banking & Finance*. – Vol. 28. No. 11, – pp. 2679–2714. (In Eng.).

15. Fabozzi F. J. (2021) *The Handbook of Fixed Income Securities*. – New York: McGraw-Hill Education. – pp. 354–373. (In Eng.).

References

1. Abramyan, S. A., Popova, E. M. (2023) *Finansovyj rynok v usloviyah strukturnoj transformacii ekonomiki* [The financial market in the context of the structural transformation of the economy]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 193 p.
2. Annenskaya, N. E. (2024) [The impact of securitization and disintermediation on the transformation of stock market institutions]. *Finansy, den'gi, investitsii* [Finance, money, investments]. Vol. 1 (89), pp. 11–16. (In Russ.).
3. Kalinkina, K. E., Semenkova, E. V. (2024) [Current aspects of the analysis of the Russian bond market]. *Finansy, den'gi, investitsii* [Finance, money, investments]. Vol. 3 (91), pp. 37–42. (In Russ.).
4. Lenkov, I. N. (2023) [The role of substitute bonds in the context of sanctions restrictions]. *Sberegatel'noye delo za rubezhom* [Savings business abroad]. Vol. 2, pp. 56–64. (In Russ.).
5. Popova, E. M., Abramyan, S. A. (2024) [Features of investing in the government borrowing market]. *Bankovskoye delo* [Banking]. Vol. 10, pp. 72–76. (In Russ.).
6. Popova, E. M., Rudenko, S. A. (2021) [Investment activity of a private investor: risks and incentives]. *Bankovskie uslugi* [Banking services]. Vol. 6, pp. 26–33. – https://doi.org/10.36992/2075-1915_2021_6_26. (In Russ.).
7. Rubcov, B. B. (2024) [Prospects for attracting foreign capital to the Russian stock market in the face of sanctions]. *Bankovskie uslugi* [Banking services]. Vol. 10, pp. 14–21. – https://doi.org/10.36992/2075-1915_2024_10_14. (In Russ.).
8. Rudenko, S. A. (2022) [Bonds of Russian companies in yuan – new investment opportunities]. *Finansovyy biznes* [Financial business]. Vol. 11 (233), pp. 180–183. (In Russ.).
9. Safonov, D. Yu. (2024) [The problem of assessing the yield to maturity of foreign currency bonds of Russian issuers in modern economic conditions using the Nielsen-Siegel model on the example of sovereign bonds of the Russian Federation in US dollars]. *Finansovaya ekonomika* [Financial economics]. Vol. 10, pp. 156–159. (In Russ.).
10. Soldatova, A. O. (2022) [Evaluating the effectiveness of an all-weather portfolio strategy for passive investment]. *Sberegatel'noye delo za rubezhom* [Savings business abroad]. Vol. 3, pp. 47–57. (In Russ.).
11. Yablonskaya, A. E., Molchanova, V. A., Tret'yakova, I. N. (2025) [Current trends in household savings]. *Finansy, den'gi, investitsii* [Finance, money, investments]. Vol. 1 (93), pp. 27–35. – https://doi.org/10.36992/2222-0917_2025_1_27. (In Russ.).
12. Abrakhimov, A. B., Ermolova, T. V. (2024) [Replacement bonds are a new currency instrument on the Moscow stock exchange]. *Upravlenie social'no-ekonomicheskim razvitiem regionov: problemy i puti iz resheniya. Sbornik nauchnyh statej XIV mezhdunarodnoj nauch.-prakt. Konfi.* [Managing the socio-economic development of regions: problems and solutions. Collection of scientific articles of the 14th International Scientific and Practical conf.]. Kursk.: publishing house of CJSC «University Book», pp. 10–16. (In Eng.).
13. Altman, E. I., Nammacher, S. A. (1987) *Investing in Junk Bonds: Inside the High Yield Debt Market*. New York : BeardBooks, pp. 280. (In Eng.).
14. Altman, E. I., Rijken, H. A. (2004) *How Rating Agencies Achieve Rating Stability*. *Journal of Banking & Finance*. Vol. 28, No. 11, pp. 2679–2714. (In Eng.).
15. Fabozzi, F. J. (2021) *The Handbook of Fixed Income Securities*. New York: McGraw-Hill Education, pp. 354–373. (In Eng.).

Информация об авторах:

Екатерина Михайловна Попова, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4771-920X

e-mail: Popova57@mail.ru

Светлана Анатольевна Руденко, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры банков, финансовых рынков и страхования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID iD: 0000-0002-1402-7672

e-mail: svrud2013@yandex.ru

Вклад соавторов:

Попова Е. М. – 50%;

Руденко С. А. – 50%.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию: 14.05.2025; принята в печать: 01.07.2025.

Авторы прочитали и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Ekaterina Mikhailovna Popova, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Banks, Financial Markets and Insurance, Saint-Petersburg State Economic University, Saint-Petersburg, Russia

ORCID iD: 0000-0003-4771-920X

e-mail: Popova57@mail.ru

Svetlana Anatolyevna Rudenko, Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Banks, Financial Markets and Insurance, Saint-Petersburg State Economic University, Saint-Petersburg, Russia

ORCID iD: 0000-0002-1402-7672

e-mail: svrud2013@yandex.ru

Contribution of the authors:

Popova E. M. – 50%;

Rudenko S. A. – 50%.

There is no conflict of interest.

The paper was submitted: 14.05.2025.

Accepted for publication: 01.07.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Original article

UDC 130.2; 316.77

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-102>

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF POSTHUMAN COMMUNICATIONS IN VIDEO GAMES: GAMERS, TECHNO-BIO-OBJECTS AND THE MOVEMENT OF AFFECTS

A. A. Denikin

Institute of Cinema and Television (GITR), Moscow, Russia

e-mail: oficial@list.ru

Abstract. The article presents the philosophical foundations for understanding human-machine interactions in video game reception. A popular form of entertainment – video games are considered in the context of the so-called «nonhuman turn», within the framework of the ideas of posthumanism and New Materialism. Video game reception is determined by the affects circulating between objects and human bodies. The appeal to philosophy of affects and affective states allows us to consider them not only as special psychological states, but also as a communicative means and an essential condition of modern media communications. By performing game actions, gamers enter into a kind of assemblages with game objects and other players, in which affective forces circulate, forming «techno-bio-objects». Each game, each game mission creates an invariant of the player's «build» in a specific situation. The gamer's «body» is formed in relation and through the relationships of other bodies and is a partially organic, partially inorganic formation that arises through building connections with game objects and processes. It is argued that affects can be considered as a special way of perception of game techno-bio-objects. Affect and human intelligence work together in video game activities. The actions of gamers enhance the movements of affect, and the affects themselves can influence the thinking and actions of players. It is concluded that affect is involved in video game reception, which provides new opportunities for human communication and self-realization. Affective communication in video games could contribute to the formation of special human thinking skills by operating with invariants of the possible. Philosophical posthumanism partly explains the video game practices of creating body-object assemblages and affective attunements.

Key words: video games, posthumanism, posthuman communication, techno-bio-object, gameplay, affect, affective communication.

Cite as: Denikin, A. A. (2025) [Philosophical aspects of posthuman communications in video games: gamers, techno-bio-objects and the movement of affects]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 102–109. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-102>.

Научная статья

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В ВИДЕОИГРАХ: ГЕЙМЕРЫ, ТЕХНО-БИО-ОБЪЕКТЫ И ДВИЖЕНИЕ АФФЕКТОВ

А. А. Деникин

Институт кино и телевидения (ГИТР), Москва, Россия

e-mail: oficial@list.ru

Аннотация. В статье намечены философские основания для осмысления человеко-машинных взаимодействий в видеоигровой рецепции. Популярная форма развлечений – видеоигры рассматриваются в контексте так называемого «нечеловеческого поворота», в рамках идей постгуманизма и Нового материализма. Указывается, что видеоигровая рецепция сопровождается движением аффектов, циркулирующих между игровыми объектами и человеческими телами. С опорой на современные философские и культурологические исследования аффекты и аффективные состояния рассматриваются не только как особые психологические состояния, но

и как коммуникативное средство и существенное условие современных медиакоммуникаций. Выполняя игровые действия, геймеры совместно с игровыми объектами и другими игроками вступают, в своего рода, ассамбляжи, образуя игровые «техно-био-объекты». Каждая игра, каждая игровая миссия создаёт инвариант сборки игрока в конкретной ситуации. Игровое «тело» геймера формируется в отношениях и через отношения других тел и представляет собой частично органическое, частично неорганическое образование, возникающее через выстраивание связей с игровыми объектами и процессами, в которых циркулируют аффективные силы. Утверждается, что аффектированные взаимодействия можно рассматривать как особый способ интуитивного «мышления» в процессах воплощения игровых техно-био-объектов. Аффект и человеческий интеллект работают совместно в видеоигровой деятельности. Действия геймеров усиливают движения аффекта, а сами аффекты могут влиять на мышление и действия игроков. Делается вывод о том, что движение аффекта в видеоигровой рецепции обеспечивает новые возможности для человеческого общения и самореализации. Постчеловеческие коммуникации в видеоиграх могли бы способствовать формированию особых навыков человеческого мышления с помощью оперирования инвариантами возможного. Постгуманистическая философия отчасти объясняет видеоигровые практики создания телесно-объектных ассамбляжей и аффективных сонастроек.

Ключевые слова: видеоигры, постгуманизм, постчеловеческая коммуникация, техно-био-объект, геймплей, аффект, аффективные коммуникации.

Для цитирования: Denikin, A. A. (2025) [Philosophical aspects of posthuman communications in video games: gamers, techno-bio-objects and the movement of affects]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 102–109. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-102>.

Introduction

Video games have become extremely popular and are now considered to be a favorite form of entertainment and leisure activities among people of all ages.

In the technical sense, «video games» can be defined as software running on special equipment (computer, game console, portable electronic device), serving to organize a gameplay, communicate with game partners, or act as a partner for gamers. The term «video game» includes both console, arcade, portable, and computer games [5, p. 54].

Games are still perceived as entertainment, as «toys», but attitudes towards them are changing: experimental learning methods involving video games are emerging, video games are becoming part of the real economy, becoming platforms for distributing diverse media content, and revealing their wide communication potential. Video games are considered to be a means of communication, socialization, demonstration of skills, creativity and even accumulation of philosophical ideas [25, p. 33; 13, p. 22]. Some researchers claim that digital games provoke hot debates among players and develop critical thinking [15, p. 123].

Video games generate and transmit information, ideas, and values. For example, by teaching players certain ways of reacting and acting, video games in the genre of first-person shooters convey certain ideological attitudes to gamers, quest games train the ability to quickly find optimal solutions, and video games in the genre of strategy can teach players how urban planning works, how to manage a virtual kingdom.

Moreover, video games provide players with information not only of a developmental, educational, artistic or

aesthetic nature, but also with specific information that gives gamers the opportunity to experience what a person could not feel in real life, and what is very difficult to implement in any other media formats.

For example, the video game «Hærfest» (Breda University of Applied Sciences, 2009) give players a general idea of what it's like to be a bat, thanks to the developed synesthetic design, visual indicators, special sounds and color filters. In addition, in the game «Mark of the Ninja» (Klei Entertainment, 2012), a form of synesthetic perception unusual for humans is practiced, when audio information is transmitted using visual images.

It is symptomatic that video game researchers are increasingly interested in the modes of generation and circulation of video game information that go beyond only narrative, technical and mechanical game specifics and allow them to detect communication processes outside the sphere of applied human tasks – such as video game interactions that can be attributed to *posthuman communications*.

By *posthuman communication*, I mean the unification of digital, physical and biological entities (objects), as a result of which unusual ways of transmitting information and nonverbal types of communications are formed in the mutual influences or «intra-actions» (as the philosopher Karen Barad writes about them) [9] of these heterogeneous actors.

This follows in the mainstream of modern humanitarian thought, where the concept of the «inhuman turn» is becoming more and more clearly evident, which includes «more-than-human», transhuman and posthuman theories, and trends of new materialism (J. Bennett, K. Barad), speculative realism (R. Brassier, K. Meillassoux), object-

oriented philosophy (G. Harman, L. Bryant, T. Morton), actor-network theory (Br. Latour), theory of affect (G. Deleuze, B. Massumi), animal studies (D. Haraway), theory of assemblage (G. Deleuze, M. De Landa, B. Latour), neurobiological and cognitive theories, artificial intelligence research, new media theory, neovitalism, and others. Although these theories differ in their approaches and argumentations, they are generally united in their rejection of such fundamental logical oppositions as human/non-human, subject/object, natural/human.

The «posthuman subject» acts as a relative subjectivity without beginning and without end: it is represented only by its uncertainty and possible variants of its own transformation, through connections and interactions with digital technologies and other communication actors. Forms of «individual identity» (represented on Facebook, Myspace, LinkedIn, discussion forums, chat rooms, or online games), as well as new forms of network collectives (MUD and MOO, etc.) partially realize this posthuman form of constructed subjectivity, based on the growing relationship between people, media, and technology.

The concept of «posthuman» [3, pp. 177–178] is defined as a hybrid entity in a transitional state between a human and a non-human. Mutation and change occupy a central place in the understanding of the «posthuman», fixing human identity, mediated by technology, and the inevitability of constant modification of the human body, when the «I» can become «different» depending on circumstances, needs and situations. The posthuman «body» is a body augmented by technology, a body in an incessant cycle of reconfiguration and redefinition of what it means to be human.

Posthumanism ideas have recently attracted more and more attention from video game researchers. Their range of interests is wide: from consideration of aspects of the manifestation of the inhuman in video games [33, p. 11–12; 34, p. 105–115] and methods of video game research based on Latour's actor-network theory [18, 24] to the use of the conceptual apparatus of object-oriented ontology (OOO) in determining computer and game objects [10, p. 96–99; 14, p. 4–5].

Researchers are turning to the idea of «cyborgization» as a technological unification of man and machine. Thus, O' Riordan [30, p. 236] discovers that in the video game *Tomb Raider* (1996), the gamer ceases to distinguish the boundaries between himself and the avatar of Lara Croft's character so much that we can talk about the formation of united «cyborg subjectivity» between them.

In a transhumanistic way, researchers consider game avatars to be an extension of a gamer's body in a gaming environment. Moreover, in video games themselves, mutants, cyborgs, and characters with extraordinary abilities are often found as avatar characters. Controlling such an

avatar provides players with new physical and practical opportunities in the game world.

Researchers demonstrate how, with the help of visual effects (for example, when the screen simulates the situation of blinding an avatar or «clouded» consciousness), video games change the way a person perceives their own body – the cyborg-human body [26, p.159–162]. J. P. Gee argues that through game avatars, gamers project their hidden desires onto the game world and the objects in it [17, p. 259]. But he further clarifies that this is a two-way process, and players often unknowingly obey the guidelines and objectives of the game itself.

The posthuman approach is also seen in the definition of video games by researcher Alexander Galloway, as the actions of not only human operators, but also equally the actions of machines [16, p. 5]. Galloway gives an example of cases when a computer does not always respond to human actions as expected, but functions independently in the so-called machine «actions of the environment» («ambience acts») – the moments when a digital game «plays» on its own, without the active participation of the gamer.

As part of the posthumanist approach, some authors turn to actor-network theory (ANT) [13; 19].

In 2008, at a conference on philosophical issues of video games, Jan Bogost made a presentation entitled «The Phenomenology of video games», in which he called for a discussion of the «Alien Phenomenology», which is the possibility «to understand how the myriad objects that constitute videogames relate to one another» [11, p. 32.] Bogost noted that the study of video games has historically unfairly favored an autonomous player who «freely» chooses how to act «inside» the virtual world. The researcher proposed discussing the possibilities of phenomenology in connection with object-oriented and speculative realism approaches in order to identify how video games construct worlds in which gamers are only one aspect in the processes of program functioning.

When considering video games, these researchers propose a very unusual approach: to go beyond human interests and values and instead look at game events from the point of view of the game itself, internal software processes and hardware interactions. This requires the presentation of video games as artifacts that organize the processes of techno-material interactions.

The purpose of this article is to consider the communication capabilities of human-machine interactions in video game reception; based on posthumanism, to define affect in video games as a specific communicative means.

Various philosophical and cultural theories of affect, as well as examples of affective human-machine interactions in video game reception are chosen as the *object of research*. Special attention is paid to video games as the clearest example of working with affects.

The posthuman voices of game «techno-bio-objects»

Video games, as a product of digital technoculture and also as an example of the practical application of digital technologies, modeling techniques and software, function through algorithmic organized interactions between humans and computers. A video game is interesting because it consists of emergent, partly spontaneous processes of implementing strategies and actions of gamers who try to predict, neutralize or circumvent the reactions of the game program and/or other gamers.

Gameplay is not a quality inherent in the video game itself, but an improvisational aspect of the interaction between the game system and the behavior of the players. Gameplay is how a video game is played, being limited by the rules of the game and determined by the dynamic relationships that arise when players interact with these rules. Therefore, the gameplay of a particular video game cannot be understood without the experience of the game itself, without familiarizing yourself with the game system, its dynamics, rules and features.

Video games offer the experience of simultaneous activity/physical action of a gamer and observation of their own activity and its results. This feature fundamentally distinguishes video game communication from spectator communication in cinema, theater, music, literature, etc., where the screen boundary, ramp, platform, binding of a material medium, etc. are always clearly marked. The use of kinesthetic and human physical action in video games, along with visual and auditory channels of perception, makes it possible to actualize the processes of joint activity and the realization of human-machine symbiosis as a powerful communication tool.

A video game is a process of constantly changing game conditions, situations, and results of actions, demonstrating the redistribution of control between a person and game objects, between a player and a machine. The video game device and the gamer are connected by circulating cybernetic feedback loops, in which the player's body combines with technology, expands and reconfigures.

Video games function as a kind of interweaving of human and non-human activities, each of which contributes to the gameplay. For example, players constantly influence the visual representation of the game space and the objects in it because of collecting resources, eliminating enemies, and solving puzzles. In turn, video game objects and events affect players on a cognitive or emotional level, when during the game the user is required to make difficult choices, for example, sacrificing or saving non-player characters or other players.

Players and video games «shape» each other through mutual activation, and each of them would not be able to do this without the activity of the other. Both human and

non-human actors take part in this qualitatively new unity. Within this process, there is a continuous struggle over which side, human or non-human, will gain an advantage over the other: either the player/actor dominates the game object and uses it at his discretion or the object/ game imposes certain conditions on the person and restricts his actions in the game.

When a player is skilled at completing game tasks, they can be said to be in a dominant position. However, when the level of the game becomes too difficult to overcome, the initiative passes to the game object. This kind of «rivalry» is especially noticeable when a player tries to violate the programming rules of the game itself, for example, by illegally hacking the game code, using cheat codes, or glitching game failures. If in the first case we are talking about establishing human dominance over the game object, then in the second case we are talking about the self-manifestation of the digital «matter» of the game itself: glitches, failures of unplanned and unexpected stops, etc.

In this sense, the theory of «agential realism» by the American philosopher Karen Barad [9] can be useful for video game research. The gameplay of the game can be interpreted in K. Barad's terminology as a dynamic force of «intra-actions», which constantly changes in intensity, which leads to a reconfiguration of the boundaries between the player and the game and changes in the properties of the player and the game. In what is happening in video games, neither the gamer nor the game makes sense without the very practice of gameplay, as a space for their joint intra-actions. Meanings are not conveyed by the video game and are not contained in the game itself, but are formed through the game in «material-discursive» practices (Barad) because of the joint activity of a person, gaming devices and software objects.

The player and the game objects exist within a complex, multi-agent network of relationships, where autonomous actors define each other's boundaries and properties on a material level, working together but remaining relatively independent.

As a result, video games organize the action of assemblages of forces and intensities, special states of varying and mutating «protosubjectivity» [20, p. 8], which belongs neither to the player nor the machine, but to a network of interacting components. This can be explained from the standpoint of *relational philosophy*. [21; 22; 27; 28], that is, a theoretical form of reflection that asserts the interconnectedness and embeddability of all entities in the joint processes of becoming. Relationality indicates the mutual influence of dynamic systems formed by people, machines, protocols, technologies, society and culture.

In video game activity, a gamer, having fully mastered the mechanics of the game, ceases to pay attention to both

the small details of interface management and the external attributes of game images and begins to instinctively interact with the game world, as if the interface were a continuation of its bodily embodiment, a kind of «prosthesis».

The video game researcher J. Janik, using director T. Kantor's idea of a theatrical «bio-object» and the concept of «intra-actions» by K. Barad, calls this state a video game «bio-object»: «the bio-object is neither the object/game nor the actor/player. It emerges due to the actions of both, and connects them on the level of their different materialities (respectively both digital and physical) through performative, meaning-generative processes (or intra-actions). In order for this to happen, human and non-human actants need to remain linked but distinct <...> «constituting the bio-object, the human being does not transcend their human condition, and the game object does not stop being a digital object» [23, p. 1–2].

Thus, posthuman communication makes it possible to «feel» the voice of the game's «techno-bio-object». Video game analysis helps to understand how the game object and the player do not only influence each other, but form a symbiosis in the process of creating «meanings» in video game communication.

Moreover, although the moments of this machine-human symbiosis are temporary and unstable, they are embodied in the form of a gaming experience with real results and consequences. There is no shortage of examples of such material-discursive practices: this includes game-play itself, and all kinds of creative interactions between fan-gamers within the framework of fan fiction, fan art, amateur videos, and even activities in the form of comments from gamers on forums and discussion boards on the Internet.

It can be assumed that video game communications are not limited to the implementation of in-game tasks and meanings. Communication in video games is also built through material-discursive practices and intra-actions, and its result is the constant updating of objects and processes in order to realize the possible, which is in the potency of its embodiment. The processes of reaching the possible for gamers and game objects are a significant part of the content of video game communication. Differentiation of the possible, manifested through gaming activities, can be considered as a value, in addition to the narrative, technical, human, and semiotic aspects of video games that are familiar to researchers.

In this case, game meanings and feelings are not those that arise in a person's mind and drive his gaming behavior. These «meanings» are formed within procedural interactions and intra-actions. Their source is a kind of «voices» of gaming protosubjectivities – «techno-bio-objects» that are realized not only in the processes of video game activity, but also in the network communications

of gamers, interactions between gaming and other industries, and more broadly, in cultural processes in general.

Thus, in video game communications, a new form of player «subjectivity» is being formed, which does not belong to the player or the machine, but to a network of components – techno-bio-objects («gaming protosubjectivity»).

At the same time, the implementation of the techno-bio object allows us to see that the video game and the player remain independent entities with different characteristics. It is the condition of simultaneous connection and separation that makes it possible to enhance gaming emotions, make game meanings valuable for gamers, and, most importantly, become a vehicle for affective states that form within procedural interactions and video game intra-actions.

In video game research, affects are increasingly considered to be the driving forces of video game communications [8, p. 4; 31, p. 87–102].

Therefore, affects and affective states are of significant interest when considering the posthuman aspects of the functioning of video games.

Affective communications of video game techno-bio-objects

The concepts of «affect» (affectus, affectio), «feeling» and «emotion» are often used interchangeably [7, p. 173].

Nevertheless, affects can also be understood as a special elementary psychological state, different from emotions and feelings. So, according to the French philosopher G. Deleuze and the French psychoanalyst F. Guattari affect entails the change and «intensity variation» (force) that occur when bodies collide or come into contact. Affects, they claim, are neither feelings nor experiences (i.e., basic emotions), because «they exceed the strength of those who go through them» [4, p. 72].

Philosopher Brian Massumi sees affect as a force that determines what is potentially possible for any person or event. He points out the connection between bodily manifestations and the movement of affect [29, p. 96].

A number of researchers point to the circulation of affects between bodies as a place of knowledge production, considering affective interactions as a special way of cognition [1; 2; 32].

The circulation of affects is especially noticeable in video games, in which the content of communication is determined not by texts or audiovisual images, but by the «movements» of affects.

By completing game tasks, players emotionally capture the affective charge of what is happening, «reading» the general mood, getting into a particular situation.

The movement of affects creates associations for gamers from various game situations, a kind of «skills». Play-

ers rely on the experience of moods they have already experienced, but they replenish it with a new set of skills, which increases their playing abilities and makes it possible to respond to events faster and more successfully.

These skills are quickly remembered, both on a cognitive and somatic level. For example, the ability acquired by a gamer to precisely press the button of the game control interface on the screen (as in the game *World of Warcraft* (2004–2023)) can be considered a somatic skill that requires users to coordinate the movement of various muscle groups well.

Nevertheless, analytical skills are also involved in game practice. When, for example, the gamer, based on knowledge gained from experience of the game, quickly decides where to take his character in case of danger. For example, in the challenging video game *DOOM Eternal* (2020), relying on both somatic and analytical skills helps gamers achieve victories.

Cognitive and bodily skills work together in video game reception, while being driven by affective states. Affects materialize in the experience through game actions. This is not a mechanical learning of the game skill by gamers, but its active formation in the process of meaningful play. For example, in the massively multiplayer online game *EVE Online* (2003–2021), a character is constantly learning new skills. The game requires gamers to upgrade their skills, react to their opponent's actions in a timely manner, and think flexibly to increase their skills.

The player's physical body is complemented by an avatar, game objects, and expansion controllers. As a result, video games give gamers a unique opportunity to experience transcending their natural body. This method of forming a human-machine «body» as an extension of networks and connections beyond the surface of human skin «allows us to define the posthuman gaming «body» as a set of biocybernetic relationships» [6, p. 15].

Becoming an assemblage of forces and affects, the player ceases to be a self-sufficient individual during the game, becoming involved in the functioning of software and algorithmic processes and becoming part of video game «techno-bio-objects» that arise and disintegrate during the game. This is a kind of invariant of the player's assembly in a specific game situation, which disintegrates

(«reterritorialized» in the terminology of G. Deleuze) when the game is over.

This kind of affective communication provides a person with the conditions for experimenting with their potential. It can be assumed that a video game affective action materializes something in the experience that cannot be expressed by other means. Posthuman affective communication functions in the space between material and virtual realities, where there is not a transfer of meaning / meanings, but an exchange of invariants of possible actions, which opens up a pre-experimental experience of the potential and the feeling of the realization and materialization of its invariants in reality.

As a result, affective gaming interactions enrich the video game experience, and its results, preserved in the memory of gamers, can further influence human behavior, thinking and consciousness.

Conclusion

Therefore, affect plays an essential role in video game reception, which implies the development of special methods for evaluating and understanding the work of affects.

Affect and human intelligence in video game activity are interdependent. Cognitive acts of gamers enhance the affect circulation, but affects can also influence the thinking and actions of players.

Affective communication in video games should not be limited to the sphere of gamers' entertainment, but could contribute to the formation of special human thinking skills by the invariants of the possible.

Philosophical posthumanism partly explains video game practices of creating body-object assemblages and affective attunement processes. The relevance for modern media practices of the theory of «agential realism» by the philosopher K. Barad, her concept of «intra-action», relational approaches in philosophy (W. James, B. Massumi, E. Menin) and the philosophy of affect (G. Deleuze, B. Massumi) are confirmed by the practices of video game reception.

Further scientific research is required to find and develop additional methods for analyzing posthuman affective communications.

References

1. Aronson, O. V. (2015) [Affect in the Coordinates of Non-Philosophy]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal]. Vol. 8. No. 1, pp. 33–46. (In Russ.).
2. Bogomolov, A. V., Kirillov, D. S. (2019) [Understanding Affect in B. Spinoza's Ethics and J. Deleuze's Interpretation: A Historical and Philosophical Analysis]. *Philosophy and Sociology, Juvenis scientia* [Philosophy and Sociology, Juvenis scientia]. Vol. 11–12, pp. 29–31. – <https://doi.org/10.32415/jscientia.2019.11-12.07>. (In Russ.).
3. Braidotti, Rosi (2021) [Posthuman]. M.: Gaidar Institute, 408 p. (In Russ., transl. from Eng.).
4. Deleuze, J., Guattari, F. (1998) [What is Philosophy?]. M.: Institute of Experimental Sociology. SPb.: Aletheia, 288 p. (In Russ., transl. from Eng.).

5. Denikin, A. A. (2014) [In Defense of Video Games]. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture]. Vol. 3, pp. 54. (In Russ.).
6. Denikin, A. A. (2023) [Affective Communications in Modern Media Formats (using Video Games as an Example)]. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Culture and Arts]. Vol. 4 (76), pp. 15. (In Russ.).
7. Tyson, Phillis, Tyson, Robert (1998) *Psikhoanaliticheskiye teorii razvitiya* [Psychoanalytic Theories of Development]. Ekaterinburg: Business Book, 524 p. (In Russ., transl. from Eng.).
8. Anable, A. (2018) *Playing with Feelings: Video Games and Affect*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 200 p. (In Eng.).
9. Barad, K. (2007) *Meeting the universe halfway: Quantum physics and the entanglement of matter and meaning*. Durham and London: Duke University Press, 544 p. (In Eng.).
10. Bogost, I. (2012) *Alien phenomenology, or What it's like to be a thing*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 166 p. (In Eng.).
11. Bogost, I. (2008) The Phenomenology of Videogames In: Conference Proceedings of the Philosophy of Computer Games 2008, ed. Stephan Günzel, Michael Liebe, and Dieter Mersch. Potsdam: Potsdam University Press, pp. 22–43. (In Eng.).
12. Boulter, J. (2015) *Parables of the Posthuman: Digital Realities, Gaming and the Player Experience*, Detroit. Wayne State University Press, 168 p. (In Eng.).
13. Cypher, M., Richardson, I. (2006) An actor-network approach to games and virtual environments In Proceedings of the 2006 international conference on Game research and development, pp. 254–259. (In Eng.).
14. Fizek, S. (2017) *Self-playing Games: Rethinking the State of Digital Play*. The Philosophy of Computer Games Conference, Kraków, 2017. Available at: https://gamephilosophy2017.files.wordpress.com/2017/12/fizek_self-playing-games_pcg2017.pdf (accessed: 23.11.2023) (In Eng.).
15. Frasca, G. (2001) *Videogames of the Oppressed: Videogames as a Means for Critical Thinking and Debate*, MA Thesis, Georgia Institute of Technology. Available at: <https://ludology.typepad.com/weblog/articles/thesis/FrascaThesisVideogames.pdf> (accessed: 23.11.2023) (In Eng.).
16. Galloway, A. R. (2006) *Gaming: Essays on Algorithmic Culture*. University of Minnesota Press, 143 p. (In Eng.).
17. Gee, J. P. (2008) Video Games and Embodiment. *Games and Culture*, Vol. 3, No. 3–4, pp. 259. – <https://doi.org/10.1177/1555412008317309>. (In Eng.).
18. Giddings, S. (2009) Events and Collusions: A Glossary for the Microethnography of Video Game Play. *Games and Culture*, Vol. 4, No. 2, pp. 144–157. – <https://doi.org/10.1177/1555412008325485>. (In Eng.).
19. Giddings, S., Kennedy, H. W. (2008) Little Jesuses and Fuck-off Robots: On Aesthetics, Cybernetics, and Not Being Very Good at Lego Star Wars. *Computer Gaming: Essays on Cultural History, Theory, and Aesthetics*, ed. Melanie Swalwell and Jason Wilson. Jefferson, NC: McFarland., pp. 13–32. (In Eng.).
20. Guattari, F. (1995) On Machines, Complexity. *Journal of Philosophy and the Visual Arts*. Vol. 6, pp. 8–12. (In Eng.).
21. Haraway, Donna J. (1991) Simians, Cyborgs, and Women. *The Reinvention of Nature*. New York: Routledge, 287 p. (In Eng.).
22. William, J. (1978) *Pragmatism and The Meaning of Truth*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 400 p. (In Eng.).
23. Janik, J. (2018) Game/r – Play/er – Bio-Object. Exploring posthuman values in video game research. *Proceedings of The Philosophy of Computer Games Conference*, pp. 1–8. Available at: <http://gamephilosophy.org/wp-content/uploads/confmanuscripts/pcg2018/Janik%20-%202018%20-%20Gamer%20player%20bioobject.pdf> (accessed: 23.11.2023) (In Eng.).
24. Jessen, J. D., & Jessen, C. (2014) Games as Actors – Interaction, Play, Design, and Actor Network Theory. *International Journal on Advances in Intelligent Systems*, Vol. 7, No. 3–4, pp. 412–422. (In Eng.).
25. Konzack, L. (2009) Philosophical Game Design In: Perron Bernard, Wolf Mark J. P. (eds.). *The Video Game Theory Reader 2*. New York and London, Routledge, pp. 36–38. (In Eng.).
26. Lahti, M. (2003) As We Become Machines Corporealized Pleasures in Video Games In: Wolf M and Perron B (eds) *The Video Game Theory Reader*. London: Routledge, pp.157–170. (In Eng.).
27. Manning, E. (2007) *Relationscapes: Movement, Art and Philosophy*. University of Minnesota Press. (In Eng.).
28. Massumi, B. (2008) The Thinking-Feeling of What Happens. *Inflexions*, Vol. 1. (In Eng.).
29. Massumi, B. (1995) The Autonomy of Affect Cultural Critique. Vol. 31. *The Politics of Systems and Environ-*

ments. Part II, pp. 83–109. (In Eng.).

30. O’Riordan, K. (2001) Playing with Lara in virtual space. Munt S (ed) *Technospaces. Inside the New Media. Critical Research in Material Culture*. London: Continuum, pp. 224–238. (In Eng.).

31. Perron, B., Schröter, F. (Eds.) (2016) Video games and the mind: Essays on cognition, affect and emotion. *Jefferson, NC: McFarland*, pp. 158–173. (In Eng.).

32. Thrift, N. (2004) Intensities of feeling: Towards a spatial politics of affect *Geografiska Annaler*, Vol. 86B, No. 1, pp. 57–78. – <https://doi.org/10.1111/j.0435-3684.2004.00154.x>. (In Eng.).

33. Westerlaken, M. & Gualeni, S. (2016) Situated Knowledges through Game Design: A Transformative Exercise with Ants. The Philosophy of Computer Games Conference, Malta 2016. Available at: https://www.um.edu.mt/library/oar/bitstream/123456789/23364/1/POCG16_Westerlaken_Gualeni_Situated_Knowledges2.pdf (accessed: 23.11.2023) (In Eng.).

34. Wirman, H. (2014) Games for/with Strangers: Captive Orangutan (Pongo Pygmaeus) Touch Screen Play. *Antennae: The Journal of Nature in Visual Culture*, Is. 30, pp. 105–115. (In Eng.).

Information about the author:

Anton Anatolyevich Denikin, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Sound Engineering and Musical Art, Institute of Cinema and Television (GITR), Moscow, Russia

ORCID iD: 0000-0001-8101-7952

e-mail: oficial@list.ru

The paper was submitted: 08.12.2023.

Accepted for publication: 01.07.2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация об авторе:

Антон Анатольевич Деникин, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры звукорежиссуры и музыкального искусства, Институт кино и телевидения (ГИТР), Москва, Россия

ORCID iD: 0000-0001-8101-7952

e-mail: oficial@list.ru

Статья поступила в редакцию: 08.12.2023; принята в печать: 01.07.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ПОЛИТИКА И СУБЪЕКТИВНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ФУКО И Ж. ДЕЛЁЗА: СЕРИИ ТРАНСГРЕССИИ И РЕЗОНАНСА

А. В. Дрозденко¹, Н. В. Зайцева², В. О. Шелекета³

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

¹ e-mail: arseniidrozdenko@yandex.ru

² e-mail: zajceva.natalia2012@yandex.ru

³ e-mail: vladshelo@mail.ru

Аннотация. В истории философии достаточно часто встречаются сюжеты, связанные с детализацией коммуникативных взаимодействий в рамках конкретно-исторических типов научного сообщества – национального, регионального, профессионального (онтология, теория познания и т. п.) и т. д., связанных с обсуждением какой-либо отдельной философской темы или проблемы. Эти вопросы активно обсуждаются в современной философско-методологической литературе, в рамках которой направление культурно-исторического анализа является доминирующим (Т. Кун, И. Лакатос, Ст. Тулмин). В данной статье авторы обращаются к микро-анализу коммуникативной сети конкретного научного сообщества, рассматривая линию творческого взаимодействия двух известных французских мыслителей XX века – Мишеля Фуко и Жюльена ДеЛёза, с целью выделения общих философских аспектов в анализе проблем власти и сопротивления. Методология включает сравнительный анализ вторичных источников, выделение линий схождения/расхождения через призму трансгрессии и резонанса, а также интерпретацию перверсивных стратегий (садизм/мазохизм) как образов философских подходов. Использование образа перверсии позволяет визуализировать сложное взаимодействие идей Фуко и ДеЛёза, избегая упрощенных противопоставлений. С этой целью привлекаются критические исследования, посвященные различным аспектам философского диалога Фуко и ДеЛёза – политическим, идеологическим, собственно философским и т. п. В результате установлено, что многолетний творческий диалог указанных авторов представляет собой (1) креативную лабораторию экзегетики, где каждый коммуницирующий субъект развивает идеи другого, добавляя новые смыслы, оттенки, цвета. (2) В плавильном тигле философских рассуждений можно проследить сложноструктурированное движение мысли – последнее может быть осмыслено в двух взаимодействующих терминах – схождение и расхождение. Для доказательного обсуждения этого вопроса авторы выделяют пять базовых тем, вокруг которых, сходясь и расходясь, движется философская мысль Фуко и ДеЛёза. К этим проблемным точкам можно отнести следующие: (1) опору на теоретические наследия Ницше, (2) отрицание телеологического описания истории, (3) ярко выраженный политический активизм, (4) возвращение к идейным установкам стоиков и, наконец, (5) концепция события.

Все эти вопросы в статье рассматриваются с опорой на исследования современных зарубежных авторов. В частности, устанавливается близость методологических идей рассматриваемых философов критической установке Канта. В творчестве Фуко эта установка реализуется в концепциях археологии знания и генеалогии субъекта, тогда как у ДеЛёза – в учении о способностях. Говоря о ницшеанских мотивах в творчестве указанных мыслителей, авторы раскрывают роль генеалогической методологии в творчестве Фуко и своеобразие истолкования эмпиризма у ДеЛёза. Отношение к концепту «политическое» тестируется в работе посредством понятия «трансверсальность». Что же касается линий расхождения во взглядах Фуко и ДеЛёза, то они связаны (1) с различным истолкованием истории, (2) существенно отличающимся пониманием концептов «удовольствие» и «желание», (3) противоположным истолкованием современного общества и темы сопротивления. Обсуждая названные выше вопросы, авторы приходят к следующим выводам: (1) для ДеЛёза особый интерес представляет не случившаяся история, тогда как для Фуко – неизвестная история, (2) оба истолкования концептов «удовольствие» и «желание» являются, по сути, различными подходами в борьбе за переустройство мира, (3) демаркация концепций современного общества осуществляется посредством сопоставления понятий «биовласть» (Фуко) и «контроль» (ДеЛёз), а тема сопротивления рассматривается с привлечением концепций знание (Фуко) и желание (ДеЛёз) в качестве организаторов власти. В заключение посредством сопоставления садистских (Фуко) и мазохистских (ДеЛёз) стратегий авторы демонстрируют различия в интеграции места и роли рефлексивных процедур в ниспровержении закона. Новизна исследования

заключается в интерпретации философского диалога через перверсивные практики, что позволяет переосмыслить политику субъективности в постструктурализме.

Ключевые слова: Ж. Делёз, М. Фуко, резонанс, трансгрессия, удовольствие, желание, философский диалог, стили мышления, философское влияние.

Для цитирования: Дрозденко А. В., Зайцева Н. В., Шелекета В. О. Политика и субъективность в творчестве М. Фуко и Ж. Делёза: серии трансгрессии и резонанса // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 4. – С. 110–121. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-110>.

Original article

POLITICS AND SUBJECTIVITY IN THE WORKS OF M. FOUCAULT AND G. DELEUZE: SERIES OF TRANSGRESSION AND RESONANCE

A. V. Drozdenko¹, N. V. Zaitseva², V. O. Sheleketa³

Samara State Technical University, Samara, Russia

¹ e-mail: arseniidrozdenko@yandex.ru

² e-mail: zajceva.natalia2012@yandex.ru

³ e-mail: vladshelo@mail.ru

Abstract. *In the history of philosophy, it is quite common to encounter stories related to the detailing of communicative interactions within the framework of specific-historical types of scientific community – national, regional, professional (ontology, theory of knowledge, etc.), etc., connected with the discussion of a particular philosophical theme or problem. These questions are actively discussed in the modern philosophical and methodological literature, within which the direction of cultural-historical analysis is dominant (T. Kuhn, I. Lakatos, St. Toulmin). In this article, the authors turn to the micro-analysis of the communicational network of a specific scientific community, highlighting the line of creative interaction between two famous French thinkers of the XX century – Michel Foucault and Gilles Deleuze. The methodology includes a comparative analysis of secondary sources, the identification of lines of convergence/divergence through the prism of transgression and resonance, and the interpretation of pervasive strategies (sadism/masochism) as images of philosophical approaches. The use of the image of perversion allows us to visualize the complex interplay between the ideas of Foucault and Deleuze, avoiding simplistic oppositions. For this purpose, critical studies devoted to various aspects of Foucault's and Deleuze's philosophical dialogue – political, ideological, philosophical, etc. – are attracted. As a result, it is established that the long-lasting creative dialogue between these authors is (1) a creative laboratory of exegesis, where each communicating subject develops the ideas of the other, adding new meanings, shades, and colours. (2) In the melting pot of philosophical discourse, one can trace the complexly structured movement of thought – the latter can be conceptualized in two interacting terms – convergence and divergence. In order to discuss this issue in an evidential way, the authors identify five basic themes around which the philosophical thought of Foucault and Deleuze moves, converging and diverging. These problematic points include the following: (1) the reliance on Nietzsche's theoretical legacy, (2) the rejection of a teleological description of history, (3) a pronounced political activism, (4) a return to Stoic ideas, and, finally, (5) the concept of the event.*

All these questions are considered in the article with the support of studies of modern foreign authors. In particular, the closeness of the methodological ideas of the philosophers in question to Kant's critical framework is established. In Foucault's work this attitude is realized in the concepts of archaeology of knowledge and genealogy of the subject, while in Deleuze's work in the doctrine of abilities. Speaking of Nietzschean motifs in the work of these thinkers, the authors reveal the role of genealogical methodology in Foucault's work and the peculiarity of Deleuze's interpretation of empiricism. The attitude to the concept of 'political' is tested in the paper by means of the notion of 'transversality'. As for the lines of divergence in the views of Foucault and Deleuze, they are connected (1) with different interpretations of history, (2) a significantly different understanding of the concepts of 'pleasure' and 'desire', (3) an opposite interpretation of modern society and the theme of resistance. Discussing the above issues, the authors come to the following conclusions: (1) for Deleuze, it is the history that has not happened that is of particular interest, whereas for Foucault it is the unknown history, (2) both interpretations of the concepts of 'pleasure' and 'desire' are essentially different approaches in the struggle to reorder the world, (3) the demarcation of the concepts of modern society is carried out by juxtaposing the concepts of 'biopower' (Foucault) and 'control' (Deleuze), and the theme of

co-protestation is examined through the concepts of knowledge (Foucault) and desire (Deleuze) as organisers of power. Finally, through a comparison of sadistic (Foucault) and masochistic (Deleuze) strategies, the authors demonstrate differences in the integration of the place and role of reflexive procedures in the subversion of law. The novelty of the study lies in the interpretation of philosophical dialogue through perversive practices, which allows us to rethink the politics of subjectivity in poststructuralism.

Key words: G. Deleuze, M. Foucault, resonance, transgression, pleasure, desire, philosophical dialogue, thinking styles, philosophical influence.

Cite as: Drozdenko, A. V., Zaitseva, N. V., Sheleketa, V. O. (2025) [Politics and subjectivity in the works of M. Foucault and G. Deleuze: series of transgression and resonance]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 110–121. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-110>.

Введение

Творческий союз двух известных мыслителей – Жюль Делёза и Мишеля Фуко – один из самых известных, но, при этом, драматических сюжетов в истории философии. Известно, что эти мыслители впервые познакомились ещё в 1952 году, но близко начали общаться существенно позже. Они вместе участвовали в различных политических проектах, самым известным из которых стала их «Группа информации по тюрьмам». Однако им так и не удалось поработать в одном университете, хотя Фуко и прикладывал к этому усилия [См. подр.: 3, с. 385–417]. Намного больше, чем тривиальное отнесение обоих мыслителей в отряд постструктуралистов, говорит книга Элеаноры Кауфман «Бред похвалы», где идет речь о внимательном отношении французских мыслителей XX века друг к другу: «Этот режим – нечто иное, чем критическая диалектика, в которой идеи одного мыслителя противопоставляются идеям другого. Эти эссе не являются попыткой оспорить или пересмотреть работу другого мыслителя, они направлены на совершенно иную цель: похвалу и утверждение. В этих хвалебных эссе нет четкого разграничения между субъектом и объектом, скорее это экзегетическое празднование текста. С текстом обращаются так, как будто это священный текст, которому нужно поклоняться, а не тот, который может иметь человеческие недостатки. Именно в этом смысле «экзегетический», а не «критический» является лучшим описательным термином для стиля и формы этих трудов» [11, р. 7]. В многочисленных откликах на собственные работы философы создали свой особый язык и стиль мысли, перенимая «терминологию другого до такой степени, что уже не ясно, какой набор понятий кому принадлежит. Это смешение понятий идет рука об руку со смешением личности мыслителя с его мыслью» [ibid, р. 14]. Э. Кауфман отмечает, что подобное повторение жестов и языка друг друга удваивает мыслителей, создавая своеобразный карнавал мысли, её театр и событие. Такая художественная характеристика диалога двух мыслителей – Фуко-Делёз лучше описывает их отношения: ни философско-теоретическая преемст-

венность (или критика), ни политическое сотрудничество, ни биографическое пересечение, а удвоение и преумножение всей полноты друг друга. Целью данной статьи является демонстрация того, как диалог Фуко и Делёза формирует «складки» мысли, а не бинарные оппозиции, через призму трансгрессии (са-дизм) и резонанса (мазохизм).

Теоретические основания диалога: обзор позиций

Другой автор Кристиан Гиллиам в статье «Vrais Amis: Переосмысление философских отношений между Фуко и Делезом» обнаруживает в работах рассматриваемых авторов три уровня складывания: «Существует трансцендентальное Внутреннее из бесконечно малых складок как интериорность (Самость/Способности), Внешнее из бесконечно малых складок как социально-политическая экстериорность (Другой) и складка между ними (синтез). Или, говоря иначе, актуальная множественность Снаружи – это сложенный синтез, который создает сложенный синтез Внутри, как в виртуальной множественности бесконечно малого Я» [8, р. 196]. В ходе анализа этапов творчества указанный выше автор выделяет и линии сближения: первая – это «дизъюнктивные («складчатые») синтезы, в которых различия – и Внешнее и Внутреннее – связаны между собой, не сворачиваясь при этом в высшее единство и не растворяясь в отдельных онтологических порядках» [ibid, р. 208]. Эта складка концептуализируется (в различных работах по-разному, но всё равно взаимозаменяемо) у Делёза в терминах количественные-качественные силы, микро-макро политика, желание-социальное производство, или ассамбляж. У Фуко же – в качестве «дискурсивной дисперсионной власти как виртуального субстрата силовых отношений, двойной обусловленности микро/макро, диспозитива» [ibid, р. 208].

Вторая линия складки – «политическое сопротивление как этика самости или этическая практика, в которой человек использует дисперсию или избыток, возникающие в результате расщепления, переворачивания или сворачивания, так что сопротивление

не обязательно должно ссылаться ни на реальную (позитивное тело), ни на формальную (негативность) трансцендентность, которая отрицала бы имманентность» [ibid, p. 208]. Как видим, у Делёза такое сопротивление истолковывается как становление телом без органов, у Фуко же как забота о себе. Наконец, третья линия – «использование тела и аффективности как внутренней части складки или власти» [ibid, p. 208]. Здесь мы обнаруживаем печально известную оппозицию желания Делёза и удовольствия Фуко. Для нас имеют особое значение столь обстоятельные выписки из Гиллимана, главным образом, по двум причинам: исследователь, во-первых, описывает политическую и философскую работу мыслителей в терминах складки, которая весьма удачно отражает сложность политического мысле-действия Делёза-Фуко, выводя его из тени терминов бинарной оппозиции – «внутреннего» (то есть критической мысли) и «внешнего» (практики и политического активизма). Во-вторых, можно согласиться с цитируемым выше автором, что сходств у Делёза и Фуко гораздо больше, чем расхождений; однако эти сходства также нужно описывать в терминах складки, то есть не как тождество с неким образом, а как сложенный синтез жестов, идей, стилей.

На наш взгляд, существуют два важнейших пункта, в которых политические интенции Фуко и Делёза сходятся: переосмысление ими соотношения теории и практики и отказ от политической функции интеллектуала как представителя народа или какой-либо отдельной группы. В беседе 1972 года «Интеллектуалы и власть» Делёза и Фуко формулируется общее для них отношение: «практика оказывается совокупностью переходов от одного пункта теории к другому, а теория – переходом от одной практики к другой» [7, с. 66-67]. Соответственно, и теория и практика выступают как разные режимы действия, направленные не на выражение или представление кого-то, а на переплетение событий и их переконфигурацию. Ярче всего реализацию этих двух сходных настроений можно увидеть в деятельности упомянутой выше группы информации по тюрьмам. В статье «Говорить за других: Философская деятельность у Делеза и Фуко (и Хайдеггера)» Лавлор и Шольц формулируют три отличительные особенности деятельности этой группы от классических левых и многих других политических проектов и активистских групп. Во-первых, указанная группа имела локальный характер, её деятельность, посвященная тюрьмам, была свободной от претензий на универсальную мораль или обобщающую концепцию; во-вторых, голоса заключённых не были представителями абстрактной идеи (например, заключённых как социальной группы), а «говорили за свой счёт», говорили о невыносимых страданиях

и позоре; в-третьих, сама эта группа являлась лишь средством для самовыражения заключённых [См. подр.: 13, p. 151-152].

Драматический этап дружбы известных мыслителей разыгрывается в 1975 году: в этот год они ссорятся, так и не успев примириться до самой смерти Фуко в 1984 году. Причин для расхождения было несколько – от различных позиций по Израильско-Палестинскому конфликту до полярного отношения к так называемым «Новым философам». В данной работе у нас нет возможности вдаваться в биографические нюансы, но мы не можем не привести одной фразы Делёза об их отношениях с Фуко. Эти слова приводит в своей книге Джеймс Миллер: во-первых, Делёз долгое время находился под влиянием Фуко относительно левых политических пристрастий, а в какой-то момент разошёлся с ним; во-вторых, дистанция начала расти не от накопления противоречий, а от редкости встреч и общения; в-третьих, философ не осмеливался позвонить Фуко из уважения к последнему: «я считал, что он желает более глубокого уединения для своей жизни, для своего мышления, и что он нуждается в этом уединении, сохраняя отношения только с самыми близкими друзьями» [5, с. 410]. Наша задача в последующем изложении – установить философские пункты схождения и расхождения, а потом предложить свою интерпретацию их разрыва, переместив его в сугубо философскую плоскость, связанную с различиями в понимании политики.

Основные этапы творческого диалога:

линия схождения

Во вступительной статье специального выпуска журнала «Foucaultstudies», посвящённого Делёзу и Фуко, её авторы Н. Морар и Д. Смит выделяют пять важнейших тем, объединяющих творчество обоих философов: внимание к творчеству Ницше, не-телеологический подход к истории, активность в политике, возвращение к стоикам и концепции события [15, p. 6]. Авторы также делят акцент на различиях в концепциях биовласти и общества контроля, методов генеалогии и шизоанализа. Общие творческие задачи мыслителей ярко обозначаются как «этическая самотрансформация против революционного номадизма» [15, p. 7]. Мы же, отчасти повторяя приведенный выше список, выделим следующие линии схождения: во-первых, понимание метода проблематизации как важнейшего ядра философии; во-вторых, определяющую роль Ницше в творчестве обоих мыслителей; в-третьих, важность политического активизма для реализации философского мышления. Линиями же расхождения обозначим следующие: во-первых, важность истории в творчестве Фуко против анти-исто-

рической концепции события у Делёза; во-вторых, это известная проблема удовольствия и желания, о которой говорит Делёз в своих замечаниях к Фуко, в-третьих, различие концепций общества контроля и биовласти, в-четвёртых, проблема сопротивления. После этого общего абриса концептуальных построений Фуко и Делёза мы конкретизируем философское звучание этих линий схождения и расхождения.

Первая линия схождения, которая была выделена, – это роль проблематизации в философском творчестве. В статье «Критическая проблематизация у Фуко и Делёза: сила критики без суждения» Колин Купман выделяет важнейшие термины работы философии, организуя сборку последней в понимании Делёза и Фуко: «экспериментальная, имманентная, критическая проблематизация» [12, р. 89]. Автор последовательно анализирует каждый из этих терминов в своей статье. Нельзя не видеть, что философские проекты Делёза и Фуко во многом наследуют критическую установку Канта, которая должна выступать подготовительным этапом работы для суждения, исследовать условия его возможности, сама же не являлась этим суждением. Это своего рода «обещание философского труда» [ibid, р. 91]. Оба мыслителя пытались продолжить критический проект Канта, удалив из него сведение познания к трансцендентальной схеме способностей, редуцировав своё исследование к имманентной критике условий возможности. Для Фуко таким продолжением стала археология и генеалогия субъекта, исторических форм субъективации или, как её ещё называют, герменевтика современности, Делёз же будет разрабатывать учение о способностях [ibid, р. 92].

Важность эмпиризма как направления эпистемологии позволяет провести важное отличие позиции Делёза/Фуко от гегельянской имманентной критики. Их эмпиризм – это «эмпиризм сурового терпения – режим одержимого, чья единственная навязчивая идея заключается в том, что он должен увидеть сам» [ibid, р. 93-94]. Если гегельянская диалектика движется в схематике негативности, где одно рассуждение должно раскрыть абстрактность предыдущего, чтобы потом само быть снято, то эмпиризм Делёза и Фуко построен на «методологии экспериментирования» [ibid, р. 94]. Так, вместо доверия рассуждению вводится конструкт «практика философии как поиск возникающих культурно-эмпирических форм путем экспериментирования» [ibid, р. 96–97]. Последний основывается на неопределённости (то есть недетерминированности) отношений и практически бесконечно возможной вариации отношений, в которых осуществляется трансформация. Сама практика должна возникать как реакция на конкретную пробле-

матизацию – последний термин важнейший в методологических построениях философов. Проблемы, на которые реагирует экспериментальная методология, не содержат ответов, пригодных для дедуцирования, но «скорее эти ответы должны быть контингентно разработаны (как бы абдуктивно) на основе проблемных условий» [ibid, р. 98]. Работа философии заключается не в критике или в поиске противоречия, а в «выходе за пределы суждения, чтобы задержать его, чтобы открыть неопределённость, а через нее – возможность новых горизонтов детерминации» [ibid, р. 102]. Понимание того, что каждая детерминация является ответом на конкретную, но неопределённую проблему, реализует тем самым критический проект философии, позволяя нам постоянно обнаруживать неугасающие проблематизации в актуальной субъективности.

Эринн Канниф Гилсон в статье «Этика и онтология свободы: проблематизация и отзывчивость у Фуко и Делеза» добавляет важное этическое измерение к такому пониманию философии. Проблематизация, придающая философии принципиальную открытость к изменению, связана с этической ангажированностью, создавая для последней ряд проблем: проблематизация, во-первых, признает онтологическую подвижность, которая приводит к этической свободе; во-вторых, она предполагает очерчивание самих контуров проблемы, а не принятие готовых дилемм и, в-третьих, она предполагает реагирование на специфику условий, которые делают проблему такой, какова она есть. Если говорить коротко, то «проблематизация – это та форма рефлексии, которая делает свободу этической, а не просто состоянием настойчивой открытости к изменениям» [9, р. 86].

Для Фуко такой формой этической самотрансформации станут античные практики заботы о себе, а для Делёза – творчество концептов в философии. У обоих философов можно обнаружить сопротивление предначертанным устойчивым структурам, определяющим наше бытие. Фуко призывает к творческой трансформации субъективности, тогда как Делёз описывает творчество смысла или выражение события посредством философского мышления, которое «поддерживает особый тип отношений с хаотическим бесконечным движением» [ibid, р. 83]. Автор цитируемой статьи предлагает объединить эти два принципа, чтобы увидеть «творческое самоотношение как выражение текучести жизни, а выразительное философское творчество как неизбежно влекущее за собой трансформацию самости» [ibid, р. 83]. Важно в создании новых практик себя сохранить критическую перспективу, поскольку «творчество остаётся неопределённым критерием» [ibid, р. 87] и эти новые образы жизни могут вести к реанимации старых угнетающих структур,

а порой и к новым, более продвинутым, структурам порабощения. В заключении автор предлагает интересное взаимодополнение этих двух подходов: «Делез может предложить концепцию инаковости, которой, возможно, не хватает Фуко, а Фуко может предложить концепцию самоотношения как творческого процесса и историческую ориентацию, которой, возможно, не хватает Делезу» [ibid, p. 93].

Вторая линия схождения Делёза и Фуко – это их внимание к философии Ницше. Выше было отмечено, что они оба работали над изданием собрания сочинения Ницше на французском языке, а работа Делёза «Ницше и философия» стала базовой для целого поколения французов. Однако их философские концепции связаны с творчеством немецкого мыслителя более существенным образом. В этой связи Венди Грейс в статье «Фуко и Делез: как изменить ситуацию с помощью Ницше» разводит понимание Ницше у Делёза и Фуко: если первый понимает немецкого мыслителя как «эмпирика, чья философия природы и тела может быть связана как со Спинозой, так и с доэдиповым Фрейдом в попытке бросить вызов репрезентативным способам мышления, в первую очередь гегелевской диалектике» [10, p. 102]. Что же касается Фуко, то он подхватывает генеалогический метод Ницше в смысле радикального размышления. Этот период будет «жизненно важным для разработки новой аналитики истины, которая серьезно противостоит роли власти, встроенной в производство знания» [ibid, p. 102]. Работа с Ницше позволяет Делёзу создать онтологию иерархических сил, разлитых по эмпирической реальности, где в свободной игре каждая из них утверждает свою особую сингулярность, сочетаясь и противостоя прочим силам.

Исследователь устанавливает расхождение перспектив Фуко и Делёза: для последнего реально существует поле интенциональности, содержащее доиндивидуальные сингулярности: последнее лежит глубже политических и социальных идентичностей и является источником творчества и мышления [ibid, p. 107]. Что же касается Фуко, то никакого такого поля или «тела без органов» у него не существует. Для него Ницше важен в разработке такого подхода к истории, который мог бы отказаться от сверх-исторических детерминаций – пол, класс, раса, обращаясь к вопросу «какой тип истории можно создать» из тех «различных событий» и «различных практик», которые, очевидно, организуются в нечто, напоминающее безумие или сексуальность» [ibid, p. 114]. Автор считает, что перспектива Фуко противостоит делезианскому эмпиризму, поскольку для последнего важен не чувственный опыт, не эмпирическая реальность, а маргинальная интерпретация исторического опыта «против пре-

тензий унитарной теории, которая стремится дисквалифицировать и лишить их силы» [ibid, p. 115]. Хотя вряд ли можно согласиться с принципиальной антиэмпиричностью Фуко, поскольку противопоставление интерпретаций опыта эмпирическому творчеству смысла представляется ложно обозначенной проблемой, необходимо подчеркнуть важность взаимодействия и игры сил у обоих философов, противостоящих трансцендентальной установке философии.

Последний пункт, о котором шла речь уже выше, это тема политики в творчестве мыслителей. Их истолкование политики и политического активизма отличается от классического подхода особым вниманием к изменению субъективности. В этой связи Кристофер Пенфилд в статье «К теории трансверсальной политики: Делез и Фуко блок в становлении» концептуализирует их подход посредством понятия «трансверсальность». Автор предлагает рассмотреть становление трансверсального сопротивления власти в виде трёх этапов: первый от «Истории безумия» к «Анти-Эдипу», где теория трансверсальной политики реагирует на проблему капитализма; второй от «Анти-Эдипа» к аналитике власти Фуко создаёт критическую почву, третий через «Тысячу плато» и позднюю этико-политическую работу Фуко, где содержится уже позитивный проект [18, p. 134-135]. Так, в работах первого этапа оба философа, хотя и работая с совершенно разным материалом, обнаруживают, что развитие современного капитализма и его механизмов управления неразрывно связано с насильственным подавлением безумия (у Фуко) или шизофрении (у Делёза с Гваттари). Политическая задача будет выглядеть, таким образом, в поддержании условий выражения опыта безумия, поскольку последний является пределом власти капитала. Исследователь обращает внимание, что для дисциплинарной власти в описании Фуко крайне важным элементом становится чёткое индивидуальное распределение элементов. Соответственно, сопротивление этому можно обнаружить в «революционном движении, сила которого генерируется через распространение и соединение трансверсальных линий альянса» [ibid, p. 143]. Рассмотрение Фуко паноптикума как модели общественных отношений и описание Делёзом и Гваттари детерриторизирующей работы капитала сходятся в важнейших пунктах: если работа аппарата захвата со стороны власти создаёт пронумерованные множественности послушных субъектов и контролируемые секторы управления, то работа сопротивления власти должна создавать неисчислимы множественности, создаваемые трансверсальными связями, творящими де-индивидуализирующие, коллективные идентичности. Таким образом, борьба будет нацелена не на поиск новой объединя-

ющей идеи, которая в итоге проявляет себя как разделение на «своих» и «врагов», а использование этих идей для умножения связей революционной машины.

Основные этапы творческого диалога: линия расхождения

Начать описание линий расхождений хотелось бы с проблемы истории. У обоих мыслителей можно наблюдать особое внимание к истории: у Фуко это обращение к генеалогическому методу, а у Делёза – анализ истории как поля возникновения нового. В любом случае их «отношения с историей носят нетрадиционный характер, что отделяет их от практики историков, озбоченных точной фиксацией прошлого» [17, р. 165]. Однако для Делёза, в отличие от Фуко, история не является такой важной составляющей творчества. История, поскольку она занята актуализированными событиями, не способна выразить ту чистую событийность, которая выражается в творчестве концептов, то есть работе философии. Для Делёза история выступает как «отношение между виртуальным и актуальным в плане имманентности» [19, р. 175], в то время как для Фуко важно эмпирическое исследование текстового архива. Таким образом, для Делёза сохраняется главенство становления, где история должна стать «дублёром становления», то есть предоставить примеры теоретизации реальных способов актуализации. Тогда как для Фуко история остаётся, по большому счёту, главной дисциплиной, откуда философ черпает конкретные практики сопротивления власти. Мы можем предположить, что для Делёза история представляется условием возможности событий, но главный интерес для него в тех нереализованных потенциалах, которые она скрывает; для Фуко же, напротив, важны конкретные микро-практики и маргинальные линии сопротивления, которые сами собой представляют новые способы мышления и существования. Если говорить коротко, для Делёза важна не-случившаяся история, а для Фуко – (не)известная история.

Второе расхождение, о котором говорит сам Делёз, можно назвать проблемой «удовольствия-желания». Так, в открытом письме «Желание и удовольствие» он пишет о своём непринятии истолкования удовольствия у Фуко: «удовольствие прерывает имманентный процесс желания; мне кажется, что удовольствие располагается в области страт и организации; именно в этом порыве желание предстаёт как подчинённое закону изнутри, притом что его ритм задаётся удовольствием снаружи: в обоих случаях происходит отрицание поля имманентности, свойственного удовольствию» [1, с. 43]. Фуко же не принимает понятие «желание» из-за его связи с психоанализом, а стало быть, и с концепцией нехватки. В статье «Против те-

зиса о несовместимости: иное прочтение проблемы желания-удовольствия» Николя Морар и Маржори Грациус пытаются ответить на эту проблему, не сводя её к чисто терминологическому расхождению, что концепция желания у Делёза и удовольствия у Фуко по сути говорят об одной и той же борьбе за переустройство жизни.

Так, для концепции желания важен «коэффициент трансверсальности», то есть такая эпистемологическая практика, что позволяет «по-новому понять социальные формации, как контингентные случаи становления, имманентно пересекаемые связями между взаимовлияющими телами» [14, р. 238]. Само желание, которое функционирует в общественном устройстве, никто не подавляет, существующие аппараты управления воздействуют на предельные мощности желания, не давая ему развернуться в полную силу. Само желание всегда движется к своему пределу множества связей, но и не может существовать вне конкретной сборки. Удовольствие же, согласно Фуко, – это также вопрос не нашего переживания в сфере чувственности, но в большей степени вопрос о том «что мы используем для преобразования границ нашей чувствительности» [ibid, р. 241]. Авторы статьи делают вывод: «проживание своих желаний и удовольствий (самым явным образом) равносильно тому, чтобы сделать видимыми другие возможности жизни и нарушить традиционные социальные коды» [ibid, р. 242]. В целом можно согласиться, что концепции и удовольствия, и желания обладают освободительным потенциалом, однако для нас важны принципиально разные методы этого освобождения: если анализ желания стремится к выходу на предельные скорости и мощности в действующей сборке желания, то концепция удовольствия стремится к пределу и выходу за границы данного устройства.

Третья линия расхождения – это две различные концепции современного общества: биовласти у Фуко и общества контроля у Делёза. В поздний период творчества Фуко отходит от рассмотрения закрытых дисциплинарных обществ, характерных для Нового Времени, и обращается к новому типу открытого общества, которое характеризуют как «биовласть». Делёз же вводит концепцию «общества контроля», которое также приходит на смену дисциплинарным обществам. В статье «Биовласть и контроль» Томас Найль указывает, что обе эти концепции вдохновляются эссе Уильяма Берроуза «Пределы контроля». В названной выше статье автор доказывает, что «биовласть и контроль – это одно и то же понятие власти как по содержанию, так и по форме» [16, р. 248]. Найль анализирует три аргумента о различии между биовластью и контролем: во-первых, по форме биов-

ласть направлена на политический контроль жизни индивидов, тогда как контроль – на экономическое и информационное содержания (то есть власть над неживыми); во-вторых, биовласть определяется как управление живыми, а контроль как модуляция, безразличная к жизни; в-третьих, различие как контекст и интенсификация, то есть для общества контроля биовласть является контекстом разворачивания, а биовласть, в свою очередь, является интенсификацией дисциплинарных механизмов, распространённых теперь на все жизненные проявления [ibid, p. 248–253]. Можно согласиться с автором, что указанные расхождения появляются из-за отсутствия прямого сравнения указанных концепций, а не от его наличия. Согласны мы также и с тем, что биополитика совпадает и по форме как «управление живыми популяциями и их социальным правом в открытом пространстве» [ibid, p. 255], и по содержанию как «противостоящее замкнутым пространствам дисциплинарного доверия и отождествляется с пространствами вероятности» [ibid, p. 256]. Это, однако, не исчерпывает расхождений между указанными концепциями, которое будет установлено позже, после рассмотрения последней линии расхождения.

Итак, последняя линия расхождения – это проблема сопротивления. Дэниэль В. Смит в статье «Две концепции сопротивления: Фуко и Делёз» отмечает различие подходов к проблеме сопротивления: Фуко, начиная с вопроса о знании как условии власти, «вынужден спрашивать о том, как можно сопротивляться власти, даже если сопротивление первично по отношению к власти. Именно отправная точка Фуко в конституировании знания приводит его к постановке проблемы сопротивления» [20, p. 278]. Для Делёза же в обществе первичны линии ускользания, утечек желания, которые сами по себе являются сопротивлениями. Сопротивление в определённом смысле вписано в онтологию Делёза и поэтому его вопрос формулируется по-другому: «как какой-либо социальной формации удастся уловить эти движения, интегрировать, стратифицировать их – и именно «организации власти» осуществляют эту интеграцию и захват» [ibid, p. 279]. Желание организует власть и репрессивную систему социальной машины, поэтому вопрос Делёза в том, как собрать действительно революционную машину, которая бы была анализатором желания, а не синтезатором интересов. Революционная машина объединяла бы и организовывала линии бегства без воспроизводства государства.

Синтез концепций как опыт сопротивления

На наш взгляд, эти выделенные линии схождения и расхождения возможно сложить в образе двух пер-

версивных способов сопротивления в политике – садистской, или трансгрессивной, и мазохистской, или искусства резонанса. Делёз намекает на это решение: «Я думаю, совсем не случайно Мишель придаёт определённое значение Саду, а я, напротив, – Мазоху. Мало сказать, что я – мазохист, а Мишель – садист. Хорошо если бы это было так, но это не правда» [1, с. 43]. Делёз констатирует здесь известное внимание Фуко к Маркизу де Саду и вспоминает свою раннюю книгу «Представление Захер-Мазоха». Эта книга, которая будет написана за год до главных книг Делёза – «Различия и повторения» и «Логика смысла», посвящена, на первый взгляд, одному психоаналитическому вопросу – различию садистской и мазохистской перверсии, однако для наших целей важно обращение Делёза к тому, как по разному осмысливают закон образы мысли мазохизма и садизма.

Садистское опровержение закона – ирония, мазохистское – юмор. Делёз описывает представление Платона о законе, который можно рассматривать двойственно «с точки зрения его принципа и с точки зрения его следствий» [2, с. 260]. Если закон с точки зрения принципа является представителем идеи Блага, то с точки зрения следствий, то есть подчинения этому закону, его соблюдение есть «лучшее», то есть отражение Блага. Таким образом, Делёз вводит два обоснования закона: Ирония, которая обосновывает закон бесконечно превосходящим его Благом и юмор, санкционирующий закон бесконечно более справедливый, чем он, Лучшим [там же, с. 261]. Кант же подрывает обоснование закона, лишая последний любого высшего принципа, которым его можно было бы обосновать. И сторона следствий, в свою очередь, трансформируется: «тот, кто повинуется закону, не является и не чувствует себя виновным, он изначально виновен и виновен тем более, чем более неукоснительно он повинуется» [там же, с. 263]. Вместе с этой переменной закона меняются и ирония, и юмор, только теперь работающие на ниспровержение закона. В образе Сада Делёз обнаруживает ироническое опровержение закона, который рассматривает его как вторичную инстанцию, но за ним теперь стоит не Идея Блага, а «Идея Зла, верховное по своей злобе существо, которое его ниспровергает» [там же, с. 266].

Такое ироническое ниспровержение закона ведёт к «институционализированной анархии» [там же, с. 267], поскольку открывает принцип закона, отрицающий его власть. В известном сюжете Сада «Француз, ещё одно усилие, если вы желаете стать республиканцами», изложенном в романе «Философия в будоаре», мы можем увидеть описание этой самой «институционализированной анархии»: законодатели должны опираться на клевету и видеть в ней важней-

ший руководящий свет; воровство также признаётся нравственным, более того, судить в государстве, где основой общества является частная собственность, нужно не вора (он то не сделал ничего плохого, поскольку хотел быть причастным этому обществу), а у кого украли, поскольку последний плохо следил за своим имуществом; сексуальное удовлетворение должно быть доступно всем и повсеместно, ни женщина, ни мужчина не в праве отказать другому или другой в удовлетворении (как же иначе мы будем следовать лозунгу братства!) и т. д. [См.: 4]. Мазохистское, или юмористическое, ниспровержение закона, хотя, скорее в данном случае уместнее слово уклонение, достигается подробным соблюдением закона, дабы «показать всю его нелепость и дожидаться от него как раз того беспорядка, который он призван запрещать и предотвращать» [18, с. 267–268]. Закон, который принуждает к определённому поведению под страхом наказания, в подобном следствии выдвигает само наказание на передний план и «обязует меня впоследствии удовлетворить желание» [ibid, с. 268], поскольку удовольствие мазохиста наступает после наказания, так сказать, в следствии соблюдения закона.

Йозель Регёв в работе «Невозможное и совпадение: О революционной ситуации в философии» обращается к тому, как Делёз ставит проблему Имманентного Невозможного: «Имманентное Невозможное перестаёт отождествляться с экспликацией способа данности данного и с данностью неданного как таковой» [6, с. 49]. Как видим, доступ ищется не в проработке трансцендентальных структур субъекта и не в мистическом подключении к «первичной реальности», а в некоторой перверсивной диалектике избытка мышления. Автор обращается к теме ниспровержения закона: в психоаналитической перспективе закон психической жизни – это принцип удовольствия, а повторение – это его основное проявление. Стратегия садизма и мазохизма по ниспровержению закона состоит в своеобразном выворачивании «глаз назад, которое позволит наблюдать область трансцендентального» [Там же, с. 62], то есть того принципа второго порядка, обеспечивающего власть принципа удовольствия. Это опровержение состоит из двух ходов: во-первых, «следует сделать явленным поле трансцендентального, которое в стихийном состоянии остаётся открытым: в области эмпирического опыта самостоятельность повторения скрыта его подчинённостью принципу удовольствия, ультимативной власти постоянства и тождественности» [Там же, с. 63]; во-вторых, следует раскрыть это трансцендентальное поле Эроса так, чтобы было видно внутреннее расщепление, то есть Танатос. Такое расщепление уже расщеплённого будет «указанием на то, что, помимо господствующе-

го способа расщепления, возможен и другой» [Там же, с. 63]. Таким образом, перверт, в отличие от невротика, который избеганием своего объекта желания удерживает его невозможность, уверен, что возможно воплотить своё желание, сохраняя его невозможность.

Садистское ниспровержение законов построено на операциях частичной негативности с идеальной Природой-хаосом, с этим, собственно, и связано разочарование героев Сада: «Они готовы впасть в отчаяние из-за несоответствия между идеальной целью преступления (хаосом и полным отрицанием закона) и его реальным результатом (воцарением нового закона)» [Там же, с. 65]. Это чистое отрицание не может реализоваться, что подтверждается работой актов частичной негативности, но существует как «предельная точка, которую деятельность частичного отрицания представляет, никогда не достигая» [Там же, с. 65]. Способ существования чистого отрицания и есть бытие нереализованной идеи. Основная цель садистской стратегии – предотвращение забвения этой невозможной идеи. Через наслаивание одного преступления на другое, их бесконечное умножение, демонстрируется некоторое внутреннее самоудовлетворение, показывающее избыточность преступления по отношению к самому себе: «Божественный миг анархии есть что-то вроде виртуального второго этажа, сопровождающего каждый акт трансгрессии, – точка ускользания, что-то всегда упускаемое, потому что его слишком много по отношению ко всему достижимому» [Там же, с. 66]. Такая работа с избыточностью как чрезмерностью и есть стратегия садизма.

Мазохистская стратегия состоит из трёх частей: «отклонения, подвешивания и перерождения» [Там же, с. 67], составляющие в своей совокупности одно движение, в результате которого непроницаемость эмпирического поля становится призрачно мерцающим состоянием. Фетишистский объект мазохизма (женщина с фаллосом) содержит два вектора отклонения: опыт, что у женщины нет фаллоса, и вера в идеальную женщину с фаллосом. Так эта вера и сохраняется, и отклоняется, а фетишистский объект «является точкой, в которой сходятся два этих движения» [Там же, с. 68]. Этот объект существует как подвешенный, что Делёз называет фантазмом. Регёв выделяет главное ядро различия между садизмом и мазохизмом: если первый придерживается стратегии исчезновения и ускользания, то мазохизм – это «искусство фантазма, резонанса, разделяющего и связывающего две расходящиеся и несвязанные серии» [Там же, с. 68]. Сам закон становится теперь этим мерцающим фетишистским объектом в его невозможности, последний существует парадоксальным образом как резонанс между сериями, но и серии существуют как полюса

движения резонанса. В этом развёртывании внутри себя фетишистского объекта и располагается новое рождение. Таким образом, производство Имманентного Невозможного (и ниспровержение закона, соответственно) в мазохистской стратегии представляется как «резонанс между сериями и как упругость фетишистского объекта, всегдашняя новизна которого удерживается этим резонансом» [Там же, с. 69].

Не можем ли мы обнаружить такие же образы стратегий у Фуко (садистской) и Делёза (мазохистской)? Могли бы мы предположить, что те выделенные «линии схождения» помещают философов в эту перверсивную перспективу опровержения закона, а «линии расхождения» отражают различие стратегий? В отличие от невротика, ищущего трансцендентные идеи (мы могли бы обнаружить такой образ в моралисте или стороннике юридического позитивизма), и шизофреника, который за видимой реальностью ищет более глубокий принцип (мы могли бы найти такой образ в критическом мыслителе), Фуко и Делёз движутся по поверхности социального бытия, отказываясь и от установки репрезентации, и от поиска идеологии (им остался только образ перверта). Но в то же время Фуко ищет: конкретный исторический опыт движения к пределу-невозможному, принцип удовольствия, выводящий субъекта к границам субъективности, биовласть как внутренний принцип управления собой и формы сопротивления на границе действия власти. Делёз же обращается к истории как мерцающему образу нереализованных событий; желанию и его текучести в социальных машинах, обществам контроля с их тонкими модуляци-

ями управления и сборке линий бегства.

Заключение

В заключении, ориентируясь на описание философской мысли Фуко и Делёза о субъективности, мы могли бы представить фукианские идеи как ироничное ниспровержение власти, а делезианские как её юмористический развал. Таким образом, Фуко рассматривает власть как технологию управления жизнью и формирования послушного субъекта, однако, которой мы можем сопротивляться, перехватив эту власть, создать контр-производство альтернативных форм субъективности и жизни. Делёз же в своём описании власти обращается к обществам контроля и потокам желания, видит сопротивление этой власти в ускорении этих самых аппаратов контроля, доведение их до предела, до юмористического распада. Делёзианское будущее (по крайней мере в сравнении с Фуко) выглядит как киберпанк, в котором мельчайшие тела и чувства соединяются и оцениваются, но не для «дисциплинарного контроля», который нацелен на распределение этих тел, а для лучшего обустройства пространства, в котором количество связей будет умножаться. Фукианская же утопия заключается в постоянном творческом вызове власти через свою жизнь, тело и субъективность, которую нужно превратить в произведение искусства. Перспективным направлением может стать применение предложенной модели перверсии к другим философским диалогам, а также исследование актуальности концепций биовласти и общества контроля в цифровую эпоху.

Литература

1. Делёз Ж. Желание и удовольствие / Ж. Делёз Мая 68-го не было. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – С. 31–47.
2. Делёз Ж. Представление Захер-Мазоха. Венера в мехах Л. Фон Захер-Мазох. – М.: РИК «Культура», 1992. – 380 с.
3. Досс Ф. Жиль Делёз и Феликс Гваттари. Перекрёстная биография. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. – 672 с.
4. Маркиз де Сад Философия в будуаре. – М.: Проминформо, 1992. – 224 с.
5. Миллер Дж. Страсти Мишеля Фуко. – М.: Кабинетный учёный, 2013. – 528 с.
6. Ретев Й. Невозможное и совпадение: О революционной ситуации в философии. – Пермь: Гиле Пресс, 2016. – 146 с.
7. Фуко М. Интеллектуалы и власть // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – С. 66–81.
8. Gilliam C. (2018) Vrais Amis: Reconsidering the Philosophical Relationship Between Foucault and Deleuze. *Foucault studies*. – Vol. 25. No. 2, pp. 191–212. (In Eng.).
9. Gillson E. C. (2014) Ethics and the ontology of freedom: problematization and responsiveness in Foucault and Deleuze. *Foucault Studies*. – No. 17, pp. 76–98. (In Eng.).
10. Grace W. (2014) Foucault and Deleuze: Making a Difference with Nietzsche. *Foucault Studies*. – No. 17, pp. 99–116. (In Eng.).

11. Kaufman E. (2001) *The Delirium of Praise*. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 229 p.
12. Koopman C. (2016) Critical Problematization in Foucault and Deleuze: The Force of Critique without Judgment. In book: *Between Deleuze and Foucault*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 352 p. (In Eng.).
13. Lawlor L., Sholtz J. (2016) Speaking Out For Others: Philosophy's Activity in Deleuze and Foucault (and Heidegger). In book: *Between Deleuze and Foucault*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 352 p.
14. Morar N., Gracieuse M. (2016) Against the Incompatibility Thesis: A rather Different Reading of the Desire-Pleasure Problem. In book: *Between Deleuze and Foucault*. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 232–247. (In Eng.).
15. Morar N., Nail T., Smith D. W. (2014) Foucault Studies Special Issue: Foucault and Deleuze. *Foucault Studies*. – No. 17, pp. 4–10. (In Eng.).
16. Nail T. (2016) Biopower and Control. In book: *Between Deleuze and Foucault*. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 247–264. (In Eng.).
17. Patton P. (2016) Deleuze and Foucault: Political Activism, History and Actuality. In book: *Between Deleuze and Foucault*. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 160–174. (In Eng.).
18. Penfield C. (2014) Toward a Theory of Transversal Politics: Deleuze and Foucault's Block of Becoming. *Foucault Studies*. – No. 17, pp. 134–172. (In Eng.).
19. Sauvagnargues A., Feldman A. (2016) Becoming and History: Deleuze's Reading of Foucault. In book: *Between Deleuze and Foucault*, Edinburgh, Edinburgh University Press, pp. 174–200. (In Eng.).
20. Smith D. W. (2016) Two Concepts of Resistance: Foucault and Deleuze. In book: *Between Deleuze and Foucault*. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 264–285. (In Eng.).

References

1. Deleuze, J. (2016) [Desire and Pleasure]. *Maya 68-go ne bylo* [May 68 Did Not Happen]. M.: Ad Marginem Press, pp. 31–47. (In Russ.).
2. Deleuze, J. (1992) [Representation of Sacher-Masoch]. *Venera v mekhakh L. von Sacher-Masoch* [Venus in Furs L. von Sacher-Masoch]. M.: RIC «Culture», 380 p. (In Russ.).
3. Doss, F. (2021) *Zhil' Deloz i Feliks Gvattari. Perekrotnaya biografiya* [Gilles Deleuze and Felix Guattari. Cross Biography]. M.: Publishing House «Business» RANEPa, 672 p.
4. Marquis de Sade (1992) *Filosofiya v buduare* [Philosophy in the Boudoir]. M.: Prominformo, 224 p.
5. Miller, J. (2013) *Strasti Mishelya Fuko* [The Passions of Michel Foucault]. M.: Cabinet scientist, 528 p.
6. Regev, Y. (2016) *Nevozmoznoye i sovpadeniye: O revolyutsionnoy situatsii v filosofii* [The impossible and the coincidence: On the revolutionary situation in philosophy]. Perm: Gile Press, 146 p.
7. Foucault, M. (2002) [Intellectuals and power]. *Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews]. Under the general editorship of V. P. Vizgin and B. M. Skuratov. M.: Praxis, pp. 66–81. (In Russ., transl. from French).
8. Gilliam, C. (2018) Vrais Amis: Reconsidering the Philosophical Relationship Between Foucault and Deleuze. *Foucault studies*. Vol. 25. No. 2, pp. 191–212. (In Eng.).
9. Gillson, E. C. (2014) Ethics and the ontology of freedom: problematization and responsiveness in Foucault and Deleuze. *Foucault Studies*. No. 17, pp. 76–98. (In Eng.).
10. Grace, W. (2014) Foucault and Deleuze: Making a Difference with Nietzsche. *Foucault Studies*. Vol. 17, pp. 99–116. (In Eng.).
11. Kaufman, E. (2001) *The Delirium of Praise*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 229 p. (In Eng.).
12. Koopman, C. (2016) Critical Problematization in Foucault and Deleuze: The Force of Critique without Judgment. *Between Deleuze and Foucault*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 352 p. (In Eng.).
13. Lawlor, L., Scholtz, J. (2016) Speaking Out For Others: Philosophy's Activity in Deleuze and Foucault (and Heidegger). *Between Deleuze and Foucault*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 352 p. (In Eng.).
14. Morar, N., Gracieuse, M. (2016) Against the Incompatibility Thesis: A rather Different Reading of the Desire-Pleasure Problem. *Between Deleuze and Foucault*. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 232–247. (In Eng.).
15. Morar, N., Nail, T., Smith, D. W. (2014) Foucault Studies Special Issue: Foucault and Deleuze. *Foucault Studies*. Vol. 17, pp. 4–10. (In Eng.).
16. Nail, T. (2016) Biopower and Control. In book: *Between Deleuze and Foucault*. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 247–264. (In Eng.).
17. Patton, P. (2016) Deleuze and Foucault: Political Activism, History and Relevance. *Between Deleuze and*

Foucault. Edinburgh: Edinburgh University Press, pp. 160–174. (In Eng.).

18. Penfield, C. (2014) Toward a Theory of Transversal Politics: Deleuze and Foucault's Block of Becoming. *Foucault Studies*. Vol. 17, pp. 134–172. (In Eng.).

19. Sauvagnargues, A., Feldman, A. (2016) Becoming and History: Deleuze's Reading of Foucault. *Between Deleuze and Foucault, Edinburgh, Edinburgh University Press*, pp. 174–200. (In Eng.).

20. Smith, D. W. (2016) Two Concepts of Resistance: Foucault and Deleuze. *Between Deleuze and Foucault. Edinburgh: Edinburgh University Press*, pp. 264–285. (In Eng.).

Информация об авторах:

Арсений Владимирович Дрозденко, аспирант, научная специальность 5.7.1. Онтология и теория познания, Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

ORCID iD: 0009-0000-3257-4453

e-mail: arseniidrozdenco@yandex.ru

Наталья Валентиновна Зайцева, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки», Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

ORCID iD: 0009-0005-1520-1432

e-mail: zajceva.natalia2012@yandex.ru

Владислав Олегович Шелекета, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки», Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

ORCID iD: 0000-0002-4515-4420

e-mail: vladshelo@mail.ru

Вклад соавторов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 03.02.2025; принята в печать: 01.07.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Arseniy Vladimirovich Drozdenco, postgraduate student, scientific specialty 5.7.1. Ontology and Theory of Knowledge, Samara State Technical University, Samara, Russia

ORCID iD: 0009-0000-3257-4453

e-mail: arseniidrozdenco@yandex.ru

Natalia Valentinovna Zaitseva, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Samara, Russia

ORCID iD: 0009-0005-1520-1432

e-mail: zajceva.natalia2012@yandex.ru

Vladislav Olegovich Sheleketa, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Samara, Russia

ORCID iD: 0000-0002-4515-4420

e-mail: vladshelo@mail.ru

Contribution of the authors:

Authors declare no conflict of interest.

The paper was submitted: 03.02.2025.

Accepted for publication: 01.07.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

ТЕРМОДИНАМИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЕМИОЗИСА

А. В. Иващенко

Самарский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации,
Самара, Россия
e-mail: anton.ivashenko@gmail.com

Н. В. Чертыковцева

Самарский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации,
Самара, Россия
e-mail: chertykovtseva@mail.ru

А. Ю. Нестеров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия
e-mail: phil@ssau.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема поиска эффективного языка для человеко-компьютерного взаимодействия в условиях внедрения виртуальной реальности и искусственного интеллекта в рамках современной семиотики. Представлен вариант постановки задачи о знаке и попытка применить для ее решения аналогию с термодинамическими сложными системами. На основе онтологической модели семиотической спирали познания и деятельности предложено векторное представление цикла семиозиса в ортогональном пространстве координат семантического, синтаксического и прагматического измерения. Движение по спирали познания и деятельности образует эпистемологические оппозиции понимания и выражения, которые кодифицируются в знании рецептивного и проективного характера. Понимание описывает переход от знака к его значению, то есть решение задачи декодирования, а выражение – переход от значения к обозначающему его знаку, то есть решение задачи кодирования. На основе этого представления сформулирована задача эффективного семиозиса как процесса чередования стадий понимания и выражения, уточняющего систему использования знаков. Для решения этой задачи может быть использована аналогия с термодинамической системой, в которой также чередуются стадии превращения и обмена энергией, описываемые макроскопическими величинами. Для проведения оптимизации предложен метод координатного спуска. Можно двигаться от объекта к знаку путем подбора наилучшего семантического соответствия, упрощения знака в синтаксическом смысле и подбора прагматического правила. Либо, наоборот, выбрать некоторый опорный знак и упрощая прагматическое правило, синтаксическое представление или семантическое соответствие. Идеальный цикл семиозиса предусматривает при отсутствии потери смысла возврат к тому же объекту, который был использован при выборе знака. В реальном цикле производится итеративный спиральный по координатам спуск, в ходе которого производится итеративное уточнение пары знак-объект. Реализация предложенного подхода на практике позволяет повысить эффективность пользовательских интерфейсов аппаратно-программных комплексов виртуальной реальности с высокой иммерсивностью, а также выработать рекомендации по реализации промпт-инжиниринга в системах искусственного интеллекта.

Ключевые слова: семиотика, термодинамика, философия техники, инженерная деятельность, онтология.

Для цитирования: Иващенко А. В., Чертыковцева Н. В., Нестеров А. Ю. Термодинамическая интерпретация семиозиса // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 4. – С. 122–131. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-122>.

Original article

THERMODYNAMIC INTERPRETATION OF SEMIOSIS

A. V. Ivaschenko

Samara State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Samara, Russia
e-mail: anton.ivashenko@gmail.com

N. V. Chertykovtseva

Samara State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Samara, Russia
e-mail: chertykovtseva@mail.ru

A. Yu. Nesterov

Samara National Research University, Samara, Russia
e-mail: phil@ssau.ru

Abstract. *The paper aims at finding an effective language for human-computer interaction in the context of the introduction of Virtual Reality and Artificial Intelligence within the framework of modern semiotics. A variant of the sign problem statement and an attempt to apply an analogy with thermodynamic complex systems for its solution are presented. Based on the ontological model of the semiotic spiral of cognition and activity, a vector representation of the semiosis cycle in the orthogonal space of coordinates of the semantic, syntactic and pragmatic dimensions is proposed. Movement along the spiral of cognition and activity forms epistemological oppositions of understanding and expression, which are codified in knowledge of a receptive and projective nature. Understanding describes the transition from a sign to its meaning, that is, the solution of the decoding problem, and expression describes the transition from the meaning to the sign denoting it, that is, the solution of the coding problem. Based on this representation, the problem of effective semiosis is formulated as a process of alternating the stages of understanding and expression, clarifying the system of using signs. To solve this problem, an analogy with a thermodynamic system can be used, in which the stages of transformation and exchange of energy described by macroscopic quantities also alternate. To perform optimization, a coordinate descent method is proposed. It is possible to move from an object to a sign by selecting the best semantic match, simplifying the sign in the syntactic sense and selecting a pragmatic rule. Conversely, it is proposed to select a certain reference sign and simplify the pragmatic rule, syntactic representation or semantic match. The ideal cycle of semiosis provides for a return to the same object that was used when selecting the sign in the absence of loss of meaning. In a real cycle, an iterative spiral coordinate descent is performed, during which an iterative refinement of the sign-object pair is performed. The implementation of the proposed approach in practice allows increasing the efficiency of user interfaces of hardware and software complexes of Virtual Reality with high immersion, as well as developing recommendations for the implementation of prompt engineering in Artificial Intelligence systems.*

Key words: *semiotics, thermodynamics, philosophy of technology, engineering, ontology.*

Cite as: Ivaschenko, A. V., Chertykovtseva, N. V., Nesterov, A. Yu. (2025) [Thermodynamic interpretation of semiosis]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 122–131. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-4-122>.

Введение

Современные исследования в области семиотики, как философской науки о знаках, получают вполне прикладное применение в задачах организации человеко-компьютерного взаимодействия [19; 23]. Возможности различных пользовательских интерфейсов, в том числе формирующих виртуальную и дополненную реальность [17; 20], требуют новых подходов к обозначению различных сущностей в процессе передачи информации о них пользователю. При глубоком погружении пользователя в про-

цесс взаимодействия говорят о появлении иммерсивной среды, однако для достижения такого эффекта необходимы специальные усилия по организации пользовательского интерфейса.

Другой актуальный аспект организации человеко-компьютерного взаимодействия в настоящее время состоит в реализации интерфейсов к искусственному интеллекту [8; 18]. Широкое использование генеративных искусственных нейронных сетей и больших языковых моделей подняло на новый уровень проблему организации общения между человеком и ин-

теллектуальным ботом. Несмотря на значительные возможности по использованию в таком общении естественного языка, существует проблема выстраивания эффективной коммуникации, а исследования по поиску и реализации такой коммуникации в настоящее время известны под наименованием «пром프트-инжиниринг» [1; 14].

Обе указанные тенденции обуславливают актуальность новой научно-технической задачи поиска эффективного языка для человеко-компьютерного взаимодействия в условиях внедрения виртуальной реальности и искусственного интеллекта в рамках современной семиотики. В данной статье представлен вариант постановки этой задачи и попытка применить для ее решения аналогию с термодинамическими сложными системами.

Состояние вопроса

Прагматический подход к применению знаков в практической деятельности базируется на семиотических теориях Ч. С. Пирса, Ч. У. Морриса и Ф. де Соссюра [24; 27]. Согласно трихотомии типологии знаков выделяют десять классов знаков Пирса, которые позволяют квалифицировать знак в соответствии с его собственной феноменологической категорией, категорией способа обозначения им своего объекта, либо в соответствии с категорией, которую интерпретатор приписывает способу знака обозначать свой объект [21; 26]. Теория применяется в нарративном анализе, описывающем процесс познания [22].

Знак при этом понимается как структурный элемент вывода. Такой подход позволяет находить способы обозначения, общие для естественного и искусственного интеллекта. Например, использования концепта «аффорданс» [6] позволяет описывать способ применения технического устройства как Легисигн-Индекс-Децисигн (Legisign-Index-Dicisign). Это позволяет применять теорию знаков при выстраивании человеко-машинного взаимодействия при решении инженерных задач.

Процессы проективной репрезентации, обращающей порядок следования ступеней познания, описываются как «трёхакт» П. К. Энгельмейером [15; 16] или как «формообразующие способности» Ф. Дессауэром [4; 10]. П. К. Энгельмейером также введена онтологическая модель семиотической спирали познания и деятельности, сформулирована, согласно которой человек сначала познаёт, субъективирует действительность, затем действует, объективируя свои желания и потребности и изменяя действительность.

Движение по спирали познания и деятельности образует эпистемологические оппозиции понимания и выражения, которые кодифицируются в знании

рецептивного и проективного характера [9; 11]. При этом возникает задача расшифровки кода [5], которая заключается в преобразовании кода из чуждого субъекту в естественный в ходе акта понимания информации. Понимание описывает переход от знака к его значению, то есть решение задачи декодирования, а выражение – переход от значения к обозначающему его знаку, то есть решение задачи кодирования.

Таким образом, образуются циклы использования знака, которые могут, как уточнять и совершенствовать используемые языковые средства, так и размыывать их смысл, утрачивая ясность и однозначность применения. Для развития человеческого общества такие флуктуации являются скорее преимуществом, поскольку способны развивать язык и культуру общения. Однако с технической точки зрения, потеря формализации и изменение смысла обозначений представляют собой существенный недостаток, связанный, прежде всего, с отсутствием возможности «забывать» устаревшие значения. Решить эту проблему можно с помощью динамических моделей, обладающих возможностью формального описания процессов «запоминания» и «забывания».

Таким образом, на основе существующих теоретических подходов современной семиотики можно сформулировать задачу эффективного семиозиса как процесса чередования стадий понимания и выражения, уточняющего систему использования знаков. Для решения этой задачи может быть использована аналогия с термодинамической системой, в которой также чередуются стадии превращения и обмена энергией, описываемые макроскопическими величинами. Термодинамическая интерпретация сложных систем позволяет описать процессы самоорганизации [3; 12; 25] не только в физических и химических, но и в биологических, социальных и экономических системах, а также имитационных моделях, построенных с помощью информационных технологий.

Подобные аналогии также рассматриваются в рамках семиодинамики – динамической теории знаковых систем, изучающей общие закономерности возникновения, развития и отмирания естественных систем в знаковом представлении [2; 7]. В данной статье предпринята попытка переопределить задачу о знаке и на ее основе предложить формализацию спирали семиозиса в контексте термодинамического цикла.

Вариант постановки задачи о знаке

Пусть имеется объект $A_i = \{a_{i,j}\}$, представленный счетным набором наблюдаемых признаков $a_{i,j}$. Введем знак $S_m = \{s_{m,n}\}$, выраженный в счетном и конечном наборе распознаваемых характерных свойств $s_{m,n}$, где $n = 1..N(S_m)$ – порядковый номер свойст-

ва знака. Здесь i и m – некоторые условные индикаторы конкретных существующих объекта и знака соответственно.

В предельном случае объект обозначает сам себя, то есть является знаком, исчерпывающе описывающим свое существование

$$A_i = S_m, i = m: \forall j = n: a_{i,j} = S_{m,n}. \quad (1)$$

В этом случае объективно, то есть безотносительно точки зрения наблюдателя, характерные свойства знака совпадают с наблюдаемыми признаками. Обо-

значим функцию соответствия в виде бинарного отношения между двумя множествами $\{a_{i,j}\}$ и $\{s_{m,n}\}$ в виде подмножества R Декартова произведения $A_i \times S_m$:

$$R(A_i, S_m) \sum_{j,n} \delta(a_{i,j} = s_{m,n}), \quad (2)$$

где

$$\delta(x) = \begin{cases} 1, & \text{если } x = \text{true}, \\ 0, & \text{если } x = \text{false}. \end{cases}$$

В данной модели функция соответствия не Булева, поскольку соответствие может быть неполным. Для простоты записи предполагается, что признаки объекта и свойства знака упорядочены единым

принятым способом.

В общем случае знак не совпадает с объектом, но входит с ним в отношения выражения или понимания, описываемыми соответствующим событиями:

$$E_{i,m,x,k}(A_i, S_m, u_x, t_{i,m,k}) = \{0,1\}, \quad (3)$$

где

$t_{i,m,k}$ – время события,
 u_x – субъект, инициировавший событие.

В рамках текущего рассуждения тип события (выражение и/или понимание) не важен.

Событие описывается Булевой функцией, то есть если оно произошло – оно принимает значение 1.

Сформулируем задачу о знаке, определив возможные целевые функции семиозиса.

1. Однозначность – для каждого события знак наилучшим образом выражает свойства объекта:

$$\sum_{i,m,x,k} E_{i,m,x,k}(A_i, S_m, u_x, t_{i,m,k}) \cdot R(A_i, S_m) \rightarrow \max. \quad (4)$$

2. Распространенность – максимальное понимание знакового средства в группе, то есть применение

единого знака для обозначения одного и того же объекта разными субъектами:

$$\sum_{x,y,m,q,k,l} E_{i,m,x,k} \cdot E_{i,q,y,l} \cdot \delta(S_m \neq S_q) \rightarrow \min. \quad (5)$$

Можно также рассматривать близость знаков используемых разными субъектами, но это не характеризует распространенность, поскольку приводит к росту параметра сигнал/шум и разрушает однозначность.

3. Лаконичность – обеспечение максимальной смысловой нагрузки минимальными языковыми средствами:

$$\sum_{i,m,x,k} E_{i,m,x,k}(A_i, S_m, u_x, t_{i,m,k}) \cdot N(S_m) \rightarrow \min. \quad (6)$$

Введенные целевые функции, будучи употребимы по отдельности или совместно в процессе многокритериальной оптимизации, позволяют формулировать различные задачи семиозиса как динамического процесса интерпретации.

Цикл семиозиса

Для поиска пути решения этих задач может быть использована термодинамическая модель. Пусть семиозис, то есть процесс обозначения объекта знаком, будет представлен вектором в пространстве знаков, направленным от используемого знака, факт использования которого описан соответствующим событием, непосредственно к объекту.

Предположим, что измерения семиозиса по Ч. У. Моррису представляют ортогональную систе-

му, то есть не влияют друг на друга непосредственно. В этом случае, рассматриваемый вектор может быть разбит по координатам в соответствии с семантическим, синтаксическим и прагматическим измерениями. Данный подход проиллюстрирован на рисунке 1. Направление каждой оси характеризует усложнение в условных единицах.

На стадии понимания производится вначале семантическое распознавание знака, затем преобразование кода в синтаксическом измерении, и, наконец, применение данного знака для обозначения конкретного объекта. На стадии выражения в противоположном направлении производится обобщение объекта путем выбора отличительных и характерных свойств, затем упрощение обозначающего кода и, наконец, выбор знака на уровне прагматики.

Рисунок 1. Цикл семиозиса

Источник: разработано авторами

Таким образом, при поиске знака, лучшим образом реализующим функцию семиозиса, можно пользоваться методом координатного спуска. Здесь возможно два решения. Можно двигаться от объекта к знаку путем подбора наилучшего семантического соответствия, упрощения знака в синтаксическом смысле и подбора прагматического правила. Либо, наоборот, выбрать некоторый опорный знак, упрощая прагматическое правило, синтаксическое представление или семантическое соответствие.

По аналогии с термодинамическими циклами таким образом можно ввести понятие цикла (петли) семиозиса, содержащего две стадии (перехода):

- понимание, то есть нахождение объекта, на который указывает знак;

- выражение, то есть подбор нового знака, обозначающего этот объект.

Для объекта можно подобрать разные знаки, при этом объект существует по факту (событию) наблюдения. Поэтому, идеальный цикл семиозиса предусматривает при отсутствии потери смысла возврат к тому же объекту, который был использован при выборе знака. В реальном цикле семиозиса производится итеративный спиральный по координатам спуск, в ходе которого производится итеративное уточнение пары знак-объект.

Результаты и обсуждение

Представленный в данной статье подход был использован при разработке пользовательского интер-

фейса виртуальной реальности с глубоким погружением для аппаратно-программного комплекса медицинской психологической реабилитации и диагностики психологических и когнитивных расстройств. Одна из областей применения комплекса состоит в диагностике тревожных состояний с идентификацией уровня тревожности под контролем электроэн-

цефалографии. Для пациента при этом формируется виртуальная среда с определенным эмоциональным фоном и некоторыми знаками, привлекающими его внимание в определенные моменты времени, показанными на рисунке 2. Выделенные объекты могут использоваться пользователем для интерактивного взаимодействия.

Рисунок 2. Фрагмент виртуальной среды пользовательского интерфейса
Источник: снимок экрана программного комплекса [13]

В ходе реализации диагностической методики необходимо подобрать такого рода систему знаков и обозначений, которая бы соответствовала указанной выше задаче о знаке. Принятые обозначения должны соответствовать требованиям однозначности, распространенности и лаконичности и вызывать эмоциональный отклик, соответствующий целям методики диагностики тревожных расстройств. В процессе реализации комплекса был осуществлен подбор такой рода системы с учетом специфики решаемой задачи.

Проблема эффективности используемой системы знаков приобретает новую актуальность в контексте активного человеко-машинного взаимодействия в среде с элементами искусственного интеллекта. Современные большие языковые модели способны поддерживать коммуникацию на естественном языке, однако такой язык не всегда эффективен для решения прикладных задач. С целью решения этой проблемы в настоящее время развивается направление промпт-инжиниринга, в рамках которого изучаются способы составления эффективных запросов к искусственным нейронным сетям. Также для результативного взаимодействия необходимо находить формулировки и использовать обозначения, имеющие наилучшие показатели по параметру сигнал/шум по аналогии с системами связи.

Продолжение исследований в области семиотики в данном случае позволяет ставить и решать прикладные задачи выстраивания новых способов коммуникации внутри смешанной среды человеческого и искусственного интеллекта.

Заключение

Предложенная постановка задачи о знаке и метод ее решения путем покоординатного спуска позволяет сформировать новый взгляд на проблему применения знаков в задачах построения современных интерактивных пользовательских интерфейсов. Ключевое преимущество предложенного подхода состоит в возможности организации процессов конструирования языка, наиболее полно и адекватно отражающего обстановку в условиях постоянных изменений. Аналогия с термодинамическими циклами позволит обеспечить сходимость этого процесса и сформировать критерии эффективности выбранной знаковой системы.

Реализация предложенного подхода на практике позволяет повысить эффективность пользовательских интерфейсов аппаратно-программных комплексов виртуальной реальности с высокой иммерсивностью, а также выработать рекомендации по реализации промпт-инжиниринга в системах искусственного интеллекта.

Литература

1. Алексеева Л. Г., Алексеев П. С. Язык промптов, или особенности формулирования запросов к генеративным нейросетям для создания изображений // *Verba. Северо-Западный лингвистический журнал*. – 2024. – № 3(13). – С. 50–61. – [https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-3\(13\)-50-61](https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-3(13)-50-61). – EDN: ZVOBBA.
2. Баранцев Р. Г. История семиодинамики: документы, беседы, комментарии. – М.-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2006. – 376 с.
3. Буданов В. Г. Роль И. Р. Пригожина и Г. Хакена в становлении междисциплинарной эволюционно-синергетической парадигмы // *Мир человека: неопределённость как вызов*. – 2019. – С. 125–145. – EDN: KJUMHE.
4. Дессауэр Ф. Человек и космос. Опыт. Спор о технике: монография / пер. с нем. А. Ю. Нестерова. Т. 1. – Самара: Издательство «Мудрая черепаха», 2024. – 340 с.
5. Дубровский Д. И. Информация. Сознание. Мозг. Расшифровка мозговых кодов психических явлений. Изд. 2, дополненное. – М.: URSS, 2021. – 304 с.
6. Иващенко А. В., Терехин М. А., Нестеров А. Ю. Концептуализация междисциплинарной инженерной деятельности // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. – 2025. – № 1. – С. 117–128. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-1-117>. – EDN: QCCTRW.
7. Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М. Семиозис и семиодинамика теологических и мифологических знаковых систем. – М.: URSS, 2010. – 400 с.
8. Лешкевич Т. Г. Субъектоподобные качества ИИ: «стыковка» humans и non-humans // *Вопросы философии*. – 2025. – № 4. – С. 39–47. – <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2025-4-39-47>. – EDN: AHMQDW.
9. Нестеров А. Ю. Истина и польза в техническом мировоззрении // *Философия науки и техники*. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 84–97. – <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2024-29-1-84-97>. – EDN: QKZWHY.
10. Нестеров А. Ю. Онтологический плюрализм Ф. Дессауэра // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – 2023. – № 71. – С. 119–127. – <https://doi.org/10.17223/1998863X/71/12>. – EDN: PBBWKD.
11. Нестеров А. Ю. Семиотика как методология и онтология // *Семиотические исследования*. – 2021. – Т. 1, № 1. – С. 6–13. – <https://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-1-6-13>. – EDN: RLWGHX.
12. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
13. Программный комплекс социально-психологической реабилитации поведенческих стрессовых расстройств в среде виртуальной реальности с обратной связью. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2024684873, 22.10.2024. Заявка от 15.10.2024. Авторы: Колсанов А. В., Иващенко А. В., Жейков Д. С., Печорин А. С., Суворов М. А., Сулевич Н. О., Санкович М. А., Гаранов И. А., Бибикина Е. Г.
14. Соколова М. Е. ChatGPT и промпт-инжиниринг: о перспективах внедрения генеративных нейросетей в науку // *Наукоевческие исследования*. – 2024. – № 1. – С. 92–109. – <https://doi.org/10.31249/scis/2024.01.07>. – EDN: PRANUV.
15. Энгельмейер П. К. Теория творчества. Изд. 3-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 208 с.
16. Энгельмейер П. К. Философия техники. – СПб.: Лань, 2013. – 93 с.
17. Bhise S., et al. (2024) Use of Virtual Reality in physical rehabilitation: A narrative review. *Current Medicine Research and Practice*. Vol. 14. No. 3. pp. 122–127. – https://doi.org/10.4103/cmrip.cmrip_225_23. (In Eng.).
18. Bubeck S., et al. (2023) Sparks of Artificial General Intelligence: Early experiments with GPT-4. Cornell University. – <https://doi.org/10.48550/arXiv.2303.12712>. (In Eng.).
19. Cioczek M., Czarnota T., Szymczyk T. (2021) Analysis of modern human-computer interfaces. *Journal of Computer Sciences Institute*, Vol. 18. pp. 22–29. – <https://doi.org/10.35784/jcsi.2403>. (In Eng.).
20. Cochrane T., Sissons H. (2019) An introduction to immersive reality. *Pacific Journal of Technology Enhanced Learning*. Vol. 2, No. 1, P. 6. – <https://doi.org/10.24135/pjtel.v2i1.28>. (In Eng.).
21. Farias P. L., Queiroz J. (2017) Visualizing triadic relations: diagrams for Charles S. Peirce's classifications of signs: A way of thinking & approaching information design. *Information Design Journal*. Vol. 23. No. 2. pp. 127–147. – <https://doi.org/10.1075/idj.23.2.03far>. (In Eng.).
22. Manning A. (2021) Narrative elements derived from C.S. Peirce's semiotic categories. – 30 p. – <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.22981.58083>. (In Eng.).
23. Mohammed Y. B., Karagozlu D. (2021) A review of human-computer interaction design approaches towards information systems development. *Brain Broad Research in Artificial Intelligence And Neuroscience*, Vol. 12. No. 1. pp. 229–250. – <https://doi.org/10.18662/brain/12.1/180>. (In Eng.).
24. Yakin H, Totu A. (2014) The semiotic perspectives of Peirce and Saussure: a brief comparative study. *Procedia* –

Social and Behavioral Sciences. Vol. 155. pp. 4–8. – <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.10.247>. (In Eng.).

25. Sanfeld A., Velarde M. G. (2004) Ilya Prigogine and the classical thermodynamics of irreversible processes. *Journal of Non-Equilibrium Thermodynamics*. Vol. 29, No. 1, pp. 1–8. – <https://doi.org/10.1515/JNETDY.2004.001>. (In Eng.).

26. Sørensen B., et al. (2023) Information in the light of Peirce's ten classes of signs. *Open Semiotics*. pp. 275–289. (In Eng.).

27. Švantner M. (2014) Struggle of a description: Peirce and his late semiotics. *Human Affairs*. Vol. 24. No. 2. Pp. 204–214. – <https://doi.org/10.2478/s13374-014-0220-2>. (In Eng.).

References

1. Alekseeva, L. G., Alekseev, P. S. (2024) [The language of prompts, or features of formulating queries to generative neural networks for creating images]. *Verba. Severo-Zapadnyj lingvisticheskij zhurnal* [Verba. North-West Linguistic Journal]. Vol. 3(13), pp. 50–61. (In Russ.).

2. Barancev, R. G. (2006) *Istoriya semiodinamiki: dokumenty, besedy, kommentarii* [History of semiodynamics: documents, conversations, comments]. M. – Izhevsk: Research Center «Regular and Chaotic Dynamics», 376 p.

3. Budanov, V. G. (2019) [The role of I.R. Prigogine and G. Haken in the formation of the interdisciplinary evolutionary-synergetic paradigm]. *Mir cheloveka: neopredelyonnost' kak vyzov* [The world of man: uncertainty as a challenge]. pp. 125–145. (In Russ.).

4. Dessauer, F. (2024) *Chelovek i kosmos. Opyt. Spor o tekhnike* [Man and Space. Experience. Debate on Technology]. Vol. 1. Samara: Wise turtle Publishing House, 340 p. (In Russ., transl. from Eng.).

5. Dubrovskij, D. I. (2021) *Informaciya. Soznanie. Mozg. Rasshifrovka mozgovykh kodov psichicheskikh yavlenij* [Information. Consciousness. Brain. Decoding brain codes of mental phenomena]. Moscow: URSS, 304 p. (In Russ.).

6. Ivashchenko, A. V., Terekhin, M. A., Nesterov, A. Yu. (2025) [Conceptualization of interdisciplinary engineering activity]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 117–128. (In Russ.).

7. Lebedev, V. Yu., Priluckij, A. M. (2010) *Semiozis i semiodynamika teologicheskikh i mifologicheskikh znakovykh sistem* [Semiosis and semiodynamics of theological and mythological sign systems]. Moscow: URSS, 400 p.

8. Leshkevich, T. G. (2025) [Subject-like qualities of AI: «docking» humans and non-humans]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 4, pp. 39–47. (In Russ.).

9. Nesterov, A. Yu. (2024) [Truth and Usefulness in the Technical Worldview]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Vol. 29. No 1, pp. 84–97. (In Russ.).

10. Nesterov, A. Yu. (2023) [Ontological Pluralism of F. Dessauer]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science]. Vol. 71, pp. 119–127. (In Russ.).

11. Nesterov, A. Yu. (2021) [Semiotics as Methodology and Ontology]. *Semioticheskie issledovaniya* [Semiotic Studies]. Vol. 1. No 1, pp. 6–13. (In Russ.).

12. Prigozhin, I., Stengers, I. (1986) *Poryadok iz haosa* [Order from Chaos]. Moscow: Progress, 432 p.

13. *Programmnyj kompleks social'no-psihologicheskoy reabilitacii povedencheskikh stressovykh rasstrojstv v srede virtual'noj real'nosti s obratnoj svyaz'yu* [Software package for social and psychological rehabilitation of behavioral stress disorders in a virtual reality environment with feedback]. Certificate of registration of computer program RU 2024684873, 22.10.2024. Application 15.10.2024. Authors: Kolsanov A. V., Ivashchenko A. V., Zhejkov D. S., Pechorin A. S., Suvorov M. A., Sulevich N. O., Sankovich M. A., Garanov I. A., Bibikova E. G. (In Russ.).

14. Sokolova, M. E. (2024) [ChatGPT and prompt engineering: on the prospects for introducing generative neural networks in science]. *Naukovedcheskie issledovaniya* [Scientific research]. Vol. 1, pp. 92–109. (In Russ.).

15. Engel'mejer, P. K. (2010) *Teoriya tvorchestva* [Theory of creativity]. Ed. 3. Moscow: LIBROKOM, 208 p.

16. Engel'mejer, P. K. (2013) *Filosofiya tekhniki* [Philosophy of Technology]. Saint-Petersburg: Lan', 93 p.

17. Bhise, S., et al. (2024) Use of Virtual Reality in physical rehabilitation: A narrative review. *Current Medicine Research and Practice*. Vol. 14. No. 3, pp. 122–127. – https://doi.org/10.4103/cmrrp.cmrrp_225_23. (In Eng.).

18. Bubeck, S., et al. (2023) Sparks of Artificial General Intelligence: Early experiments with GPT-4. Cornell University. – <https://doi.org/10.48550/arXiv.2303.12712>. (In Eng.).

19. Cioczek, M., Czarnota, T., Szymczyk, T. (2021) Analysis of modern human-computer interfaces. *Journal of Computer Sciences Institute*, Vol. 18, pp. 22–29. – <https://doi.org/10.35784/jcsi.2403>. (In Eng.).

20. Cochrane, T., Sissons, H. (2019) An introduction to immersive reality. *Pacific Journal of Technology Enhanced Learning*. Vol. 2, No. 1, pp. 6. – <https://doi.org/10.24135/pjtel.v2i1.28>. (In Eng.).

21. Farias, P. L., Queiroz, J. (2017) Visualizing triadic relations: diagrams for Charles S. Peirce's classifications of signs: A way of thinking & approaching information design. *Information Design Journal*. Vol. 23. No. 2, pp. 127–147. – <https://doi.org/10.1075/idj.23.2.03far>. (In Eng.).
22. Manning, A. (2021) Narrative elements derived from C.S. Peirce's semiotic categories. 30 p. – doi: 10.13140/RG.2.2.22981.58083. (In Eng.).
23. Mohammed, Y. B., Karagozlu, D. (2021) A review of human-computer interaction design approaches towards information systems development. *Brain Broad Research in Artificial Intelligence And Neuroscience*, Vol. 12. No. 1, pp. 229 – 250. – <https://doi.org/10.18662/brain/12.1/180>. (In Eng.).
24. Yakin, H., Totu, A. (2014) The semiotic perspectives of Peirce and Saussure: a brief comparative study. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 155, pp. 4–8. – <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.10.247>. (In Eng.).
25. Sanfeld, A., Velarde, M. G. (2004) Ilya Priogogine and the classical thermodynamics of irreversible processes. *Journal of Non-Equilibrium Thermodynamics*. Vol. 29, No. 1, pp. 1–8. – <https://doi.org/10.1515/JNETDY.2004.001>. (In Eng.).
26. Sørensen, B., et al. (2023) Information in the light of Peirce's ten classes of signs. *Open Semiotics*, pp. 275–289. (In Eng.).
27. Švantner, M. (2014) Struggle of a description: Peirce and his late semiotics. *Human Affairs*. Vol. 24. No. 2, pp. 204–214. – <https://doi.org/10.2478/s13374-014-0220-2>. (In Eng.).

Информация об авторах:

Антон Владимирович Иващенко, доктор технических наук, профессор, директор Передовой медицинской инженерной школы, Самарский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Самара, Россия

ORCID iD: 0000-0001-7766-3011, **Scopus Author ID:** 42661608400

e-mail: anton.ivashenko@gmail.com

Наталья Валерьевна Чертыковцева, кандидат технических наук, заместитель директора Передовой медицинской инженерной школы, Самарский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Самара, Россия

ORCID iD: 0000-0002-0060-9778, **Scopus Author ID:** 57205195520

e-mail: chertykovtseva@mail.ru

Александр Юрьевич Нестеров, кандидат филологических наук, доктор философских наук, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия

ORCID iD: 0000-0002-0670-9315, **Scopus Author ID:** 57222081807

e-mail: phil@ssau.ru

Вклад соавторов:

Иващенко А. В. – обзор и разработка базовых концептов.

Чертыковцева Н. В. – разработка динамической модели и практическая реализация в медицинской инженерии.

Нестеров А. Ю. – методология исследования и постановка задачи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2025; принята в печать: 01.07.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Anton Vladimirovich Ivaschenko, Doctor of Engineering, Professor, Director of the Advanced Medical Engineering School, Samara State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Samara, Russia

ORCID iD: 0000-0001-7766-3011, **Scopus Author ID:** 42661608400

e-mail: anton.ivashenko@gmail.com

Natalya Valeryevna Chertykovtseva, Candidate of Engineering, Deputy Director of the Advanced Medical Engineering School, Samara State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Samara, Russia

ORCID iD: 0000-0002-0060-9778, **Scopus Author ID:** 57205195520

e-mail: chertykovtseva@mail.ru

Alexander Yuryevich Nesterov, Candidate of Philological Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Director of the Social and Humanitarian Institute, Head of the Philosophy Department, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russia

ORCID iD: 0000-0002-0670-9315, **Scopus Author ID:** 57222081807

e-mail: phil@ssau.ru

Contribution of the authors:

Ivaschenko A. V. – review and development of basic concepts.

Chertykovtseva N. V. – development of the dynamic model and practical implementation in medical engineering.

Nesterov A. Yu. – research methodology and problem statement.

No conflict of interest.

The paper was submitted: 26.05.2025.

Accepted for publication: 01.07.2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА

К публикации принимаются ранее неопубликованные оригинальные научные статьи и научные обзоры по следующим научным специальностям:

- 2.9.5. Эксплуатация автомобильного транспорта (технические науки);
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
- 5.2.4. Финансы (экономические науки);
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки);
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.7.3. Эстетика (философские науки);
- 5.7.4. Этика (философские науки);
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Обзорная статья должна быть концептуальной, т.е. содержать новые идеи и концепции, вытекающие из массива опубликованных материалов.

В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий статья будет *ретрагирована* (отозвана из печати).

Статья включает в себя следующие элементы:

УДК. На первой странице статьи, слева в верхнем углу без отступа, указывается индекс по универсальной десятичной классификации.

Название статьи (на русском и английском языках). Название статьи должно быть однозначным, понятным специалистам в других областях, и отражать содержание статьи. Редакция просит не использовать в названии статьи аббревиатуры, вопросительные и восклицательные предложения, а также не формулировать название статьи в виде двух предложений.

Информацию об авторах (на русском и английском языках), включающую в себя следующие сведения по каждому автору:

- фамилия, имя, отчество;
- место работы (название организации согласно уставу);
- город, страна;
- контактный электронный адрес.

Аннотацию (на русском и английском языках). Аннотация является самостоятельным информативным текстом, содержащим краткую версию статьи. Рекомендуемый объем аннотации: 250–300 слов. Для большинства читателей она будет главным источником информации о представленном исследовании.

В аннотации следует отразить актуальность, цель, используемые подходы, методы и (или) методический аппарат исследования, основные результаты, научную новизну, практическую значимость (при наличии), направления дальнейших исследований, рекомендации. При изложении материала рекомендуется придерживаться вышеуказанной структуры аннотации.

Вся информация, содержащаяся в аннотации, должна быть раскрыта в основном тексте статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках). Ключевые слова являются поисковым аппаратом научной статьи. Они должны отражать основную терминологию данного научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов: 5–10 слов.

Благодарности (на русском и английском языках). Здесь следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, а также организации, оказавшие финансовую поддержку.

Основной текст статьи. Принимаются статьи на русском и английском языках. Объем текста статьи без библиографического списка должен составлять не более 20 страниц авторского текста, оформленного в соответствии с техническими требованиями журнала.

Основной текст статьи излагается в следующей последовательности:

Введение. Данный раздел должен содержать обоснование необходимости и актуальности проводимого исследования, краткое описание научной проблемы, которая требует решения, постановку цели исследования, согласованной с названием статьи, ее содержанием и результатами, а также иные аспекты, что в целом позволило бы читателю понять и оценить важность и значимость проведенного исследования.

Заголовки структурных частей статьи. Здесь описывается суть исследуемой проблемы, ее связь с темой статьи, степень ее разработанности в современной науке, методологический аппарат и (или) методический инструментарий проведенного исследования. Желательно наличие раздела «Методы», содержащего описание того, как было проведено исследование. Следует изложить все факторы, которые могли повлиять на результаты исследования.

Результаты исследования (или иной заголовок). Данный раздел статьи должен содержать описание полученных результатов исследования и их интерпретацию.

Заключение. Приводятся выводы, основывающиеся на полученных результатах, выводы о научной ценности и практической значимости полученных результатов, даются рекомендации для дальнейших исследований на основе данной работы. Ранее опубликованные результаты не должны включаться в этот раздел статьи.

Литература (References). Список литературы должен содержать, как правило, не менее 15–17 научных источников. В данный раздел могут быть включены следующие типы источников:

- статьи в научных *рецензируемых* журналах;
- статьи в *рецензируемых* сборниках трудов конференций;
- книги (кроме учебной и справочной литературы);
- монографии;
- патенты.

Не рекомендуется включать источники из малотиражных изданий (сборников статей, трудов конференций, монографий), не доступных для ознакомления онлайн, российских журналов, не входящих в РИНЦ или исключенных из РИНЦ.

Ссылки на правовые акты, справочные и статистические материалы, информационные и аналитические материалы сайтов необходимо оформлять в виде подстрочных библиографических ссылок. Нежелательны ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций. Рекомендуется ссылаться на оригинальные статьи и монографии. Диссертации рассматриваются как рукописи и не являются печатными источниками. Если ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций необходимы, то их предпочтительно оформлять также в виде подстрочных библиографических ссылок.

В списке источников рекомендуется наличие работ иностранных авторов (не менее 30%), а также работ, изданных за последние 5 лет.

Прямое библиографическое самоцитирование (процент работ авторов в общем списке источников) не должно превышать 20%.

Литература приводится в алфавитном порядке, иностранные источники размещаются в конце библиографического списка также в алфавитном порядке.

Для оформления списка источников используется ГОСТ Р 7.0.5-2008. Примеры оформления библиографических ссылок.

Для оформления **References** используется система Harvard system of referencing. Правила и примеры оформления.

На все источники должны быть ссылки в тексте статьи в квадратных скобках. Например, [5] или [9, с. 14], т. е. указывается номер источника в списке литературы или номер источника в списке литературы и номер страницы в этом источнике.

Аффилиация авторов (на русском и английском языках). Для каждого автора указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность с названием структурного подразделения организации, наименование организации (постоянного места работы автора) полностью согласно уставу организации; **ORCID iD**, **Researcher ID**, **Scopus Author ID** (при наличии); город, страна, электронный адрес (e-mail).

Вклад соавторов (при наличии авторского коллектива).

Правила оформления статьи и ее шаблон представлены на сайте журнала <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

Материал должен быть набран в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.docx. Для всех частей статьи должны выполняться следующие технические требования:

- шрифт: гарнитура Times New Roman, 14 pt;
- межстрочный интервал – 1,5 строки;
- абзацный отступ – 1,25 см.;
- выравнивание текста: по ширине;
- автоматическая расстановка переносов должна быть выключена;
- поля: левое – 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см.

Формулы и символы помещаются в тексте статьи, используется редактор формул Microsoft Equation.

Таблицы. Все таблицы, встречающиеся в тексте статьи, должны быть пронумерованы и иметь название, которое располагается перед таблицей.

Формат названия таблицы:

Таблица <номер>. <Название без использования аббревиатуры>.

Под таблицей должно быть указано их авторство (источник). Рекомендуемый формат:

- Источник: разработано автором;
- Источник: разработано автором на основе <указать источники>;
- Источник: заимствовано из [указать источники].

По тексту статьи должны быть обязательно ссылки на все таблицы.

Внутри таблицы допускается размер шрифта 12 pt (гарнитура Times New Roman)

Рисунки. Все рисунки, встречающиеся в тексте статьи, должны быть пронумерованы и иметь название, которое располагается под рисунком.

Формат названия рисунка:

Рисунок<номер>. <Название без использования аббревиатуры>

После названия рисунка должно быть указано авторство (источник) этого рисунка. Рекомендуемый формат:

- источник: разработано автором;
- источник: разработано автором на основе <указать источники>;
- источник: заимствовано из [указать источники].

По тексту статьи должны быть обязательно ссылки на все рисунки.

Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены шрифтом Times New Roman, допускается размер шрифта 12 pt.

Не допускаются отсканированные графики, таблицы, схемы.

Фотографии, представленные в статье, должны быть высланы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi.

Подстрочные библиографические ссылки оформляются на основе использования команды MS Word «Ссылки / Вставить сноску».

BASIC REQUIREMENTS FOR THE ARTICLE, SUBMITTED TO THE EDITORIAL OF THE JOURNAL

Previously unpublished original scientific articles and scientific reviews in the following **journal headings** are accepted for publication:

Economic sciences

The results of fundamental and applied scientific research in the field of regional and sectoral economics, finance, management are published.

Philosophical sciences

The subject of the articles is topical issues in the field of ontology and the theory of knowledge, history of philosophy, aesthetics and ethics, philosophy of science and technology, social and political philosophy, philosophical anthropology and philosophy of culture, philosophy of religion and religious studies.

Transport

Original articles are published presenting the results of solving scientific and practical problems in the field of operation of road transport are considered.

The review article should be conceptual, that is, contain new ideas and concepts arising from an array of published materials.

If a manuscript is submitted simultaneously to several editions, the article will be retracted (withdrawn from print).

The article includes the following **elements**:

UDC. On the first page of the article, in the upper left corner without indentation, the index according to the universal decimal classification is indicated.

The title of the article (in English and Russian). The title of the article should be unambiguous, understandable to specialists in other fields, and reflect the content of the article. The editorial board asks not to use abbreviations, interrogative and exclamation sentences in the title of the article, and also not to formulate the title of the article in the form of two sentences.

Information about the authors (in English and Russian). including the following information for each author:

- full name;
- place of work (name of the organization according to the charter);
- city, country;
- contact email address.

Abstract (in English and Russian). The abstract is a self-contained informative text containing a short version of the article. Recommended annotation contains about 250–300 words. For most readers, it will be the main source of information about the presented research. The annotation should reflect the relevance, purpose, approaches used, methods and (or) methodological apparatus of the study, the main results, scientific novelty, practical relevance, directions for further research, recommendations. In the presentation of the material, it is recommended to adhere to the above structure of the annotation.

All information contained in the abstract should be disclosed in the main text of the article.

Key words (in English and Russian). Key words are a search engine for a scientific article. They should reflect the basic terminology of this scientific study. Recommended number of key words is 5–10 words.

Acknowledgments (in English and Russian). Mention should be made of the people who helped the author prepare this article, as well as the organizations that provided financial support.

The main text of the article. Articles in Russian and English are accepted. The volume of the text of the article without a bibliographic list should be to 20 pages of the author's text, designed in accordance with the technical requirements of the journal.

The main text of the article is presented in the *following sequence*:

Introduction. This section should contain a justification for the necessity and relevance of the study, a brief description of the scientific problem that needs to be solved, the goal of the study, consistent with the title of the article, its content and results, as well as other aspects, which in general would allow the reader to understand and appreciate the importance and significance of the study.

Headings of the structural parts of the article. Here the essence of the problem under study, its connection with the topic of the article, the degree of its elaboration in modern science, the methodological apparatus and (or) the methodological tools of the research carried out. It is desirable to have a section "Methods" containing a description of how the study was carried out. All factors that could influence the results of the study should be stated.

Research results (or another title). This section of the article should contain a description of the obtained research results and their interpretation.

Conclusion. Conclusions based on the results obtained, conclusions on the scientific value and practical significance of the results are given, recommendations are given for further research based on this work.

Previously published results should not be included in this section of the article.

References. The list of references should contain, as a rule, at least 15–17 scientific sources. The following types of sources can be included in this section:

- articles in scientific peer-reviewed journals;
- articles in peer-reviewed conference proceedings;
- books (except educational and reference literature);
- monographs;
- patents.

It is not recommended to include sources from small-circulation publications (collections of articles, conference proceedings, monographs) that are not available for online review, Russian journals that are not included in the RSCI or excluded from the RSCI.

References to legal acts, reference and statistical materials, informational and analytical materials of websites should be made in the form of subscribed bibliographic references. Undesirable are links to dissertations and abstracts of dissertations. It is recommended to refer to original articles and monographs. Theses are considered as manuscripts and are not printed sources. If references to dissertations and abstracts of dissertations are necessary, then it is preferable to place them also in the form of subscript bibliographic references.

The list of sources recommends the presence of works by foreign authors, (at least 30%) as well as works published over the last 5 years.

To compile a list of sources, GOST R 7.0.5–2008. Examples of the design of bibliographic references.

Direct bibliographic self-citation (percentage of authors' works in the general list of sources) should not exceed 20%.

The literature is given in alphabetical order, foreign sources are placed at the end of the bibliographic list also in alphabetical order.

The Harvard system of referencing is used for the design of References. Rules and examples of registration.

All sources should be referenced in the text of the article in square brackets. For example, [5] or [9, p. 14], i.e. the number of the source in the list of references or the number of the source in the list of references and the page number in this source is indicated.

Affiliation of authors (in English and Russian). For each author, the surname, first name, patronymic, academic degree, academic rank, position with the name of the structural unit of the organization, the name of the organization (permanent place of work of the author) are fully indicated in accordance with the charter of the organization; **ORCID iD**, **Researcher ID**, **Scopus Author ID** (if available); city, country, email address (e-mail).

Contribution of co-authors (the section is filled in if there is a group of authors).

The rules for the design of the article and its template are presented on the journal's website <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>.

TECHNICAL REQUIREMENTS

The material must be typed in a Microsoft Word text editor in the format *.doc or *.docx. The following technical requirements must be met for all parts of the article:

- font: Times New Roman typeface, 14 pt;
- line spacing – 1.5 lines;
- paragraph indentation – 1.25 cm.;
- text alignment: width;
- automatic hyphenation should be turned off;
- margins: left – 2 cm, right – 2 cm, top – 2 cm, bottom – 2 cm.

Formulas and symbols are placed in the text of the article, the Microsoft Equation formula editor is used.

Tables. All tables found in the text of the article should be numbered and have a name that is located in front of the table.

Format

of the table name: Table <number>. <Name without using an abbreviation>.

Their authorship (source) should be indicated under the table. Recommended format:

- Source: developed by the author;
- Source: developed by the author based on <specify sources>;
- Source: borrowed from [specify sources].

According to the text of the article, there must be links to all tables.

A font size of 12 pt (Times New Roman typeface) is allowed inside the table

Drawings. All figures found in the text of the article should be numbered and have a name that is located under the figure.

Format of the picture title:

Figure<number>. <Name without using an abbreviation>

After the name of the drawing, the authorship (source) of this drawing should be indicated. Recommended format:

- Source: developed by the author;
- Source: developed by the author based on <specify sources>;
- Source: borrowed from [specify sources].

According to the text of the article, there must be links to all the drawings.

All explication (captions) in the picture field must be made in Times New Roman font, font size 12 pt is allowed

Scanned graphs, tables, and diagrams are not allowed.

The photos presented in the article must be sent as a separate file in *.tiff or *.jpg formats with a resolution of at least 300 dpi.

Subscript bibliographic references are formed on the basis of using the MS Word command «Links / Insert footnote».

Интеллект. Инновации. Инвестиции
№ 4, 2025

Ответственный секретарь – Т. П. Петухова
Верстка – Г. Х. Мусина
Корректura – Е. Д. Денисова
Перевод – В. А. Захарова
Дизайн обложки – И. В. Возяков

Подписано в печать 18.08.2025. Дата выхода в свет 29.08.2025.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 16,16. Усл. изд. л. 13,95. Тираж 500. Заказ № 30.
Свободная цена

Адрес учредителя, редакции, издателя:
460018, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13,
Оренбургский государственный университет.
Тел. редакции: +7 (3532) 37-24-53
e-mail редакции: intellekt-izdanie@yandex.ru

Электронная версия журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
размещена на сайте журнала: <http://intellekt-izdanie.osu.ru>

Отпечатано в ООО Издательско-полиграфический комплекс «Университет»
Адрес: 460000, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6
тел./факс: +7 (3532) 90-00-26, 92-60-79
e-mail: cadr25@mail.ru